Каутский

ЭРФУРТСКАЯ Программа

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦАISS
К386

2-3
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

№225
081
К.30

ЭРФУРТСКАЯ ПРОГРАММА

АРХИВ
ИСТПАРТ
Ф.
№
Л.
ЦИРКЛИН

КАРЛА КАУТСКАГО

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ЗАГРАНИЧНАЯ ЛЕГА
РОССІЙСКАЯ
СОЦІАЛЬДЕМ. РАБОЧАЯ
ПАРТІЯ.
Русской Рабочей Соціалдемократіи.

3209

Н

2

ЦА155
К386

Предлагаемая книга представляетъ написанный Каутскимъ комментарій къ принятой на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1891 г. программѣ германской соціаль-демократической партіи. При переводѣ книги для настоящаго изданія приняты во вниманіе поправки, сдѣланныя авторомъ въ первоначальномъ текстѣ.

1100
28

Ц-6703 у

2010г.
У

Оглавленіе.

Стран.

I. **Упадокъ мелкаго производства.**

1. Мелкое производство и частная собственность 1
2. Товаръ и капиталъ 2
3. Капиталистическое производство 5
4. Борьба мелкаго производства за жизнь 8

II. **Пролетаріатъ.**

1. Пролетарій и подмастерье 15
2. Заработная плата 18
3. Разрушеніе семьи пролетарія 19
4. Проституція 20
5. Промышленная резервная армія 21
6. Ростъ пролетаризаціи. Торговый и интеллигентный пролетаріатъ 23

III. **Классъ капиталистовъ.**

1. Торговля и кредитъ 28
2. Раздѣленіе труда и конкурренція 30
3. Прибыль 32
4. Поземельная рента 32
5. Налоги 34
6. Паденіе прибыли 36
7. Ростъ крупнаго производства. Картели 38
8. Промышленные кризисы 42
9. Хроническое перепроизводство 48

IV. **Государство будущаго.**

1. Соціальная реформа и революція 52
2. Частная собственность и собственность коллективная . . . 55
3. Соціалистическое производство 57
4. Экономическое значеніе государства 60
5. Государственный соціализмъ и соціаль-демократія 63
6. Организація государства будущаго 65
7. „Разрушеніе семьи“ 71
8. Конфискація собственности 72
9. Распредѣленіе продуктовъ въ „государствѣ будущаго“ . . 75
10. Соціализмъ и свобода 80

Стран.

V. **Классовая борьба.**

1. Соціализмъ и имущіе классы 85
2. Подмастерья и прислуга 87
3. Нищій пролетаріатъ (лумпенъ-пролетаріатъ) 88
4. Начало наемнаго пролетаріата 89
5. Подъемъ рабочаго пролетаріата 90
6. Борьба между возвышающими и подавляющими пролетаріатъ тенденціями 93
7. Филантропія и законодательная охрана труда 94
8. Профессіональное движеніе 97
9. Политическая борьба 101
10. Рабочая партія 106
11. Рабочее движеніе и соціализмъ 109
12. Соціаль-демократія — соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ 112
13. Международный характеръ соціаль-демократіи 113
14. Соціаль-демократія и народъ 117

I.

Упадокъ мелкаго производства.

1. Мелкое производство и частная собственность.

Иному кажется, что онъ говоритъ нѣчто весьма премудрое, когда, возражая намъ, заявляетъ: „Ничто не ново подъ лупою. Какъ дѣло обстоитъ теперь, такъ оно обстояло всегда и всегда будетъ обстоять.“ Ничего не можетъ быть ошибочнѣе и нелѣпѣе подобнаго утвержденія. Новѣйшая наука показываетъ намъ, что ни въ чемъ нѣтъ застоя, что въ обществѣ, какъ и въ природѣ, происходитъ непрерывное развитіе.

Въ настоящее время мы знаемъ, что первобытный человѣкъ, подобно животнымъ, поддерживалъ свое существованіе, собирая тѣ продукты, которые онъ находилъ въ природѣ въ готовомъ видѣ. Но затѣмъ онъ началъ изобрѣтать оружія и орудія труда и совершенствовать ихъ. Онъ становился рыбакомъ, охотникомъ, пастухомъ и, наконецъ, сталъ осѣдлымъ земледѣльцемъ и ремесленникомъ. Ходъ развитія все болѣе и болѣе ускорялся, пока, наконецъ, въ наше время — въ вѣкъ пара и электричества — не достигъ такой быстроты, что мы можемъ наблюдать его собственными глазами, не прибѣгая къ сравненію съ минувшими временами. И есть еще люди, возвѣщающіе съ видомъ превосходства, что ничто не ново подъ луною!

Способъ, которымъ люди добываютъ себѣ средства существованія, которымъ они производятъ необходимыя для этого блага, зависитъ отъ окружающей среды; онъ не одинаковъ въ горахъ и въ долинахъ, на морскомъ берегу не таковъ, какъ въ степи, но онъ зависитъ также отъ свойствъ ихъ орудій труда и сырыхъ матеріаловъ, словомъ, отъ тѣхъ средствъ, которыя находятся въ ихъ распоряженіи при производствѣ благъ, — отъ *средствъ производства*. Но тогда какъ естественная среда, вообще говоря, вовсе не измѣняется или измѣняется очень мало, средства производства становятся все совершеннѣе. Они постоянно развиваются и представляютъ измѣняющійся элементъ (перемѣнную величину) въ производствѣ. Но люди никогда не занимались производствомъ въ одиночку, а всегда болѣе или менѣе крупными *обществами*, та или иная форма которыхъ находится въ зависимости отъ того или иного господствующаго способа производства.

Поэтому, развитію производства соотвѣтствуетъ *развитіе общества*.

Общественныя же формы и взаимныя отношенія членовъ общества находятся въ самой тѣсной связи съ *формами собственности*, признаваемыми и поддерживаемыми даннымъ обществомъ. Поэтому, рука объ руку съ развитіемъ производства идетъ и развитіе собственности.

Поясникъ это примѣромъ, взятымъ изъ области *крестьянскаго хозяйства*.

Нормальное крестьянское хозяйство слагается изъ двухъ отраслей: изъ *скотоводства* и *хлѣбопашества*. Въ скотоводствѣ вплоть до прошлаго столѣтія всюду существовало, а зачастую существуетъ и теперь *выгонное хозяйство*. Но это послѣднее обусловливаетъ существованіе *общиннаго землевладѣнія*. Было бы нелѣпо, если бы каждый крестьянинъ захотѣлъ обособить свой кусочекъ выгона, огородить его, держать собственнаго пастуха для своей пары головъ скота и т. д. Поэтому тамъ, гдѣ существуетъ

выгонное хозяйство, крестьянинъ очень крѣпко держится за общинный выгонъ и общиннаго пастуха.

Въ земледѣліи, находящемся на той стадіи развитія, когда работы производятся при помощи простого крестьянскаго инвентаря, безъ примѣненія машинъ — дѣло обстоитъ иначе. Въ общественной обработкѣ всѣхъ пашенъ, принадлежащихъ общинѣ, при такихъ условіяхъ, нѣтъ никакой необходимости или пользы для производства. Крестьянскія земледѣльческія орудія обусловливаютъ отдѣльную обработку маленькихъ участковъ земли единоличными усиліями или совмѣстно съ группой лицъ, не превышающей численностью крестьянской семьи.

Но при этихъ условіяхъ обработка земли будетъ тѣмъ тщательнѣе, будетъ давать тѣмъ большій доходъ, чѣмъ свободнѣе можетъ земледѣлецъ располагать своимъ участкомъ и чѣмъ полнѣе можетъ онъ пользоваться плодами обработки и улучшеніями своей пашни. Въ своей зачаточной формѣ земледѣліе нуждается въ мелкомъ производствѣ, но для того, чтобы это послѣднее могло вполнѣ развиться, необходима частная собственность на средства производства.

Поэтому, общинное землевладѣніе у древнихъ германцевъ, напримѣръ, — господствовавшее въ тотъ періодъ, когда пастьба скота (и охота) составляла для нихъ главный источникъ добыванія средствъ къ жизни, — постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто частной собственности на землю по мѣрѣ того, какъ мелкое крестьянское земледѣліе начинаетъ играть доминирующую роль. Замѣна выгоннаго скотоводства содержаніемъ скота въ стойлахъ окончательно подрѣзала общинное землевладѣніе. Такъ въ Европѣ подъ вліяніемъ экономическаго развитія, вслѣдствіе прогресса въ земледѣліи крестьянинъ изъ коммуниста превратился въ фанатика частной собственности.

То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ ремесленнику. Ремесло не требуетъ совмѣстной работы значительнаго числа рабочихъ. Каждый ремесленникъ занимается производствомъ или совсѣмъ въ одиночку, или при содѣйствіи одного-двухъ помощниковъ, входящихъ въ составъ его семьи, его домочадцевъ. Въ ремеслѣ, какъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ, отдѣльный рабочій или отдѣльная рабочая семья ведетъ свое особое предпріятіе. И поэтому, для полнаго развитія своей работоспособности, своихъ производительныхъ силъ ремесло, какъ и мелкое производство въ земледѣліи, нуждается въ частной собственности на употребляемыя имъ орудія труда и на производимые имъ продукты. При мелкомъ производствѣ продуктъ труда рабочаго находится въ зависимости отъ его индивидуальности, отъ его ловкости, прилежанія, усидчивости. Поэтому, онъ предъявляетъ на него права, какъ на свою личную собственность. Но въ производствѣ онъ не можетъ вполнѣ развить свои индивидуальныя способности, если онъ лично не свободенъ и не можетъ свободно располагать своими средствами производства, т. е. когда эти послѣднія не составляютъ его частной собственности.

Соціаль-демократія это поняла и ясно выразила въ своей программѣ словами: „частная собственность на средства производства составляетъ основу мелкаго производства.“ Но въ то же время она указываетъ, что „экономическое развитіе буржуазнаго общества съ неизбѣжностью закона природы ведетъ къ гибели мелкаго производства“.

Познакомимся поближе съ ходомъ этого развитія.

2. Товаръ и капиталъ.

Исходнымъ пунктомъ развитія буржуазнаго общества является крестьянское сельское хозяйство и ремесло.

Первоначально крестьянская семья сама удовлетворяла всѣ свои потребности. Она сама производила необходимые пищевые продукты, производила всѣ орудія, всю одежду для всѣхъ своихъ членовъ, сама строила себѣ жилище и т. д. Она производила все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей, но не болѣе того. Съ теченіемъ времени, однако, ей стало удаваться, благодаря прогрессу въ земледѣліи, производить

нѣкоторый излишекъ продуктовъ, въ которомъ она непосредственно не нуждалась. Это дало ей возможность вымѣнивать этотъ излишекъ на продукты, которые она сама или вовсе не могла произвести или производила въ недостаточномъ количествѣ и которые она хотѣла имѣть — напримѣръ, какое либо украшеніе, оружіе или орудіе труда. Обмѣнъ превращалъ эти продукты въ *товары*.

Товаръ — это продуктъ, предназначаемый не для пользованія или потребленія внутри произведшей его хозяйственной единицы, а для обмѣна на продуктъ другой хозяйственной единицы. Пшеница, которую крестьянинъ сѣетъ для собственнаго потребленія, не товаръ, но товаръ та пшеница, которую онъ сѣетъ на продажу. Продавать — значитъ ничто иное, какъ обмѣнивать извѣстный товаръ на такой товаръ, который нуженъ всякому, и который, благодаря этому, превращается въ *деньги;* таково, напримѣръ, золото.

Какъ мы видѣли, съ теченіемъ экономическаго развитія, крестьянинъ превращается въ производителя товаровъ; ремесленникъ, ведущій самостоятельное мелкое предпріятіе, съ самаго начала является таковымъ. Онъ продаетъ не только избытокъ своихъ продуктовъ, а производитъ продукты главнымъ образомъ *на продажу*.

Но для товарнаго производства нужны два условія: во первыхъ, чтобы всѣ отдѣльныя хозяйства не производили одни и тѣ же продукты, но чтобы въ обществѣ произошло *раздѣленіе труда;* во вторыхъ, чтобы обмѣнивающіеся могли свободно располагать обмѣниваемыми продуктами, т. е. чтобы эти продукты были ихъ *частной собственностью*.

Чѣмъ больше прогрессируетъ съ теченіемъ экономическаго развитія раздѣленіе труда на отдѣльныя отрасли и чѣмъ больше распространяется и пріобрѣтаетъ значеніе частная собственность, тѣмъ болѣе производство для собственнаго потребленія отступаетъ на задній планъ и вытѣсняется товарнымъ производствомъ.

Раздѣленіе труда ведетъ, въ концѣ концовъ, къ тому, что купля и продажа становятся также особымъ занятіемъ, которымъ исключительно занимается особый классъ людей, *купцы*. Они извлекаютъ прибыль изъ того, что дешево покупаютъ и дорого продаютъ. Но это еще не значитъ, что они могутъ произвольно назначать цѣну товаровъ. *Цѣна* товара зависитъ въ послѣднемъ счетѣ отъ *мѣновой цѣнности*. Цѣнность же товара опредѣляется среднимъ количествомъ труда, необходимымъ для его производства. Однако, цѣна товара почти никогда не совпадаетъ въ точности съ его цѣнностью; цѣна не опредѣляется исключительно, подобно цѣнности, *условіями производства*, но и *условіями рынка*, главнымъ образомъ, спросомъ и предложеніемъ, т. е. тѣмъ, какое количество товара доставлено на рынокъ и какое количество его требуется. Но и цѣна подлежитъ извѣстнымъ законамъ. Для даннаго мѣста и времени она — величина опредѣленная. Поэтому, если купецъ хочетъ продать дороже, чѣмъ купилъ, т. е. извлечь *прибыль* или *барышъ* отъ продажи товара, онъ можетъ, обыкновенно, достигнуть этого лишь тѣмъ, что купитъ товаръ въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, когда онъ дешевъ, и продастъ въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, когда онъ дорогъ.

Когда крестьянинъ или ремесленникъ покупаетъ товары, онъ дѣлаетъ это потому, что они нужны ему или его семьѣ, какъ средства производства или жизни. Купецъ покупаетъ товары не для собственнаго потребленія, а для того, чтобы дать имъ такой оборотъ, который принесъ бы ему прибыль. Товары и денежныя суммы, употребляемыя для этой цѣли, представляютъ собою *капиталъ*.

Ни о какомъ товарѣ или денежной суммѣ, какъ таковыхъ, нельзя сказать, составляютъ они капиталъ или нѣтъ. Это зависитъ отъ ихъ назначенія. Табакъ, покупаемый купцомъ для перепродажи съ барышомъ, для него — капиталъ. Табакъ, покупаемый имъ для куренія, для него не есть капиталъ.

Первоначальную форму капитала составляетъ *торговый капиталъ*. Почти столь же давняго происхожденія *капиталъ ростовщическій*, прибыль

съ котораго получается въ формѣ *процентовъ*, взимаемыхъ капиталистомъ за ссуду товаровъ или денегъ.

Капиталъ возникаетъ на извѣстной ступени товарнаго производства и, разумѣется, на основѣ частной собственности, служащей основаніемъ всего товарнаго производства. Но подъ вліяніемъ капитала, частная собственность пріобрѣтаетъ совершенно новый обликъ, или, вѣрнѣе сказать, два облика. На ряду съ мелкобуржуазнымъ, соотвѣтствующимъ условіямъ мелкаго производства, вырисовывается также обликъ капиталистическій. Защитники современной частной собственности отмѣчаютъ лишь ея мелкобуржуазную сторону. А между тѣмъ, надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть въ настоящее время капиталистической ея стороны. На той болѣе низкой ступени экономическаго развитія, когда не существуетъ другого капитала, кромѣ торговаго и ростовщическаго, выступаютъ, правда, лишь немногія черты капиталистическаго облика частной собственности, но и онѣ заслуживаютъ вниманія.

При господствѣ мелкаго производства доходъ крестьянина или ремесленника зависитъ прежде всего отъ *личныхъ свойствъ* его и его домочадцевъ, отъ его прилежанія, искусства и т. п. Величина же прибыли купца зависитъ, наоборотъ, отъ количества *денегъ*, имѣющихся у него для покупки товаровъ: чѣмъ больше у него товаровъ для продажи, тѣмъ больше и прибыль. Если я продаю 10 000 фунтовъ табаку, моя прибыль будетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ сто разъ больше той, которую я могъ бы имѣть, продавши лишь 100 фунтовъ. То же самое и по отношенію къ ростовщику. Слѣдовательно, доходъ капиталиста — какъ таковаго — зависитъ прежде всего отъ *величины его капитала*.

Рабочая сила и способности отдѣльнаго лица ограничены, равно какъ и количество продуктовъ, которое можетъ создать рабочій при опредѣленныхъ условіяхъ. Оно не можетъ значительно превысить извѣстнаго средняго уровня. Деньги, наоборотъ, можно накоплять до безконечности, тутъ нѣтъ ни мѣры, ни предѣла. И чѣмъ больше у кого денегъ, тѣмъ больше денегъ онѣ родятъ ему, если употребляются, какъ капиталъ. Это даетъ возможность добывать *несмѣтныя богатства*.

Но частная собственность создаетъ и иную возможность. Частная собственность *на средства производства* предполагаетъ, что каждый имѣетъ законную возможность пріобрѣтать эти средства, но также и возможность ихъ *утрачивать*, т. е. утрачивать самый источникъ своего существованія и впадать такимъ образомъ въ *полное обнищаніе*. Ростовщическій капиталъ уже заранѣе предполагаетъ нужду. Тотъ, кто имѣетъ то, что ему необходимо, не станетъ брать взаймы. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ нуждающагося, ростовщическій капиталъ является средствомъ увеличенія этой нужды.

Доходъ безъ труда — несмѣтное богатство однихъ — полная нищета другихъ — вотъ черты капиталистическаго облика частной собственности. Но эти черты не выступаютъ еще ярко при началѣ развитія торговаго и ростовщическаго капитала. Въ особенности слабо выступаетъ еще самая худшая черта этого облика, нищета: отсутствіе собственности продолжаетъ еще быть исключеніемъ, а не общимъ удѣломъ народныхъ массъ.

Иначе и быть не могло, такъ какъ на этой ступени развитія доходы купца и ростовщика, какъ и другихъ, появлявшихся рядомъ съ ними эксплуататоровъ, — въ средніе вѣка, напримѣръ, феодальныхъ землевладѣльцевъ (которыхъ, чтобы не уклоняться отъ темы, мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ) — находились въ полнѣйшей зависимости отъ существованія и размноженія мелкаго городского и сельскаго производства. Пословица: „богатъ крестьянинъ — всѣ богаты“ была тогда въ полной силѣ. Торговля не уничтожила мелкаго производства и, при извѣстныхъ условіяхъ, даже способствовала его процвѣтанію. Ростовщикъ высасывалъ соки изъ своего должника, но не имѣлъ ни малѣйшаго интереса въ окончательной его гибели. Утрата средствъ производства — бѣдность — является при этихъ условіяхъ не нормальнымъ общественнымъ явленіемъ, но лишь изъ ряда вонъ выходящимъ несчастіемъ, вызываемымъ или стеченіемъ

исключительныхъ обстоятельствъ, или исключительной неспособностью. Поэтому, бѣдность считалась въ то время либо ниспосланнымъ отъ бога испытаніемъ, либо наказаніемъ за лѣность, легкомысліе и пр. Такой взглядъ еще и въ настоящее время очень распространенъ въ средѣ мелкой буржуазіи, а между-тѣмъ отсутствіе собственности сдѣлалось теперь явленіемъ совершенно иного порядка, чѣмъ было въ то время.

3. Капиталистическое производство.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ *ремесло* въ Европѣ развивалось все болѣе и болѣе. Общественное раздѣленіе труда возросло—такъ, напримѣръ, ткацкое дѣло распалось на льноткацкое, шерстяное и плисовое, а различные связанные съ тканьемъ процессы, какъ напримѣръ, стрижка сукна, выдѣлились въ особыя отрасли производства. Искусство росло, методы и инструменты значительно улучшились. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлала успѣхи и торговля, главнымъ образомъ, вслѣдствіе улучшенія способовъ сношенія и, особенно, вслѣдствіе прогресса въ кораблестроеніи. Къ концу XV-го вѣка ремесло достигло самаго пышнаго расцвѣта, но въ это же время произошло нѣсколько событій, имѣвшихъ громадное значеніе для торговли. Найденъ былъ морской путь *въ Индію*, эту сказочную страну съ ея несмѣтными сокровищами, и была открыта *Америка* съ ея неисчерпаемыми золотыми и серебряными рудниками.

Цѣлое море богатствъ хлынуло на Европу, богатствъ, которыя европейскіе авантюристы нагребли въ короткое время при помощи торговли, обмана и грабежа. Львиная доля этихъ богатствъ досталась наиболѣе богатымъ купцамъ, которые были въ состояніи снаряжать корабли и посылать съ ними многочисленные и сильные отряды неустрашимыхъ и готовыхъ на все наемниковъ.

Въ тотъ же періодъ складывалось и современное централизованное *государство* съ его бюрократизмомъ и милитаризмомъ. Первоначально оно приняло форму *абсолютной монархіи*. Это государство въ такой-же мѣрѣ соотвѣтствовало потребностямъ пробивающагося вверхъ класса капиталистовъ, какъ и само нуждалось въ его поддержкѣ. Современное государство, государство развитого товарнаго производства,—крѣпко не личной службой, а взимаемыми имъ *денежными налогами*. Поэтому, монархи имѣли всяческое основаніе оказывать поддержку и покровительство тѣмъ людямъ, которые привлекали деньги въ страну, т. е. купцамъ и капиталистамъ. Въ благодарность за это покровительство капиталисты ссужали монархамъ и государствамъ деньги, ставили ихъ въ зависимость отъ себя, превращая въ своихъ должниковъ, и тогда уже заставляли самымъ рѣшительнымъ образомъ служить интересамъ капитала: охранять и улучшать пути сообщенія, завоевывать и удерживать въ своей власти заокеанскія колоніи, вести войны съ конкуррирующими торговыми государствами и т. д.

Въ учебникахъ политической экономіи намъ разсказываютъ сказки, что капиталъ создался благодаря *бережливости*. Но мы знаемъ совершенно иные источники происхожденія капитала. Наиболѣе крупныя богатства капиталистическія націи пріобрѣли благодаря своей *колоніальной политикѣ*, т. е. благодаря грабежу чужихъ странъ. Источникъ этихъ богатствъ — *морской разбой, контрабанда, торговля невольниками, торговыя войны*. Исторія капиталистическихъ націй вплоть до настоящаго времени дастъ достаточно примѣровъ такихъ „сбереженій“ капитала. *Государственная помощь* тоже оказала могучее содѣйствіе подобнаго рода *„бережливости“*.

Но новыя открытія и торговые пути дали не только громадныя богатства купцамъ, они также очень быстро расширили рынокъ для сбыта продуктовъ промышленности мореходныхъ странъ, въ особенности Англіи, ставшей властительницей морей. Ремесло не могло удовлетворить столь сильно и быстро возроставшихъ запросовъ рынка. *Массовый сбытъ* требовалъ *массоваго производства;* обширный рынокъ нуждался въ производствѣ, всецѣло приноровленномъ къ его потребностямъ, т. е. находящемся въ полной зависимости отъ купца.

Въ интересахъ купцовъ было самимъ завести массовое производство, отвѣчающее потребностямъ расширившагося рынка; у нихъ было также достаточно денегъ на покупку въ надлежащемъ размѣрѣ всего необходимаго для производства: какъ-то сырья, инструментовъ, мастерскихъ и рабочей силы, — но откуда было взять эту послѣднюю? Невольниковъ, которыхъ можно было бы купить, въ Европѣ уже не существовало. Рабочій-же, имѣющій свои средства производства или принадлежащій къ семьѣ, имѣющей ихъ, не продаетъ своей рабочей силы. Онъ предпочитаетъ работать для себя, чтобы самому или съ своей семьей пользоваться всѣмъ продуктомъ своего труда. Онъ продаетъ *продуктъ своего труда*, но не свою *рабочую силу*. Замѣтимъ кстати, что слѣдуетъ остерегаться двусмысленнаго выраженія: продажа труда или работы. Трудъ, работа есть дѣятельность и, какъ таковая, проданъ быть не можетъ, но слово работа употребляется не только для обозначенія дѣятельности, но и въ смыслѣ *результатовъ* этой дѣятельности т. е. *продуктовъ труда;* употребляется оно и для обозначенія *силы*, проявленіе которой составляетъ трудовую дѣятельность, т. е. *рабочей силы*. Поэтому употребленіе словъ „трудъ“, „работа“ въ вышеозначенной связи со словомъ „продажа“ даетъ возможность сваливать въ одну кучу самыя разнообразныя вещи и стирать между ними всякое различіе. Такъ и поступаютъ тѣ политико-экономы, которымъ желательно поддержать въ умахъ, какъ рабочихъ, такъ и мелкихъ самостоятельныхъ производителей смутныя понятія объ ихъ отношеніяхъ. Нужно зорко приглядывать за этими экономистами.

Но возвратимся къ нашему купцу, оставленному нами въ поискахъ за рабочими. Съ мелкими производителями и ихъ семьями ничего не подѣлаешь. Купецъ долженъ искать рабочихъ, не обладающихъ средствами производства, не имѣющихъ ничего, кромѣ своей рабочей силы, которую онъ вынужденъ продавать, чтобы не умереть съ голоду. Развитіе товарнаго производства и частной собственности, какъ мы видѣли, произвело уже на свѣтъ такихъ неимущихъ, но въ началѣ ихъ было мало, да и большинство тѣхъ, кто не входилъ въ составъ членовъ какой либо семьи, ведущей предпріятіе, состояло изъ лицъ, неспособныхъ къ труду: это были старики, больные, калѣки, лѣнтяи, мошенники и проходимцы. Число вполнѣ свободныхъ неимущихъ рабочихъ было очень невелико.

Но сама благодѣтельная судьба озаботилась, чтобы какъ разъ къ тому времени, когда въ средѣ купцовъ возникъ сильный спросъ на рабочія руки, цѣлая масса рабочихъ лишилась всего, что имѣла, и была выброшена на улицу, гдѣ богатымъ купцамъ оставалось только подобрать ихъ.

И это явленіе было въ свою очередь слѣдствіемъ развитія товарнаго производства. Расширеніе рынка для продуктовъ городской промышленности отозвалось и *на сельскомъ хозяйствѣ*. Въ городахъ возросталъ спросъ на жизненные припасы и сырые продукты, дерево, шерсть, ленъ, краски и т. д. Благодаря этому и сельско-хозяйственное производство все болѣе и болѣе превращалось въ товарное производство, т. е., производство *на продажу*.

У крестьянина завелись деньги. Но это было для него несчастіемъ. Деньги разжигали алчность его эксплуататоровъ, землевладѣльцевъ и правительства. Пока крестьянскій избытокъ состоялъ лишь въ продуктахъ, они брали у него лишь столько, сколько могли потребить. Деньги же всегда нужны: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ больше расширялся рынокъ крестьянина, чѣмъ больше выручалъ онъ денегъ за свои товары, тѣмъ сильнѣе грабили его землевладѣльцы и государи, тѣмъ болѣе возростали его подати и повинности. Вскорѣ господа перестали довольствоваться тѣмъ *избыткомъ*, который не шелъ непосредственно на поддержку рабочей силы крестьянина, а стали отнимать все чаще у него и *необходимое*. Не удивительно, что крестьянъ охватило отчаяніе, и многіе, въ особенности, послѣ крестьянскихъ войнъ, когда всѣ попытки къ сопротивленію были подавлены, бросали дома и дворы и искали убѣжища въ городахъ.

Къ этому присоединялось часто еще и другое обстоятельство. Если въ городахъ, благодаря расширенію рынка, явилась потребность въ *про-*

мышленномъ массовомъ производствѣ, въ деревнѣ родилась потребность въ *сельско-хозяйственномъ* массовомъ производствѣ. То, что купцы пытались сдѣлать въ городахъ, землевладѣльцы попробовали сдѣлать въ деревнѣ. Помѣщикъ, до той поры отличавшійся обыкновенно отъ крестьянина лишь своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, попытался теперь расширить свое производство. Въ рабочей силѣ у него не было недостатка, онъ съумѣлъ уже раньше заставить крестьянъ работать на себя. Очень часто ему вовсе и не нужно было новыхъ рабочихъ силъ. Такъ, напримѣръ, производство *шерсти* или *дерева*, овцеводство и лѣсоводство, требуютъ гораздо меньше рабочихъ, чѣмъ земледѣліе. Тамъ, гдѣ землевладѣльцы переходили отъ земледѣлія къ пастбищному и лѣсному хозяйству, сельско-хозяйственные рабочіе становились излишними. Но что теперь при всякихъ условіяхъ было нужно помѣщику — это земля, ея нужно было гораздо больше, чѣмъ то количество, которое онъ обрабатывалъ до сихъ поръ. Увеличить свои владѣнія онъ могъ только насчетъ своихъ сосѣдей — крестьянъ. Онъ долженъ былъ согнать ихъ съ земли, если хотѣлъ расширить свое хозяйство. Этотъ шагъ не представлялъ особенныхъ трудностей. Начавшееся снесеніе крестьянскихъ усадебъ продолжалось въ широкомъ размѣрѣ до конца XVIII вѣка. Пока купцы обогащались грабежомъ колоній, дворянство и государи обогащались грабежомъ собственныхъ подданныхъ. Феодалы такъ же мало, какъ и капиталисты, останавливались передъ обманомъ, насиліемъ, разбоями и пожарами, если это было необходимо для достиженія ихъ цѣлей.

Исторія раскрываетъ тутъ передъ нами совершенно особые способы *„сбереженія“*. Что оставалось дѣлать массѣ неимущихъ сельскихъ жителей, частью бѣжавшихъ отъ барщины и поборовъ, частью выжитыхъ изъ домовъ обманомъ или силой? Они не могли болѣе вести самостоятельнаго производства, имъ не хватало для этого средствъ производства, отъ которыхъ ихъ прогнали, съ которыми ихъ разлучили. Они не могли болѣе нести на рынокъ свои продукты, поэтому, имъ ничего не оставалось, какъ нести туда самихъ себя, запродать на болѣе или менѣе долгое время единственное цѣнное, что у нихъ оставалось, свою рабочую силу, т. е. наняться на работу. Одни стали земледѣльческими батраками — можетъ быть, у того-же господина, который согналъ ихъ съ земли. Другіе нанимались въ солдаты и помогали помѣщикамъ, ограбившимъ ихъ, въ ихъ грабежахъ; иные погибли, стали нищими или преступниками. Но многіе, и, конечно, не худшіе, стали искать заработка *въ промышленности*. Ремесленники старались оградить себя отъ наплыва новыхъ рабочихъ силъ, новыхъ конкуррентовъ тѣмъ, что при помощи цеховъ закрывали доступъ въ свое ремесло. Это еще болѣе толкнуло очутившіяся на улицѣ рабочія массы въ объятія кущовъ, искавшихъ наемныхъ рабочихъ для своихъ предпріятій.

Такъ были созданы основы *капиталистическаго способа производства*, онѣ были созданы при помощи *экспропріаціи* (т. е. отчужденія собственности), при помощи *революціи*, такой кровавой и жестокой, какой еще не видала міровая исторія. Конечно, это была революція богатыхъ и сильныхъ противъ бѣдныхъ и слабыхъ, и поэтому то время, когда эта революція совершалась, прославляется, какъ вѣкъ гуманизма и освобожденія умовъ; въ настоящее время объ этомъ особенно громко кричатъ тѣ, кого приводятъ въ живѣйшее негодованіе революціонныя намѣренія соціалъ-демократіи.

Разъединеніе значительныхъ массъ рабочихъ съ ихъ средствами производства, превращеніе ихъ въ неимущихъ, въ *пролетаріевъ*, было необходимымъ предварительнымъ условіемъ капиталистическаго массоваго производства. Экономическое развитіе требовало этого. Но, какъ и всегда, и на этотъ разъ передовые классы не удовлетворились ролью пассивныхъ зрителей совершающагося передъ ихъ глазами развитія, они прибѣгли *къ силѣ* для охраненія своихъ интересовъ и ускоренія процесса развитія. При родахъ капиталистическаго общества акушеркой было насиліе въ самой грубой, жестокой формѣ.

4. Борьба мелкаго производства за жизнь.

Съ внѣшней стороны новый способъ производства вначалѣ мало чѣмъ отличался отъ стараго. Первоначальная его форма заключалась въ томъ, что капиталистъ давалъ рабочимъ, которыхъ онъ нанялъ, сырой матеріалъ, напримѣръ, пряжу, если это были ткачи, — и они обрабатывали этотъ сырой матеріалъ у себя на дому и приносили капиталисту уже готовый продуктъ. Конечно, уже и въ этой своей формѣ, наиболѣе близкой къ ремесленной, капиталистическій способъ производства создавалъ рѣзкое различіе между самостоятельнымъ ремесленникомъ и наемнымъ рабочимъ, занятымъ домашней промышленностью. Но объ измѣненіяхъ, которыя внесъ новый способъ производства въ положеніе рабочихъ, мы скажемъ позднѣе, въ другомъ мѣстѣ, а пока прослѣдимъ, главнымъ образомъ, самый ходъ развитія капиталистическаго способа производства.

Слѣдующій шагъ, предпринятый капиталистомъ, заключался въ томъ, что онъ переставалъ давать рабочимъ работу на домъ, а собиралъ ихъ всѣхъ въ свою собственную мастерскую, гдѣ ему было легче наблюдать за ними и подгонять ихъ. Этимъ было впервые положено основаніе капиталистическаго *крупнаго производства* въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніе для измѣненія въ самомъ способѣ производства, измѣненія, которое съ того времени идетъ все болѣе и болѣе скорымъ темпомъ.

Совмѣстная работа многихъ лицъ въ одной мастерской впервые сдѣлала возможнымъ *раздѣленіе труда въ самомъ производствѣ*. При господствѣ мелкаго производства раздѣленіе труда заключалось въ томъ, что увеличивалось число *ремеслъ*, а потому число предметовъ, изготовляемыхъ каждымъ ремесленникомъ, сдѣлалось меньше. Но все-же каждый работникъ производилъ весь предметъ цѣликомъ. Раздѣленіе труда, напримѣръ, въ хлѣбопекарномъ мастерствѣ заключалось въ томъ, что не всякій пекарь изготовлялъ всѣ сорта хлѣба. Одни пекли только бѣлый хлѣбъ, другіе только черный, но каждый изготовлялъ цѣлый хлѣбъ. Иное дѣло раздѣленіе труда въ самомъ производствѣ. Оно ведетъ къ тому, что различныя манипуляціи, необходимыя для изготовленія продукта, становятся спеціальностью опредѣленныхъ рабочихъ, изъ которыхъ каждый заготовляетъ матеріалъ для другого. Такимъ образомъ, дѣятельность отдѣльнаго рабочаго все болѣе сводилась къ исполненію извѣстныхъ движеній, которыя онъ долженъ безпрерывно повторять. Крупное производство, въ которомъ работа производится такимъ способомъ, представляетъ собою *мануфактуру*. Производительность, продуктивность труда каждаго отдѣльнаго рабочаго благодаря этому повысилась чрезвычайно. Но еще важнѣе другой результатъ. Когда раздѣленіе труда въ какой нибудь отрасли производства настолько ушло впередъ, что изготовленіе продукта распалось на рядъ простѣйшихъ манипуляцій, и рабочій былъ низведенъ до уровня *машины*, надо было сдѣлать лишь небольшой шагъ къ тому, чтобы замѣнить рабочаго машиной.

И этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Сдѣлать его помогло развитіе *естественныхъ наукъ*, въ особенности-же, открытіе двигательной силы пара. Это открытіе впервые создало двигательную силу, не зависимую отъ причудъ стихій, а вполнѣ подчиненную волѣ человѣка.

Введеніе машины было настоящей промышленной *революціей*. Благодаря ей капиталистическій способъ крупнаго производства достигъ своего высшаго, наиболѣе совершеннаго фазиса — возникла *фабрика*. Въ машинѣ капиталистическое производство пріобрѣло могучее оружіе, посредствомъ котораго, шутя, преодолѣвалось всякое сопротивленіе и ходъ экономическаго развитія превратился въ тріумфальное шествіе капитала.

Впервые примѣненныя на практикѣ машины были изобрѣтены и введены въ англійской *текстильной (прядильно-ткацкой) промышленности* въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія. Къ тому же времени относится и изобрѣтеніе *паровой машины*. Съ тѣхъ поръ машина быстро завоевывала одну отрасль промышленности за другой, одну страну за другой. До 40-хъ годовъ XIX-го столѣтія фабричная капиталистическая промышлен-

пость за предѣлами Англіи была очень слабо распространена; въ 50-хъ годахъ она стала быстро развиваться во Франціи, въ шестидесятыхъ и особенно семидесятыхъ годахъ она охватила Соединенные Штаты, Германію, Австрію. Лѣтъ 20 тому назадъ она утвердилась даже въ варварской Россіи, въ Остъ-Индіи, въ Австраліи, теперь она начинаетъ проникать уже въ Восточную Азію, Южную Африку, Южную Америку. Что значатъ великія міровыя государства прошлыхъ столѣтій въ сравненіи съ тѣмъ гигантскимъ царствомъ, какое покорила себѣ капиталистическая промышленность!

Въ 1837 г. въ Пруссіи было всего 423 паровыхъ машинъ въ 7500 лошадиныхъ силъ. Въ 1888 ихъ было уже 43370, не считая паровозовъ и пароходовъ. Двигательная сила паровыхъ машинъ въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ въ той-же Пруссіи въ 1879 году выражалась 934884 лошадиными силами, а въ 1897 году уже 2881799. Десять лѣтъ тому назадъ работа, производимая паровыми машинами всего міра, равнялась работѣ 200 милліоновъ лошадей или работѣ *тысячи милліоновъ* людей.

Паровая машина привела весь способъ производства въ состояніе постоянной метаморфозы: открытія и изобрѣтенія слѣдуютъ безпрерывно одно за другимъ. Съ одной стороны, машина постоянно завоевываетъ новыя области, въ которыхъ до тѣхъ поръ безраздѣльно царило ручное производство. Съ другой, — въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ уже царствуетъ фабричная система, каждый день старыя машины вытѣсняются новыми, болѣе совершенными; иногда, благодаря какому нибудь изобрѣтенію, однимъ ударомъ создаются совершенно новыя отрасли промышленности и осуждаются на смерть старыя.

Уже 30 лѣтъ тому назадъ, при помощи прядильной машины, одинъ рабочій могъ произвести во сто разъ больше продукта, чѣмъ прядильщица, работающая ручнымъ способомъ. А между тѣмъ, тогда машина приводила въ движеніе, самое большее, 500 веретенъ, теперь же она управляетъ 1270 веретенами; и тогда какъ въ то время веретено могло сдѣлать, самое большее, лишь 8000 оборотовъ въ минуту, новѣйшія машины увеличили число оборотовъ до 11000. И то же самое, что въ этой отрасли производства, происходитъ въ тысячѣ другихъ. Что можетъ значить наряду съ этой громадной производительностью ремесленное производство?

Даже на низшей ступени своего развитія, при капиталистической эксплуатаціи домашней промышленности, капиталистическое производство имѣетъ преимущество надъ ремесленнымъ. Оставимъ совершенно въ сторонѣ тотъ фактъ, что уже тутъ капиталистическое производство, ограничивая каждаго работающаго одной спеціальностью, тѣмъ самымъ повышало производительность его труда.

Гораздо важнѣе то преимущество, которое имѣетъ капиталистъ сравнительно съ ремесленникомъ, *какъ покупатель*. Онъ закупаетъ сырье и другія средства производства оптомъ; онъ гораздо лучше, чѣмъ ремесленникъ, знаетъ условія рынка, гораздо лучше знаетъ моментъ, когда можно дешево купить и дорого продать продуктъ и обладаетъ достаточными средствами, чтобы выждать этотъ моментъ. Уже однимъ этимъ создается для капиталиста такое привилегированное положеніе, что ремесленникъ не можетъ выдержать конкурренціи съ *домашней промышленностью* во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ дѣло идетъ о массовомъ производствѣ для рынка. Даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ понынѣ еще ручная работа, производимая на дому, составляетъ безраздѣльно царящій способъ производства, рабочій теряетъ свою самостоятельность, какъ только эта отрасль промышленности начинаетъ работать на вывозъ. Превращеніе ремесла въ вывозную промышленность равнозначуще его уничтоженію, превращенію его въ домашнюю промышленность, эксплуатируемую капиталомъ. Отсюда видно, насколько проницательны тѣ „соціальные реформаторы“, которые хотятъ спасти гибнущее ремесло расширеніемъ рынка для сбыта его продуктовъ.

Итакъ, уже при самомъ началѣ капиталистическаго производства, когда оно еще очень несложно, превосходство его сравнительно съ реме-

сломъ даетъ себя знать во всѣхъ областяхъ массоваго производства. Машина дѣлаетъ это превосходство подавляющимъ.

Самостоятельное, не эксплуатируемое капиталомъ ремесло можетъ держаться лишь въ тѣхъ областяхъ, гдѣ дѣло идетъ не о *массовомъ*, а объ индивидуализированномъ производствѣ на узко ограниченный рынокъ.

Но машина произвела переворотъ не только въ *промышленности*, но и въ *путяхъ сообщенія*. Пароходы и желѣзныя дороги все болѣе понижаютъ стоимость перевозки товаровъ, соединяютъ самыя отдаленныя и глухія мѣстности съ центрами промышленности и, что ни день, расширяютъ для каждаго изъ нихъ рынокъ сбыта. Лишь благодаря этому машина получаетъ возможность развернуть свои силы въ промышленности. Гигантское расширеніе производства, вызванное введеніемъ машины, требуетъ соотвѣтственнаго расширенія *сбыта*.

По мѣрѣ того, какъ распространяются и улучшаются пути сообщенія, по мѣрѣ того, какъ расширяется рынокъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности — область ремесла съуживается. Поговорка: „ремесло — золотое дно“ давно ужъ утратила всякій смыслъ. Число отраслей труда и мѣстностей, гдѣ еще держится ремесло, уже довольно незначительно и замѣтно сокращается. Капиталъ царитъ всюду и дни ремесла, не находящагося въ зависимости отъ капитала, сочтены.

То же имѣетъ мѣсто и по отношенію къ самостоятельному мелкому крестьянскому производству. Тамъ, гдѣ земледѣліе стало преимущественно производствомъ *на продажу*, а не для *собственнаго потребленія*, крупное производство, не являясь даже болѣе производительнымъ, имѣетъ уже напередъ то же преимущество сравнительно съ мелкимъ производствомъ, какое капиталистъ имѣетъ повсюду сравнительно съ ремесленникомъ, именно: лучшее знаніе рынка и господство на немъ. Но имѣющій деньги крупный землевладѣлецъ или арендаторъ можетъ сдѣлать свое хозяйство болѣе производительнымъ, чѣмъ крестьянинъ, онъ можетъ завести и примѣнить лучшій инвентарь, лучшій скотъ для упряжи и на племя, лучшее удобреніе, лучшія сѣмена и т. д., чѣмъ этотъ послѣдній. Наконецъ, машина также и въ этой области сильно увеличиваетъ превосходство крупнаго производства.

Если, тѣмъ не менѣе, мелкое крестьянство въ настоящее время не исчезаетъ быстро, то это происходитъ отнюдь не вслѣдствіи техническаго превосходства его хозяйства. Наиболѣе существенной изъ причинъ, задерживающихъ процессъ его исчезновенія, является уменьшеніе числа наемныхъ рабочихъ, ищущихъ заработка въ сельскомъ хозяйствѣ. Сельскіе рабочіе оставляютъ послѣднее, предпочитая ему промышленность. И мелкое сельское хозяйство терпитъ отъ этого гораздо меньше, чѣмъ крупное. Какъ бы совершенна ни была техника послѣдняго, безъ рабочихъ оно все-таки обойтись не можетъ.

Другое обстоятельство, тяжелѣе отражающееся на крупныхъ сельскихъ хозяевахъ, чѣмъ на мелкихъ, заключается въ заокеанской конкурренціи. Въ то время, какъ крестьяне производятъ еще въ значительной мѣрѣ для собственнаго потребленія, а не для продажи, крупные землевладѣльцы, наоборотъ, почти цѣликомъ сбываютъ продукты своего хозяйства на рынокъ. Паденіе цѣнъ отражается, поэтому, на нихъ сильнѣе, чѣмъ на крестьянахъ. Кромѣ того, техническое превосходство крупнаго производства надъ мелкимъ въ сельскомъ хозяйствѣ имѣетъ мѣсто преимущественно въ области производства зерна (разведенія хлѣбныхъ растеній), а оно-то больше всего и подвержено заокеанской конкурренціи.

Вотъ этимъ-то обстоятельствамъ западно-европейское крестьянское хозяйство и обязано тѣмъ, что въ послѣднія два десятилѣтія его паденіе остановилось. Но гибель самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства приняла отъ этого только другія формы, нежели гибель мелкаго производства въ промышленности.

Одной изъ причинъ, поддерживающихъ самостоятельность крестьянина, служитъ то, что онъ производитъ для собственнаго потребленія. Но это производство все болѣе и болѣе сокращается вслѣдствіе возрастающихъ

расходовъ. Налоги увеличиваются, прогрессъ техники заставляетъ покупать машины, искусственное удобреніе и т. п. Это вынуждаетъ крестьянина входить въ долги. Еще больше заставляютъ его прибѣгать къ нимъ закладныя на землю при полученіи наслѣдства и покупкѣ земли. Доходы съ крестьянскаго хозяйства становятся все болѣе и болѣе недостаточными для содержанія крестьянина. Онъ вынужденъ прибѣгать къ постороннему заработку, къ работѣ по найму въ лѣсномъ и горномъ дѣлѣ, въ промышленности, уходить на заработки. Болѣе зажиточные крестьяне стараются покрыть дефицитъ въ своемъ хозяйствѣ, основывая промышленныя товарищества, сыроварни, сахарные заводы и т. п. Но тутъ они опять попадаютъ въ сферу дѣйствія закона, въ силу котораго крупное производство побѣждаетъ мелкое.

Но все это далеко не всегда помогаетъ, потому что тяготѣніе къ промышленнымъ занятіямъ овладѣваетъ также и крестьянской молодежью: она покидаетъ свое хозяйство точно также, какъ наемные рабочіе покидаютъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ итогѣ оказывается, что самостоятельное мелкое хозяйство исчезаетъ и тамъ, гдѣ крупное землевладѣніе не тѣснитъ его. Мелкій крестьянинъ исчезаетъ; не отказываясь отъ своей собственности, онъ превращается въ наемнаго рабочаго или въ поставщика на крупное промышленное заведеніе, и, наконецъ, дѣти его бѣгутъ въ городъ.

Въ Германіи населеніе, живущее сельскимъ хозяйствомъ, уменьшилось съ 1882 по 1895 гг. на 724 218 чел., число сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на 262 025, а между тѣмъ все населеніе имперіи увеличилось за это время на 6½ милл. Число лицъ, занятыхъ въ 1895 г. въ сельскомъ хозяйствѣ, было почти столь же велико, какъ и число лицъ, занятыхъ въ промышленности — 8 300 000. Но распредѣленіе тѣхъ и другихъ по возрасту различно. Было занято:

Въ возрастѣ . . .	отъ 20—30 л.	отъ 30—40 л.	отъ 50—60 л.	отъ 60—70 л.	свыше 70 л.
Въ сельск. хозяйст.	1 761 104	1 347 206	1 149 404	702 268	251 685
Въ промышленн. .	2 321 139	1 750 933	759 403	336 256	98 282
Въ сельск. хозяйст. + или —	— 560 035	— 403 727	+ 390 001	+ 366 012	+ 153 403

Какъ видите, молодежь оставляетъ приходящее въ упадокъ сельское хозяйство старикамъ, а сама обращается къ промышленнымъ занятіямъ.

Гораздо проще и нагляднѣе, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ происходитъ гибель мелкаго хозяйства въ промышленности. Новѣйшая статистика Германской Имперіи иллюстрируетъ это слѣдующими данными. Съ 1882 до 1895 г. въ промышленности, въ горномъ производствѣ и строительныхъ занятіяхъ число мелкихъ предпріятій (съ 1—5 лиц.) уменьшилось на 186 285 (8,6 %), наоборотъ число среднихъ предпріятій (съ 5—50 л.) увеличилось на 54 458 (64 %), а число крупныхъ (съ числомъ рабочихъ больше 50) — на 8460 (на 89,3 %). Число лицъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ производства равнялось:

	Мелк. предпріятія		Средн. предпріятія		Крупн. предпріятія	
	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%
1882 г.	3 270 404	55,1	1 109 128	18,6	1 554 121	26,3
1895 г.	3 191 125	39,9	1 902 049	23,8	2 907 329	36,3
Увелич. + или уменьш. —	— 79 279	—15,2	+ 792 921	+ 5,2	+ 1 353 208	+10

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этихъ краснорѣчивыхъ цифръ, надобно не упускать изъ виду, что онѣ указываютъ только общее направленіе движенія мелкаго производства, смѣшивая въ одну безразличную массу самостоятельныхъ ремесленниковъ и капиталистически эксплуатируемыхъ рабочихъ въ домашней промышленности. Мы знаемъ, что окончательное прекращеніе мелкаго предпріятія является лишь послѣднимъ актомъ долгой исторіи страданій.

Это можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ. Машинное ткачество (именно англійское) уже въ сороковыхъ годахъ 19-го столѣтія представляло такую жестокую конкурренцію для ручного ткачества въ Германіи, что нищета ручныхъ ткачей вошла въ пословицу и вызвала голодные бунты.

Еще въ 1882 г. по даннымъ, собраннымъ черезъ предпринимателей въ Германіи было 247561 ткачей, занятыхъ на дому, т. е. больше половины общей цифры всѣхъ ткачей, которыхъ насчитывали тогда 487430. Съ тѣхъ поръ домашняя промышленность значительно упала. Но все-таки въ 1895 г. число ткачей, работавшихъ на дому, достигало 166389 чел. Никому, однако, не придетъ въ голову вывести отсюда то заключеніе, что ручное ткачество имѣетъ будущее, а не осуждено на неминуемую гибель. Въ Англіи давно уже умеръ съ голоду послѣдній ручной ткачъ. Дни ручного ткачества сочтены и въ Германіи. И если, несмотря на это, все-таки еще такъ много ручныхъ ткачей, то это нисколько не доказываетъ возможности конкурренціи мелкаго производства съ крупнымъ, а лишь *умѣнье* со стороны ручныхъ ткачей *голодать*.

Полное исчезновеніе мелкаго производства составляетъ не первый, а послѣдній актъ драмы, носящей названіе: гибель мелкаго производства. Первое вліяніе конкурренціи капиталистическаго производства сказывается въ томъ, что ремесленникъ (все относящееся къ нему справедливо и по отношенію къ крестьянину) мало по малу проживаетъ все, что накопили прилежаніемъ онъ и его отцы. Раньше онъ не былъ богатъ, теперь онъ бѣднѣетъ; онъ думаетъ помочь горю, удвоивъ прилежаніе. Рабочій день тянется теперь до глубокой ночи, жена и дѣти привлекаются къ промышленной дѣятельности, дорого стоющіе взрослые подмастерья замѣняются дешевыми учениками, число которыхъ несоразмѣрно возрастаетъ. И одновременно съ тѣмъ, какъ рабочее время удлиняется и трудъ становится все лихорадочнѣе, безъ отдыха, безъ перерыва, пища ухудшается, расходы на одежду и жилище все сокращаются.

Трудно себѣ представить болѣе жалкое, болѣе бѣдственное существованіе, чѣмъ то, какое ведетъ ремесленникъ или мелкій крестьянинъ, конкуррирующій съ крупнымъ производствомъ.

Не безъ основанія утверждаютъ, что положеніе наемнаго рабочаго теперь лучше, чѣмъ положеніе мелкаго крестьянина или ремесленника. Этимъ хотятъ доказать, что рабочіе не имѣютъ права быть недовольными. Но стрѣла, направленная противъ соціаль-демократовъ, попадаетъ не въ нихъ, а въ частную собственность. Въ самомъ дѣлѣ, если *неимѣющимъ собственности* рабочимъ живется лучше, чѣмъ *имѣющимъ ее* мелкимъ производителямъ, какое значеніе сохраняетъ она для этихъ послѣднихъ? Она перестала быть имъ полезной, она начинаетъ приносить имъ вредъ. Если, напримѣръ, домашній ткачъ все еще держится за свое не могущее прокормить его производство, хотя-бы онъ могъ зарабатывать на фабрикѣ больше, то только потому, что онъ еще чѣмъ-то владѣетъ: домикомъ и парой картофельныхъ грядъ, которыхъ онъ лишился-бы, если-бъ бросилъ свое хозяйство. Для мелкаго производителя собственность на средства производства изъ гарантіи отъ нищеты превращается въ цѣпь, приковывающую его къ нищетѣ; для него частная собственность пріобрѣла совершенно обратное значеніе. То, что какихъ нибудь сто лѣтъ тому назадъ было для крестьянина и ремесленника благословеніемъ, стало теперь его проклятіемъ.

Но, скажутъ намъ, цѣною этой нищеты мелкій ремесленникъ и крестьянинъ сохраняютъ большую самостоятельность и свободу, чѣмъ какой

пользуется не имѣющій собственности наемный рабочій. Но и это невѣрно. Тамъ, гдѣ мелкое производство конкуррируетъ съ крупнымъ, оно очень быстро попадаетъ въ полную зависимость отъ него. Ремесленникъ превращается въ промышленнаго рабочаго, работающаго у себя на дому на капиталиста: его домъ становится филіальнымъ отдѣленіемъ фабрики; или-же онъ становится агентомъ капиталиста, продавцомъ его фабрикатовъ, занимающимся наряду съ этимъ лишь починками. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ находится въ полной зависимости отъ капиталиста. Крестьянинъ, не могущій выдержать конкурренціи, какъ земледѣлецъ, хватается за домашнюю промышленность и работаетъ на капиталиста или-же нанимается поденно къ крупному сельскому хозяину. Какая-же тутъ независимость и свобода? Единственно, что отличаетъ его отъ пролетарія, это — его собственность, но именно эта-то собственность и мѣшаетъ ему искать болѣе выгодныхъ условій работы, она привязываетъ его къ землѣ и дѣлаетъ его *зависимѣе* всякаго неимущаго рабочаго. Такимъ образомъ частная собственность на средства производства увеличиваетъ не только матеріальную *нужду*, но и *зависимость* мелкаго производителя. И въ этомъ отношеніи ея первоначальное дѣйствіе превратилось въ свою противоположность: изъ оплота свободы она сдѣлалась средствомъ порабощенія.

Но, говорятъ намъ, частная собственность обезпечиваетъ ремесленнику и крестьянину собственность на продукты его труда. Ну, это слабое утѣшеніе, когда цѣнность этихъ продуктовъ такъ упала, что ея не хватаетъ на удовлетвореніе потребностей производителя и его семьи. Но даже и это слабое утѣшеніе невѣрно. Оно неприложимо совершенно къ цѣлой арміи тѣхъ, кто вынужденъ прибѣгать къ домашней промышленности или поденной работѣ, чтобы быть въ состояніи существовать. Но оно неприложимо также и къ тѣмъ мелкимъ ремесленникамъ и крестьянамъ, которымъ посчастливилось сохранить до сихъ поръ свою полную самостоятельность. Оно не относится ко всѣмъ тѣмъ, кто *имѣетъ долги*. Ростовщикъ, которому заложена крестьянская земля, имѣетъ гораздо больше правъ на продуктъ труда крестьянина, чѣмъ онъ самъ. Сначала надо удовлетворить ростовщика; и лишь то, что останется, принадлежитъ крестьянину; хватаетъ ли этого остатка для существованія крестьянина и его семьи, до этого ростовщику нѣтъ дѣла. Крестьянинъ и ремесленникъ точно также работаютъ на капиталиста, какъ и наемный рабочій. Разница, которую создаетъ въ этомъ отношеніи частная собственность, между имѣющими и неимѣющими ее рабочими, заключается лишь въ томъ, что заработная плата послѣднихъ, вообще говоря, соотвѣтствуетъ привычному уровню потребностей, тогда какъ для имѣющихъ собственность рабочихъ такой нормы не существуетъ. У нихъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ имѣть мѣсто тотъ фактъ, что процентъ ростовщику поглощаетъ весь продуктъ ихъ труда, что они *работаютъ даромъ* — благодаря частной собственности![*])

Каковъ-же конецъ этой мучительной борьбы противъ непосильной конкурренціи крупнаго производства? Какая-же награда ждетъ крестьянина или ремесленника за его „бережливость“ и „прилежаніе“, т. е. за то, что онъ закабалилъ себя вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, за то, что онъ надрываетъ свои физическія и духовныя силы? Награда за это — *банкротство*, полное лишеніе собственности (говоря возвышеннымъ слогомъ —

*) Если въ глухихъ мѣстностяхъ и есть еще такіе крестьяне и ремесленники, которые не имѣютъ собственныхъ долговъ, то государство посредствомъ государственнаго долга заботится о томъ, чтобы они все-же платили капиталу извѣстный процентъ. Уплачивая проценты по гипотекамъ, векселямъ и пр., крестьянинъ или ремесленникъ платятъ по меньшей мѣрѣ проценты на сохраненный ими собственный капиталъ. Когда они платятъ въ формѣ податей, идущихъ на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ, они платятъ за капиталъ, занятый государствомъ для того, чтобы на ихъ счетъ обогатить ихъ конкуррентовъ и эксплуататоровъ: поставщиковъ, подрядчиковъ, крупныхъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ и т. п. Милитаризмъ и государственные долги — вотъ два могучихъ средства, при помощи которыхъ современное государство втягиваетъ въ область капиталистической эксплуатаціи даже самую захолустную деревню и способствуетъ упадку крестьянскаго хозяйства и ремесла.

экспропріація), отдѣленіе отъ средствъ производства, *низверженіе въ ряды пролетаріата.*

Таковъ конечный результатъ экономическаго развитія современнаго общества, столь-же неминуемый, какъ смерть. И какъ смерть кажется избавленіемъ страдающему мучительными недугами больному, такъ и банкротство очень часто при теперешнихъ условіяхъ приноситъ мелкому производителю избавленіе, избавленіе отъ собственности, ставшей для него тяжелымъ бременемъ. Дальнѣйшее существованіе мелкаго производства ведетъ къ такому приниженію, къ такой бѣдности, что можно задать себѣ вопросъ, имѣли-ли бы мы право задерживать гибель мелкаго производства, если-бы даже это было возможно. Лучше-ли было бы, чтобы всѣ мелкіе промышленные производители и крестьяне спустились до уровня ручныхъ ткачей въ Рудныхъ горахъ, но не превратились въ наемныхъ рабочихъ крупной промышленности?

А вѣдь при всѣхъ попыткахъ поддержать мелкое производство вопросъ идетъ только объ этомъ, такъ какъ невозможно достигнуть вновь процвѣтанія ремесла и мелкаго крестьянскаго хозяйства въ нашъ вѣкъ пара и электричества.

Это горькая истина не только для непосредственныхъ участниковъ, но и для всѣхъ, кто заинтересованъ въ сохраненіи существующаго общества, потому что крестьянинъ и ремесленникъ всегда были надежнѣйшей опорой частной собственности. Вотъ почему не хотятъ и не могутъ повѣрить, что опора сгнила и падаетъ. Всѣ тѣ, кто заинтересованъ въ эксплуатаціи народа, а, слѣдовательно, также крестьянина и ремесленника, всѣ тѣ, кто ихъ раззоряетъ, крупные землевладѣльцы, фабриканты и т. п. вдругъ восчувствовали къ нимъ величайшую дружбу и вмѣстѣ съ ними ищутъ средства къ поддержанію мелкихъ хозяйствъ. И шарлатаны, рекламирующіе свои средства, — непогрѣшимѣйшія средства, — появляются въ избыткѣ. Правда, при ближайшемъ разсмотрѣніи средства оказываются въ большинствѣ случаевъ старыми рецептами, доказавшими свою негодность и даже вредъ еще сто и болѣе лѣтъ тому назадъ, какъ напримѣръ, цеховое устройство.

Если эти средства и могутъ имѣть какой нибудь результатъ, то развѣ только тотъ, что при ихъ помощи нѣкоторые ремесленники и крестьяне, стоящіе въ особо благопріятныхъ условіяхъ, перейдутъ къ высшей формѣ производства, т. е. перестанутъ быть *мелкими производителями* и сдѣлаются *капиталистами*, т. е. конкуррентами своихъ менѣе счастливыхъ товарищей, *ускоряющими* ихъ гибель.

Всѣ „соціальныя реформы“, всѣ „средства къ охраненію крестьянскаго и ремесленнаго сословія“ напоминаютъ, поскольку они дѣйствительны, *лотерею:* лишь немногіе могутъ вытянуть выигрышный номеръ, большинство же вытягиваетъ пустые билеты и должно оплатить не только выигрыши, но и стоимость всего предпріятія. Если бы какой нибудь бѣднякъ считалъ себя богачемъ потому только, что у него въ карманѣ лотерейный билетъ, его бы сочли за дурня. Между тѣмъ очень многіе мелкіе производители и крестьяне напоминаютъ бѣднаго дурня: они считаютъ себя тѣмъ, чѣмъ они хотѣли бы быть, а не тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ. Они мнятъ себя капиталистами, но отъ этого имъ живется ни на волосъ не лучше, чѣмъ пролетаріямъ.

II.

Пролетаріатъ.

1. Пролетарій и подмастерье.

Мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, что капиталистическое производство товаровъ предполагаетъ *отчужденіе средствъ производства отъ рабочаго*. Въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ мы видимъ, съ одной стороны, *капиталиста*, собственника средствъ производства, который самъ не участвуетъ въ процессѣ производства, съ другой — *наемныхъ рабочихъ*, пролетаріевъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ своей рабочей силы, продажей которой они живутъ, трудъ которыхъ, и только ихъ однихъ, создаетъ всѣ продукты крупнаго производства.

Для того, чтобы доставить капиталу необходимое для его потребностей количество пролетаріевъ, вначалѣ пришлось, какъ мы видѣли, прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Теперь онѣ уже болѣе ненужны. Въ настоящее время совершенно достаточно превосходства крупнаго производства надъ мелкимъ для того, чтобы, не прибѣгая къ нарушенію законовъ частной собственности, а скорѣе опираясь на нихъ, — ежегодно экспропріировать такое количество крестьянъ и ремесленниковъ, что число ихъ, — принимая во вниманіе потомство уже „свободныхъ“ пролетаріевъ, — съ избыткомъ покрываетъ спросъ капиталистовъ на свѣжее человѣческое мясо.

Число пролетаріевъ растетъ безпрерывно, это настолько очевидный фактъ, что его не рѣшаются отрицать даже тѣ, которые хотятъ увѣрить насъ, что общество покоится на тѣхъ же основахъ, какъ сто и болѣе лѣтъ тому назадъ, и представить въ розовомъ свѣтѣ будущее мелкаго производства.

И какъ въ области производства, его крупная капиталистическая форма стала господствующей, такъ въ государствѣ и обществѣ первенствующую роль среди трудящихся классовъ сталъ играть наемный рабочій, и именно промышленный наемный рабочій. Четыреста лѣтъ тому назадъ эту роль игралъ еще крестьянинъ, а сто лѣтъ тому назадъ — ремесленникъ (Kleinbürger — мѣщанинъ).

Въ 1882 г. въ Германіи изъ каждыхъ 100 лицъ, занятыхъ въ производствѣ, самостоятельныхъ производителей было 32, въ 1895 г. уже 29; наемныхъ же рабочихъ было, напротивъ того, въ 1882 — 68, а въ 1895 — 71. И такъ, пролетаріатъ въ Германіи составляетъ *болѣе двухъ третей* всего занятаго производствомъ населенія.

Уже теперь въ культурныхъ государствахъ пролетаріатъ является самымъ сильнымъ классомъ; условія его существованія и его воззрѣнія все болѣе и болѣе опредѣляютъ собою образъ жизни и мысли остальныхъ трудящихся классовъ. А это означаетъ полный переворотъ традиціонныхъ условій жизни и формъ мышленія громадной массы населенія, ибо условія жизни пролетарія, особенно промышленнаго (сельское хозяйство при капиталистическомъ способѣ производства становится также промышленностью) совершенно отличны отъ тѣхъ условій, въ которыхъ жили предшествовавшіе ему слои рабочаго населенія.

Когда крестьянинъ или ремесленникъ является свободнымъ (полнымъ) собственникомъ своихъ средствъ производства, продуктъ труда принадлежитъ всецѣло ему. Продуктъ-же труда пролетарія, напротивъ того, при-

надлежитъ не ему, а капиталисту, покупщику его рабочей силы, собственнику необходимыхъ средствъ производства. Конечно, капиталистъ платитъ рабочему за трудъ, но цѣнность заработной платы никоимъ образомъ не совпадаетъ съ цѣнностью продукта его труда.

Когда капиталистъ покупаетъ товаръ — называемый рабочей силой, онъ дѣлаетъ это, конечно, лишь съ цѣлью сдѣлать изъ своей покупки такое употребленіе, которое принесло бы ему доходъ. Мы видѣли, что затрата извѣстнаго количества труда создаетъ опредѣленную цѣнность. Чѣмъ дольше трудится рабочій, тѣмъ большей — при прочихъ равныхъ условіяхъ — становится созданная имъ цѣнность. Если бы капиталистъ заставилъ нанятаго имъ рабочаго работать лишь столько времени, сколько нужно чтобы произвести цѣнность, равную цѣнности его заработной платы, онъ не получалъ-бы никакой прибыли. Но какъ-бы охотно ни разыгрывалъ капиталистъ роли благодѣтеля страждущаго человѣчества (бѣдняковъ), его капиталъ громко требуетъ прибыли, и встрѣчаетъ чуткую предупредительность со стороны своего хозяина. Чѣмъ дольше трудится, находящійся на службѣ у капиталиста, рабочій, сверхъ времени, необходимаго для производства цѣнности его заработной платы, тѣмъ больше та разница, на которую цѣнность всего производимаго имъ продукта превышаетъ цѣнность его заработной платы, тѣмъ больше *прибавочная цѣнность* (какъ называется эта разница) тѣмъ больше и эксплуатація рабочаго. Границей этой эксплуатаціи — служитъ лишь истощеніе силъ эксплуатируемаго и сила его сопротивленія эксплуататору.

Такимъ образомъ, для пролетарія частная собственность на средства производства a priori уже означаетъ нѣчто иное, чѣмъ для ремесленника и крестьянина. Если для этихъ послѣднихъ она была первоначально средствомъ обезпечить за собой полное распоряженіе продуктомъ своего труда, то для пролетарія она никогда не была и не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ его эксплуатаціи, какъ средствомъ дозволяющимъ капиталисту удерживать въ своихъ рукахъ создаваемую рабочимъ прибавочную цѣнность. Поэтому пролетарій менѣе всего поклонникъ частной собственности. Этимъ онъ отличается не только отъ имѣющихъ собственность крестьянъ и ремесленниковъ, но и отъ подмастерьевъ до-капиталистическаго времени.

Подмастерья составляли какъ-бы переходную ступень отъ самостоятельнаго ремесленника къ пролетарію, точно такъ-же, какъ тѣ предпріятія, въ которыхъ было занято большое число ихъ, составляли переходъ отъ мелкаго производства къ крупному. И, однако, какая разница между ними и пролетаріемъ!

Они принадлежали къ семьѣ мастера (хозяина) *и каждый изъ нихъ разсчитывалъ въ будущемъ самъ сдѣлаться мастеромъ. Пролетарій всегда предоставленъ самому себѣ и осужденъ вѣчно оставаться пролетаріемъ.* Въ этихъ двухъ пунктахъ кроется корень всѣхъ различій межу подмастерьемъ и пролетаріемъ.

Такъ какъ подмастерье принадлежалъ къ семьѣ хозяина, онъ ѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ и спалъ въ одномъ домѣ. Вопросъ, что ѣсть и гдѣ жить, не существовалъ для него. Его денежная заработная плата была лишь частью того, что онъ получалъ отъ хозяина за свою рабочую силу. Жалованье шло не столько на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, такъ какъ онъ жилъ на всемъ готовомъ у мастера, а на удовольствія или *сбереженіе*, на накопленіе суммы, нужной подмастерью, чтобы сдѣлаться мастеромъ.

Подмастерье работалъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. Если этотъ послѣдній удлинялъ черезчуръ рабочій день, то не только для подмастерья, но и для самаго себя. Поэтому стремленіе мастера увеличивать количество труда до послѣдней возможности было не очень велико и съ нимъ не трудно было бороться. Если хозяинъ стремился, по возможности, улучшить обстановку труда, отъ этого выигрывалъ и подмастерье.

Средства производства, необходимыя мелкому производителю, были такъ незначительны, что подмастерью вовсе не нужно было имѣть боль-

шого состоянія, чтобы стать самому мастеромъ. Поэтому каждый подмастерье разсчитывалъ занять положеніе мастера, онъ и смотрѣлъ на себя, какъ на будущаго мастера. Такъ какъ *сбереженіе* давало ему средства къ обзаведенію, онъ былъ такимъ же сторонникомъ частной собственности, какъ и самостоятельный ремесленникъ.

Само собою разумѣется, что мы имѣемъ здѣсь въ виду условія ремесленнаго труда, сложившіяся въ до-капиталистическое время. Теперь сравнимъ съ этимъ условія жизни пролетарія.

Въ капиталистическомъ предпріятіи наемный рабочій и капиталистъ не работаютъ совмѣстно. Хотя съ ходомъ экономическаго развитія капиталистъ-промышленникъ и отдѣляется отъ купца, въ прямомъ значеніи этого слова, и капиталисты-предприниматели составляютъ отдѣльный классъ отъ капиталистовъ-купцовъ — тѣмъ не менѣе, по существу дѣла капиталистъ-предприниматель все же остается купцомъ. Его дѣятельность, какъ капиталиста — поскольку онъ вообще лично принимаетъ участіе въ предпріятіи — ограничивается точно такъ же, какъ и дѣятельность купца, *рынкомъ*. Его задача заключается въ томъ, чтобы закупить возможно болѣе цѣлесообразно и дешево необходимое сырье и вспомогательныя матеріалы, рабочія силы и т. п. и продать какъ можно дороже изготовляемые въ его предпріятіи товары. Въ области *производства* ему приходится заботиться лишь о томъ, чтобы рабочіе за минимальную заработную плату дѣлали максимальную работу, о томъ, чтобы выжать изъ нихъ какъ можно больше прибавочной цѣнности. По отношенію къ своимъ рабочимъ онъ не *сотоварищъ ихъ по работѣ, а надсмотрщикъ, подгоняющій ихъ, и эксплуататоръ*. Чѣмъ больше они работаютъ, тѣмъ лучше для него. Онъ не устаетъ отъ того, что рабочее время тянется чрезмѣрно долго, онъ не захвораетъ отъ того, что условія труда кажутся убійственными для рабочихъ.

Поэтому, капиталистъ гораздо безпощаднѣе относится къ здоровью и самой жизни рабочаго, чѣмъ хозяинъ-ремесленникъ. Удлиненіе рабочаго дня, отмѣна праздниковъ, введеніе ночной работы, работа въ сырыхъ, жаркихъ и переполненныхъ вредными газами мастерскихъ и т. д. и т. д. — вотъ тѣ „улучшенія“, какія ведетъ за собой для рабочаго капиталистическій способъ производства.

Введеніе машинъ еще больше увеличиваетъ опасность для здоровья и жизни рабочаго. Теперь онъ прикованъ къ чудовищу, которое съ исполинской силой и безумной быстротой безостановочно вертитъ и стучитъ вокругъ него. Лишь напряженное, неослабѣвающее вниманіе можетъ спасти рабочаго при такой машинѣ отъ опасности быть схваченнымъ и раздавленнымъ. Предохранительныя мѣры стоятъ денегъ, и капиталистъ не вводитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока его не принудятъ къ этому. Вѣдь бережливость главная добродѣтель капиталиста; она также побуждаетъ его экономить на пространствѣ, помѣщая въ мастерской какъ можно больше машинъ. Что ему за дѣло до того, что это угрожаетъ цѣлости членовъ его рабочихъ? Рабочіе дешевы, а большія просторныя мастерскія дороги.

Капиталистическое примѣненіе машинъ ухудшаетъ условія труда рабочихъ еще въ другомъ отношеніи. Инструменты ремесленника стоили недорого. Точно также они рѣдко подвергались такимъ усовершенствованіямъ, которыя дѣлали бы старые инструменты негодными для употребленія. Другое дѣло машина. Она стоитъ денегъ, много денегъ. Если она становится прежде времени негодною для употребленія, или не можетъ быть надлежащимъ образомъ использована, она приноситъ капиталисту вмѣсто пользы вредъ. Но машина изнашивается не только тогда, когда работаетъ, но и когда стоитъ безъ употребленія. Съ другой стороны, примѣненіе науки къ области промышленности, результатомъ котораго и явилась машина — повело также и къ безпрерывному совершенствованію машинъ, къ новымъ и новымъ болѣе или менѣе важнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, благодаря которымъ то одинъ, то другой родъ машинъ, или даже цѣлыя фабричныя заведенія становятся неспособными къ конкурренціи, и, такимъ образомъ, обезцѣниваются прежде, чѣмъ были использованы. Благодаря

этимъ безпрерывнымъ переворотамъ въ техникѣ, каждой машинѣ угрожаетъ опасность потерять цѣнность прежде, чѣмъ она износится. Вотъ почему капиталистъ заинтересованъ въ томъ, чтобы, заведя машину, использовать ее какъ можно скорѣе. Машина является поэтому для капиталиста особаго рода шпорами, заставляющими его удлинять, елико возможно, рабочее время и вводить, гдѣ только можно, безпрерывное производство, денныя и ночныя смѣны и превращать такимъ образомъ вредную ночную работу въ хроническое явленіе.

Когда машинное производство стало развиваться, нѣкоторые идеалисты провозгласили наступленіе золотого вѣка. Машина возьметъ на себя трудъ рабочаго и сдѣлаетъ его свободнымъ человѣкомъ. Но въ рукахъ капиталистовъ машина стала могучей силой, удесетеряющей тяжесть труда рабочаго, превращающей его зависимое положеніе въ невыносимое, убійственное рабство.

Какъ относительно рабочаго времени, также точно и по отношенію къ *заработной платѣ* наемный рабочій въ капиталистическомъ производствѣ поставленъ хуже, чѣмъ подмастерье прежняго времени. Пролетарій не ѣстъ за столомъ капиталиста, не живетъ въ его жилищѣ. Въ какой бы убогой квартирѣ ни жилъ рабочій, какими бы ужасными отбросами онъ ни питался, хотя бы просто голодалъ — здоровье капиталиста отъ этого нисколько не страдаетъ. Прежде понятія *голодъ* и *заработная плата* исключали другъ друга. Если раньше свободный рабочій и могъ голодать, то только тогда, когда не находилъ работы. Кто работалъ, у того было что ѣсть. Капиталистическому способу производства принадлежитъ заслуга примиренія этихъ двухъ противоположныхъ вещей: *голода* и *заработной платы* и превращенія *голодной заработной платы* не только въ постоянное учрежденіе, но даже въ своего рода опору общества.

2. Заработная плата.

Заработная плата не можетъ возрости настолько, чтобы лишить капиталиста возможности жить доходами съ своего предпріятія, потому что въ такомъ случаѣ ему было бы выгоднѣе вовсе бросить дѣло. Такимъ образомъ, заработная плата рабочаго никогда не можетъ возрасти настолько, чтобы она равнялась цѣнности произведеннаго имъ продукта. Всегда долженъ оставаться нѣкоторый излишекъ, нѣкоторая прибавочная цѣнность, такъ какъ только въ чаяніи этого излишка капиталистъ покупаетъ рабочую силу. Такимъ образомъ въ капиталистическомъ обществѣ заработная плата никогда не можетъ подняться настолько, чтобы прекратилась эксплуатація рабочаго.

Этотъ излишекъ, эта прибавочная цѣнность гораздо больше, чѣмъ обыкновенно считаютъ. Она покрываетъ собою не только прибыль фабриканта, но и многое другое, что принято причислять къ *издержкамъ производства и торговымъ издержкамъ*: земельную ренту (наемную плату за землю подъ фабрику), процентъ на основной капиталъ, плату приказчикамъ, скидку торговцамъ, забирающимъ у фабриканта товаръ, налоги и т. д. Все это берется изъ разницы между цѣнностью созданнаго рабочимъ продукта и его заработной платой. Этотъ излишекъ, слѣдовательно, долженъ быть весьма значителенъ для того, чтобы предпріятіе было „доходно“. Поэтому заработная плата никогда не можетъ подняться настолько, чтобы рабочій получалъ хотя бы приблизительную цѣнность того, что онъ создалъ. Капиталистическая система наемнаго труда при всѣхъ обстоятельствахъ означаетъ эксплуатацію рабочаго. Пока существуетъ эта система, немыслимо устранить и эксплуатацію, уровень которой останется очень высокимъ, даже при самой высокой заработной платѣ.

Но заработная плата почти никогда не достигаетъ того максимума, какого она могла бы достигнуть. Гораздо чаще приближается она къ самому низкому изъ возможныхъ уровней, за который переходитъ, когда перестаетъ давать рабочему возможность хотя бы только поддерживать свое существованіе. Если рабочій при своей заработной платѣ не только

голоденъ, но и погибаетъ отъ голода, тогда онъ перестаетъ вовсе работать.

Заработная плата колеблется между этими двумя границами, она тѣмъ ниже, чѣмъ ниже обычный уровень потребностей рабочаго, чѣмъ больше предложеніе рукъ на рынкѣ труда, чѣмъ слабѣе сила сопротивленія рабочихъ.

Вообще говоря, заработная плата должна быть настолько высока, чтобы поддерживать въ рабочемъ его способность къ труду или, лучше сказать, она должна быть настолько высока, чтобы обезпечить капиталисту необходимое для него количество рабочихъ силъ. Она должна, слѣдовательно, быть настолько высока, чтобы давать возможность рабочему не только поддерживать свою рабочую силу, но и воспитывать работоспособныхъ дѣтей.

Экономическое развитіе обнаруживаетъ, однако, въ высшей степени пріятную для капиталиста тенденцію *понижать* издержки на содержаніе рабочаго, и, *благодаря этому*, понижать и *заработную плату рабочаго*.

Прежде отъ рабочаго требовались искусство и ловкость. Время обученія ремесленника было очень продолжительно и поэтому издержки на воспитаніе довольно велики. Прогрессъ въ области раздѣленія труда и машины дѣлаютъ спеціальное искусство рабочаго и его силу все болѣе и болѣе излишними для производства. Они даютъ возможность замѣнять обученныхъ рабочихъ болѣе дешевыми необученными, они даютъ также возможность замѣнять мужской трудъ трудомъ слабыхъ женщинъ и даже дѣтей. Эта тенденція обнаруживается уже въ мануфактурѣ, но лишь съ введеніемъ машинъ начинается массовая эксплуатація женщинъ и дѣтей съ самаго нѣжнаго возраста, эксплуатація наиболѣе беззащитныхъ изъ всѣхъ беззащитныхъ, которые подвергаются самому возмутительному обращенію и изнуренію работой. Тутъ мы знакомимся еще съ новымъ благодѣтельнымъ свойствомъ, проявляемомъ машинами въ рукахъ капиталистовъ.

Первоначально заработная плата наемнаго рабочаго, не входящаго въ составъ семьи предпринимателя, должна была включать въ себя, кромѣ издержекъ на его собственное содержаніе, также и издержки на содержаніе его семьи. Необходимо, чтобы рабочій имѣлъ потомство и передалъ ему по наслѣдству свою рабочую силу; иначе наслѣдники капиталистовъ не имѣли бы въ своемъ распоряженіи пролетаріевъ, которыхъ могли бы эксплуатировать. Но когда жена и дѣти рабочаго, начиная съ самаго ранняго возраста, могутъ сами о себѣ заботиться, заработная плата мужчины можетъ быть сведена, безъ ущерба для поддержанія рабочей силы, почти до суммы, необходимой на содержаніе его одного.

Кромѣ того работа женщинъ и дѣтей представляетъ еще ту выгоду, что сила ихъ сопротивленія гораздо слабѣе, чѣмъ у мужчинъ. Въ то же время ихъ присоединеніе къ числу трудящихся колоссально увеличиваетъ предложеніе рабочихъ рукъ на рынкѣ труда. Такимъ образомъ женскій, и дѣтскій трудъ не только понижаетъ стоимость содержанія рабочаго, онъ уменьшаетъ также его способность къ сопротивленію и увеличиваетъ предложеніе рабочихъ рукъ: а каждое изъ этихъ обстоятельствъ ведетъ къ пониженію заработной платы рабочаго.

3. Разрушеніе семьи пролетарія.

Но промышленный трудъ женщинъ въ капиталистическомъ обществѣ знаменуетъ собою также полное разрушеніе семейной жизни рабочаго безъ замѣны ея другой, высшей формой семьи. Капиталистическій способъ производства въ большинствѣ случаевъ не устраняетъ для рабочаго необходимости жить своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, но онъ отнимаетъ всѣ свѣтлыя стороны этой жизни, оставляя лишь ея темныя стороны, главнымъ образомъ, изнуреніе женщины и ея оторванность отъ общественной жизни. Промышленный трудъ женщины означаетъ въ настоящее время не освобожденіе ея отъ домашней работы по хозяйству, а прибав-

леніе къ старому бремени еще новаго. Но нельзя служить двумъ господамъ. Домашнее хозяйство рабочаго разстраивается, когда женщина должна помогать ему зарабатывать деньги. А тѣ объѣдки матеріальной и умственной культуры, которыя выбрасываются богатыми низшимъ классамъ взамѣнъ домашняго хозяйства и семьи — народныя столовыя и школы для бѣдныхъ — представляютъ изъ себя лишь самые жалкіе суррогаты.

Соціаль-демократію обвиняютъ въ томъ, что она будто-бы хочетъ разрушить семью. Да, мы знаемъ, что каждому особому способу производства соотвѣтствуетъ особая форма домохозяйства и семьи. Мы не считаемъ современную форму семьи ея послѣднею формою и ожидаемъ, что новая форма общества создаетъ и новую форму семьи. Но подобнаго рода ожиданіе вовсе не равнозначуще съ стремленіемъ уничтожить всякій семейный союзъ. Кто разрушаетъ семью — не только *хочетъ*, но въ дѣйствительности разрушаетъ ее на нашихъ глазахъ — такъ это не соціаль-демократы, а капиталисты. Въ прежнее время нѣкоторые рабовладѣльцы разлучали мужей съ женами и отнимали у родителей, ставшихъ способными къ труду, подростковъ; но капиталисты пошли дальше этихъ ужасовъ рабства, они отрываютъ отъ матерей *грудныхъ дѣтей*, заставляя поручать ихъ чужимъ людямъ. И общество, гдѣ тысячи дѣтей ежедневно подвергается такой участи; общество заводящее подъ покровительствомъ „Высочайшихъ особъ“ благотворительныя учрежденія, долженствующія облегчать матерямъ возможность разлуки съ дѣтьми, — такое общество смѣетъ еще обвинять насъ въ намѣреніи разрушить семью! И это потому только, что мы убѣждены, что домашнія работы, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе становятся предметомъ особыхъ отраслей труда и, благодаря этому, домоводство и семейная жизнь должны измѣниться!

4. Проституція.

Наряду съ обвиненіемъ въ разрушеніи семьи насъ обвиняютъ и въ томъ, что мы якобы стремимся къ *общности женъ*. Это обвиненіе такая же ложь, какъ и первое. Мы утверждаемъ, напротивъ, что въ соціалистическомъ строѣ основой брачныхъ отношеній будетъ идеальная любовь, составляющая прямую противоположность какой бы то ни было общности женъ, всякому насилію и разврату, — и что эта любовь лишь въ соціальномъ обществѣ можетъ достигнуть полнаго значенія и всеобщаго признанія. А что мы видимъ теперь? Сила сопротивленія женщинъ, которыя до сихъ поръ были замкнуты въ сферѣ домашняго хозяйства и по большей части имѣютъ очень смутное представленіе объ общественной жизни и мощи организаціи, столь слаба, что предприниматель осмѣливается, платя имъ хронически меньше того, сколько необходимо на прокормленіе, указывать *на проституцію*, какъ на дополнительный заработокъ. Привлеченіе все большаго числа женщинъ къ промышленному труду повсюду ведетъ за собою ростъ проституціи. Въ странѣ страха божьяго и добрыхъ нравовъ (Германіи) существуютъ цѣлыя „цвѣтущія“ отрасли промышленности, въ которыхъ работницы получаютъ такую низкую плату, что имъ пришлось бы умереть съ голоду, если бы онѣ не занимались проституціей. И предприниматели заявляютъ, что именно на этой низкой платѣ и покоится „процвѣтаніе“ ихъ промышленности, ея способность выдерживать конкурренцію. Высокія заработныя платы разорили бы ее.

Проституція столь-же стара, какъ и противоположность между бѣднымъ и богатымъ. Но прежде проститутки составляли нѣчто среднее между нищими и ворами, онѣ были предметомъ роскоши, которое общество могло себѣ разрѣшать, но лишеніе которой ни коимъ образомъ не могло угрожать его существованію. Теперь не нищія только и не однѣ бездѣльницы, но и *трудящіяся* женщины вынуждены продавать свое тѣло. Проституція теперь не простая роскошь, она стала одной изъ основъ развитія промышленности. При капиталистическомъ способѣ производства *проституція становится одной изъ опоръ общества*. Общность женъ, въ которой обвиняютъ насъ защитники этого общества — практикуется ими

самими. Конечно, эта общность практикуется только относительно женъ *пролетаріевъ*. И эта общность женъ пустила такіе глубокіе корни въ современномъ обществѣ, что его представители объявляютъ повсюду проституцію — *необходимостью*. Они не могутъ представить себѣ, что исчезновеніе пролетаріата поведетъ къ исчезновенію проституціи, т. е. вообще не могутъ представить себѣ общества безъ общности женъ.

Современная общность женъ — изобрѣтеніе высшихъ слоевъ общества, а не пролетаріата. Это не соціализмъ, а его противоположность.

5. Промышленная резервная армія.

Введеніе въ промышленность женскаго и дѣтскаго труда, какъ мы видѣли, представляетъ для капиталистовъ могучее средство понижать заработную плату.

Но иногда не менѣе дѣйствительно и другое средство: привлеченіе рабочихъ изъ болѣе отсталыхъ мѣстностей, гдѣ населеніе имѣетъ еще ничтожныя потребности и ненадорванную фабричной системой рабочую силу. Развитіе крупнаго машиннаго производства создаетъ возможность не только замѣщать обученныхъ рабочихъ необученными, оно даетъ также возможность быстро и дешево ихъ доставлять. Рука объ руку съ развитіемъ производства происходитъ и развитіе путей сообщенія; массовому производству, соотвѣтствуетъ массовая перевозка не только *товаровъ*, но и *людей*. Пароходы и желѣзныя дороги, эти хваленые носители культуры, не только везутъ варварамъ оружіе, водку, сифилисъ, они везутъ къ намъ также варваровъ, а вмѣстѣ съ ними и варварство. Притокъ сельскихъ рабочихъ въ города становится все сильнѣе. Изъ все болѣе и болѣе далекихъ мѣстностей прибываютъ толпы — съ низкимъ уровнемъ потребностей, выносливыя и неспособныя къ сопротивленію. Славяне, шведы, итальянцы приходятъ понижать заработную плату въ Германіи, нѣмцы, бельгійцы дѣлаютъ это во Франціи; славяне, нѣмцы, итальянцы, ирландцы, шведы — въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ; китайцы понижаютъ заработную плату въ Америкѣ и Австраліи и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ придутъ въ Европу. На нѣмецкихъ корабляхъ китайцы и негры и теперь уже замѣняютъ собою бѣлыхъ рабочихъ.

Часть этихъ иностранныхъ рабочихъ представляетъ собою экспропріированныхъ крестьянъ и ремесленниковъ, которыхъ раззорилъ капиталистическій способъ производства, согналъ со двора и лишилъ не только дома, но и родины. Посмотрите на эти безчисленныя толпы эмигрантовъ и скажите: виновата-ли соціаль-демократія, якобы подрывающая привязанность къ родинѣ, въ томъ, что эти люди лишены ея?

Путемъ экспропріаціи мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ (мѣщанъ), путемъ привлеченія рабочихъ массъ изъ отдаленныхъ странъ, путемъ развитія женскаго и дѣтскаго труда, путемъ сокращенія времени ученичества, которое сводится къ простой выучкѣ извѣстнымъ пріемамъ, капиталистическому способу производства удается увеличить до громадныхъ размѣровъ число находящихся въ его распоряженіи рабочихъ силъ. Рука объ руку съ этимъ идетъ постоянный ростъ производительности человѣческаго труда вслѣдствіе непрерывнаго ряда техническихъ улучшеній и усовершенствованій. Но, не довольствуясь этимъ, капиталистическая эксплуатація вытягиваетъ послѣдніе соки изъ отдѣльныхъ рабочихъ, отчасти при помощи удлиненія рабочаго времени, а отчасти именно тамъ, гдѣ законодательство или организаціи рабочихъ дѣлаютъ невозможнымъ такое удлиненіе, при помощи повышенія напряженности труда.

И одновременно съ этимъ машина дѣлаетъ рабочія силы излишними.

Всякая машина сберегаетъ трудъ — если бы она этого не дѣлала, она была бы безполезна. Въ каждой отрасли промышленности переходъ отъ ручной работы къ машинной сопряженъ съ большими страданіями для ручныхъ рабочихъ въ этомъ производствѣ, будь это ремесленники или рабочіе въ мануфактурѣ. Этотъ переходъ дѣлаетъ ихъ излишними и выбрасываетъ на мостовую. Рабочіе прежде всего испытали на себѣ эту

сторону введенія машинъ. Многочисленныя возстанія въ первыя десятилѣтія 19-го столѣтія свидѣтельствуютъ о томъ, какое количество страданій причинялъ ручнымъ рабочимъ переходъ къ машинной работѣ, какое возмущеніе и отчаяніе имъ было вызвано. Введеніе машинъ, точно такъ же, какъ и послѣдующія улучшенія ихъ, всегда приноситъ вредъ *отдѣльнымъ слоямъ населенія:* конечно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, другіе слои рабочихъ — напр., занятые въ машинномъ производствѣ — могутъ извлечь изъ этого выгоду. Не думаемъ, впрочемъ, чтобы сознаніе этого могло утѣшить умирающихъ съ голоду.

Введеніе каждой новой машины ведетъ къ тому, что при меньшемъ числѣ рабочихъ производится или столько-же продукта, сколько и раньше, или же, если число рабочихъ остается прежнее, количество производимаго продукта увеличивается. Поэтому, для того, чтобы число занятыхъ въ странѣ рабочихъ не уменьшалось подъ вліяніемъ развитія машинъ, необходимо, чтобы *рынокъ расширялся въ той же пропорціи,* въ какой возрастаетъ производительность труда рабочаго. Но такъ какъ экономическое развитіе, повышая производительность труда, въ тоже время быстро увеличиваетъ и количество рабочихъ силъ, которыми можетъ располагать — и увеличиваетъ ихъ въ большей пропорціи, чѣмъ совершается приростъ населенія, то, для того, чтобы не было безработицы, рынокъ *долженъ расширяться гораздо быстрѣе,* чѣмъ это требовалось бы однимъ увеличеніемъ производительности труда посредствомъ машинъ.

Такое быстрое расширеніе рынка едва-ли когда имѣло мѣсто при господствѣ крупнаго капиталистическаго производства и, во всякомъ случаѣ, ни для одной изъ болѣе крупныхъ областей капиталистической промышленности оно не длилось сколько-нибудь значительный промежутокъ времени. Безработица, слѣдовательно, составляетъ при крупной капиталистической промышленности постоянное, неразрывно связанное съ ней явленіе. Даже въ лучшія времена, когда рынокъ внезапно испытываетъ значительное расширеніе и дѣла идутъ бойко, промышленность не въ состояніи дать работу всѣмъ безработнымъ; въ плохія-же времена, въ періодъ застоя въ дѣлахъ, число безработныхъ гигантски возрастаетъ. Они образуютъ цѣлую армію — *промышленную резервную армію,* какъ назвалъ ее Марксъ, ибо изъ этого запаса, всегда находящагося въ распоряженіи капитала, онъ черпаетъ добавочную рабочую силу, когда промышленная кампанія становится жаркой.

Для капиталиста резервная армія — безцѣнная находка. Для него это оружіе, посредствомъ котораго онъ можетъ держать въ уздѣ, дѣлать уступчивой дѣйствующую армію рабочихъ.

Чрезмѣрная работа однихъ вызываетъ безработицу другихъ, а эта безработица служитъ средствомъ для поддержанія и увеличенія чрезмѣрной работы первыхъ. И послѣ этого еще утверждаютъ, что не все къ лучшему въ семъ лучшемъ изъ міровъ!

Хотя величина промышленной резервной арміи колеблется вмѣстѣ съ колебаніями промышленности, но въ общемъ она обнаруживаетъ тенденцію *къ возрастанію.* И это потому, что преобразованія въ техникѣ совершаются все быстрѣе, охватываютъ все новыя области; расширеніе же рынковъ встрѣчаетъ, наоборотъ, все больше и больше препятствій. Къ этому мы еще вернемся въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь достаточно лишь отмѣтить этотъ фактъ.

Но что означаетъ безработица для рабочихъ? Не только нужду и бѣдствія для тѣхъ, у кого нѣтъ работы, не только порабощеніе и эксплуатацію для трудящихся, она означаетъ также *необезпеченность существованія для всего рабочаго класса.*

Какъ тяжело ни отзывались прежніе способы эксплуатаціи на эксплуатируемыхъ, они давали имъ одно: обезпеченность существованія. Средства для поддержанія жизни рабовъ и крѣпостныхъ были обезпечены, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока было обезпечено существованіе ихъ господина. Лишь его гибель могла лишить ихъ средствъ существованія. Сколько бы бѣдствій и нужды не разражалось время отъ времени надъ

населеніемъ при прежнихъ способахъ производства, это было не результатомъ производства, а слѣдствіемъ *нарушеній* въ его ходѣ, вызванныхъ неурожаемъ, чумой, наводненіемъ, вторженіемъ вражескихъ войскъ и т. д.

Существованія эксплуататора и эксплуатируемаго въ настоящее время не связаны другъ съ другомъ. Рабочій можетъ быть каждую минуту выброшенъ съ женою и дѣтьми на мостовую, гдѣ его ожидаетъ голодная смерть; положеніе эксплуататора, котораго онъ обогатилъ, не измѣнится отъ этого ни на іоту. И безработица, со всѣми ея бѣдствіями, въ настоящее время только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ является результатомъ нарушеній въ ходѣ производства, вызванныхъ внѣшними неотвратимыми событіями. Обыкновенно она представляетъ изъ себя неизбѣжный результатъ развитія самого производства. Нарушенія производства въ настоящее время часто увеличиваютъ шансы найти работу, а не уменьшаютъ ихъ: укажемъ на послѣдствія войны 1870 года для хозяйственной жизни Германіи и Франціи въ ближайшіе за этой войной годы.

При господствѣ мелкаго производства доходъ рабочаго отъ его собственнаго хозяйства былъ тѣмъ выше, чѣмъ прилежнѣе былъ рабочій. Лѣность, наоборотъ, раззоряла его, дѣлала безработнымъ. Теперь же безработица тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе, чѣмъ дольше работаетъ рабочій. Рабочій создаетъ себѣ безработицу своей собственной работой. Подобно многимъ другимъ, унаслѣдованнымъ отъ временъ мелкаго производства истинамъ, и та истина, что счастье рабочаго зависитъ отъ его прилежанія, была превращена крупнымъ капиталистическимъ производствомъ въ ея противоположность. Въ такую-же ложь превратилось и другое назиданіе, которое до сихъ поръ твердятъ рабочимъ разные филистеры, именно, что всякій, желающій трудиться, найдетъ себѣ кусокъ хлѣба.

Какъ обладаніе собственностью, такъ и обладаніе рабочей силой нисколько не защищаетъ въ настоящее время отъ нужды и бѣдствія. Какъ передъ мелкимъ крестьяниномъ и ремесленникомъ всегда стоитъ призракъ *банкротства*, такъ передъ рабочимъ стоитъ призракъ *безработицы*. Изъ всѣхъ золъ современнаго способа производства эта постоянная необезпеченность существованія является самымъ мучительнымъ, но въ то-же время она всего глубже возмущаетъ людей, въ корнѣ истребляя въ нихъ всякій консерватизмъ. Эта вѣчная необезпеченность собственнаго положенія уничтожаетъ вѣру въ прочность существующаго порядка и отнимаетъ всякій интересъ поддерживать этотъ порядокъ. Тотъ, кого существующій порядокъ вещей держитъ въ постоянномъ страхѣ, теряетъ страхъ передъ новымъ. Чрезмѣрная работа, безработица и разложеніе семьи — вотъ что несетъ пролетаріату капиталистическій способъ производства; въ то же время онъ ведетъ къ тому, что все болѣе и болѣе широкіе слои населенія переходятъ въ ряды пролетаріата, положеніе котораго становится положеніемъ широкой массы народа.

6. Ростъ пролетаризаціи. Торговый и интеллигентный пролетаріатъ.

При капиталистическомъ способѣ производства то положеніе, въ которомъ находится пролетаріатъ, становится все болѣе и болѣе положеніемъ всего народа. Это происходитъ не только благодаря постоянному расширенію области крупной промышленности, но также и благодаря тому, что положеніе наемныхъ рабочихъ въ крупной промышленности опредѣляетъ собою все болѣе и болѣе положеніе наемныхъ рабочихъ въ другихъ отрасляхъ труда. И въ ихъ условія жизни и труда крупная промышленность вноситъ переворотъ; тѣ преимущества, которыми пользовались иногда эти рабочіе сравнительно съ рабочими, занятыми въ капиталистической промышленности, превращаются теперь, подъ вліяніемъ этой послѣдней, въ источникъ бѣдствій. Такъ напримѣръ, тамъ, гдѣ рабочій-ремесленникъ въ настоящее время живетъ у хозяина на его харчахъ, онъ имѣетъ еще худшее жилище, худшую пищу, чѣмъ какими пользуется наемный рабочій, ведущій свое собственное хозяйство. Далѣе, ученичество служило въ прежнія времена средствомъ оградить ремесло отъ переполненія

рабочими, теперь же ученичество является самымъ вѣрнымъ средствомъ наводнить ремесло дешевыми руками и лишить хлѣба взрослыхъ рабочихъ.

Вліяніе капиталистическаго производства повело и въ этой области, какъ во всѣхъ другихъ, къ тому, что то, что при господствѣ мелкаго производства было разумно и благодѣтельно, стало безсмысленно и мучительно.

Стремленіе цеховыхъ мастеровъ возстановить старое цеховое устройство сводится, въ сущности, къ желанію получить, путемъ воскрешенія старыхъ формъ, новыя средства эксплуатаціи рабочихъ. Они хотятъ выкарабкаться изъ болота, въ которомъ тонутъ, взобравшись на плечи пролетаріевъ. И еще эти господа возмущаются, что пролетаріатъ не сочувствуетъ этому способу отсрочить на время неизбѣжную гибель мелкаго производства.

Въ *торговлѣ* совершается такой же процессъ развитія, какъ и въ ремеслѣ. Крупное производство начинаетъ тѣснить мелкое и въ области розничной торговли. Это происходитъ независимо отъ уменьшенія числа мелкихъ торговыхъ предпріятій. Наоборотъ, число ихъ увеличивается. Розничная торговля представляетъ изъ себя послѣднее прибѣжище для обанкрутившихся мелкихъ буржуа.*) Сократить розничную торговлю — напримѣръ, ограничить промыслъ разносчиковъ — значитъ окончательно вырвать почву изъ подъ ногъ у этихъ людей и бросить ихъ въ ряды золоторотцевъ, превратить ихъ въ нищихъ, бродягъ, кандидатовъ на скамью подсудимыхъ: это была-бы довольно своеобразная соціальная реформа.

Вліяніе развитія крупнаго производства сказывается въ области розничной торговли не въ *уменьшеніи* числа мелкихъ предпріятій, а въ ихъ *упадкѣ*. Существованіе мелкихъ самостоятельныхъ торговцевъ становится все болѣе и болѣе невѣрнымъ, все болѣе пролетарскимъ. И наряду съ этимъ увеличивается число служащихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, это уже — настоящіе пролетаріи, у которыхъ нѣтъ никакой надежды стать самостоятельными; и въ этой области народнаго хозяйства растетъ дѣтскій и женскій трудъ съ его спутницей — проституціей; растетъ чрезмѣрная работа, безработица и пониженіе заработной платы. Положеніе служащаго въ торговомъ предпріятіи все болѣе и болѣе приближается къ положенію пролетарія, занятаго въ промышленности. Вся разница сводится почти что къ тому, что служащій въ торговомъ предпріятіи долженъ соблюдать *показную сторону* болѣе высокаго уровня жизни, и приносить ради этого жертвы, которыхъ не вѣдаетъ пролетарій, занятый въ промышленности.

Кромѣ того начинаетъ развиваться еще одинъ слой пролетаріата: это *интеллигентный пролетаріатъ*. При нашемъ способѣ производства образованіе стало своего рода промысломъ. Сумма научныхъ знаній возросла до безконечности и продолжаетъ расти изъ дня въ день. Какъ капиталистическое общество, такъ и капиталистическое государство, все болѣе и болѣе нуждаются въ представителяхъ науки и искусства для веденія своихъ дѣлъ и подчиненія силъ природы цѣлямъ производства или разрушенія, а также и при расходованіи своихъ возрастающихъ излишковъ. Но не только крестьянинъ, ремесленникъ или пролетарій, но и купецъ, фабрикантъ, банкиръ, биржевикъ и крупный землевладѣлецъ не имѣютъ времени, чтобы посвящать себя наукѣ и искусству. Они всецѣло поглощены своими гешефтами и удовольствіями. Въ современномъ обществѣ, въ противоположность прежнимъ формамъ общества, науками и искусствомъ занимаются не сами эксплуататоры или даже какой-нибудь отдѣльный классъ ихъ. Они предоставляютъ это особому классу, которому платятъ за это деньги. Образованіе стало товаромъ.

Но еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ — это былъ рѣдкій товаръ. Школъ было мало, ученье было связано съ значительными рас-

*) Въ 1895 г. въ Германіи изъ каждой тысячи рабочихъ было занято:

Группы предпріятій	Въ промышлен.	Въ торговлѣ	Въ трактир. промыслѣ
съ 1— 5 лиц.	399	708	746
съ 6—50 -	328	252	241
свыше 50 -	363	40	13

Какъ видите, въ торговлѣ и трактирномъ дѣлѣ число мелкихъ предпріятій значительно больше, чѣмъ въ промышленности.

ходами. Крестьяне въ большинствѣ случаевъ были слишкомъ бѣдны, чтобы затрачивать средства на посылку своихъ сыновей въ высшія школы. Ремесло и торговля, наоборотъ, были еще золотымъ дномъ; поэтому тотъ, кто принадлежалъ къ этимъ профессіямъ, старался держаться ихъ, лишь исключительныя дарованія или обстоятельства побуждали сына ремесленника или купца обратиться къ изученію науки или искусства. Въ то время, какъ спросъ на чиновниковъ, техниковъ, врачей, учителей, художниковъ и т. д. возросталъ, притокъ ихъ почти ограничивался естественнымъ приростомъ самихъ этихъ круговъ.

Поэтому товаръ — образованіе былъ въ цѣнѣ. Обладаніе имъ доставляло тѣмъ, по крайней мѣрѣ, кто утилизировалъ его для практическихъ цѣлей — какъ-то адвокатамъ, чиновникамъ, докторамъ, профессорамъ и т. д., въ большинствѣ случаевъ комфортабельную жизнь, а зачастую славу и честь. Художники, поэты, философы были собесѣдниками королей. Умственная аристократія чувствовала свое превосходство надъ аристократіей родовой и денежной. Ея единственной заботой было развитіе своихъ духовныхъ силъ. Поэтому, образованные люди могли быть идеалистами и зачастую бывали таковыми. Они стояли выше другихъ классовъ, ихъ матеріальныхъ стремленій и ихъ розни. Образованіе давало силу, счастье, дѣлало людей добрыми: что было проще того вывода, что для того, чтобы сдѣлать людей счастливыми и добрыми, чтобы побѣдить классовую рознь и изгнать разъ навсегда бѣдность и пошлость — нужно лишь одно: распространеніе образованія.

Съ того времени распространеніе высшихъ учебныхъ заведеній — а въ разбираемомъ нами вопросѣ дѣло идетъ лишь о высшемъ образованіи — сдѣлало громадные успѣхи. Число учебныхъ заведеній возросло въ громадныхъ размѣрахъ. Въ еще большей степени возросло число учащихся. Мелкое производство въ промышленности и торговлѣ перестало быть золотымъ дномъ. Мелкому буржуа не осталось никакихъ другихъ средствъ спасти своихъ дѣтей отъ превращенія въ пролетаріевъ, какъ дать имъ образованіе, если онъ только какъ никакъ сколотилъ необходимыя для этого деньжонки. И ему приходиться уже заботиться не только *о сыновьяхъ*, но и *о дочеряхъ*. Развивающееся раздѣленіе труда все болѣе и болѣе превращаетъ — какъ мы уже упоминали — домашнія работы въ особыя отрасли промышленности. Работы по домашнему хозяйству все сокращаются, и такой бракъ, гдѣ единственнымъ занятіемъ жены является домашнее хозяйство, становится все болѣе и болѣе роскошью. А между тѣмъ, мелкая буржуазія, какъ мы уже видѣли, бѣднѣетъ и, такимъ образомъ, все болѣе лишается возможности дозволять себѣ какую-нибудь роскошь. Число неженатыхъ и незамужныхъ растетъ. Все больше становится число такихъ семей, гдѣ жена и дочь должны работать изъ за заработка. Такимъ образомъ, женскій трудъ все шире примѣняется не только въ крупной и мелкой промышленности и въ розничной торговлѣ, но также на государственной службѣ и въ частныхъ предпріятіяхъ, на почтѣ, телеграфѣ, желѣзныхъ дорогахъ, въ банкахъ и т. п., въ области науки и искусства. Женскій трудъ все болѣе и болѣе водворяется въ самыхъ интеллигентныхъ профессіяхъ, несмотря на вопли негодованія, вызываемые предразсудками и соображеніями личнаго интереса. Не тщеславіе, не пропырливость, не капризъ, а давленіе экономическаго развитія толкаетъ женщину къ труду какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Если въ нѣкоторыхъ областяхъ умственнаго труда, гдѣ царитъ еще цеховая замкнутость, мужчинамъ удалось устранить конкурренцію женщинъ, то тѣмъ сильнѣе устремляются онѣ въ тѣ области, гдѣ нѣтъ цеховыхъ ограниченій, — напримѣръ въ область литературы, живописи, музыки.

Однимъ изъ послѣдствій всего этого является громадное возрастаніе числа образованныхъ людей, по сравненію съ прежними временами. Но тѣхъ благопріятныхъ послѣдствій, которыхъ ожидали идеалисты отъ распространенія образованія, мы не видимъ. Разъ образованіе является товаромъ, роспространеніе образованія равносильно умноженію самого

товара, а, слѣдовательно, и паденію его въ цѣнѣ, т. е. ухудшенію положенія его владѣльцевъ. Число образованныхъ людей возросло въ такой степени, что оно болѣе, чѣмъ достаточно для удовлетворенія потребностей капиталистовъ, и капиталистическаго государства. Для умственныхъ работниковъ рынокъ въ настоящее время такъ-же переполненъ, какъ и для рабочихъ, занятыхъ физическимъ трудомъ. У умственныхъ работниковъ тоже уже есть своя *резервная армія*. Безработица въ ихъ рядахъ столь-же постоянный гость, какъ и у промышленныхъ рабочихъ. Тотъ, кто хочетъ получить мѣсто чиновника, долженъ ждать годы, — иногда даже больше десяти лѣтъ, — пока ему удастся получить какую нибудь скудно оплачиваемую низшую должность. У другихъ безработица чередуется съ чрезмѣрной работой въ такой-же мѣрѣ, какъ и у рабочихъ, занятыхъ физическимъ трудомъ, и они также, какъ эти послѣдніе, постоянно страдаютъ отъ пониженія заработной платы.

Классовое положеніе умственныхъ работниковъ явно ухудшается; если раньше говорили объ аристократіи ума, то теперь говорятъ объ интеллигентномъ пролетаріатѣ. И скоро этотъ пролетаріатъ будетъ отличаться отъ другихъ наемныхъ рабочихъ лишь однимъ своимъ *высокомѣріемъ*. Въ большинствѣ случаевъ онъ все еще воображаетъ, что представляетъ изъ себя нѣчто высшее, чѣмъ пролетаріи, онъ все еще причисляетъ себя къ буржуазіи, но это уже похоже на то, какъ слуги говорятъ „мы“ о своихъ господахъ. Эти люди перестали быть умственными вождями буржуазіи, а стали ея клакерами.

Какъ чума, распространяется среди нихъ *карьеризмъ*. Не *развитіе* своихъ умственныхъ способностей, а *выгодная продажа* ихъ составляетъ ихъ главную заботу. Главнымъ средствомъ выдвинуться впередъ становится *проституированіе*) своего я*. И ихъ, какъ и мелкихъ промышленниковъ, ослѣпляетъ блескъ немногихъ выигранныхъ номеровъ въ лотереѣ ихъ жизни. Не видя тѣхъ безчисленныхъ пустыхъ номеровъ, которые падаютъ на ихъ долю, — они продаютъ душу и тѣло за одну надежду получить главный выигрышъ. *Продажа своихъ убѣжденій и бракъ изъ-за денегъ* стали въ глазахъ большинства нашихъ интеллигентовъ двумя столь-же понятными, какъ и неизбѣжными, средствами завоевать себѣ счастье. Вотъ что сдѣлалъ капиталистическій способъ производства изъ идеалистовъ, изслѣдователей и мечтателей!

Но предложеніе растетъ слишкомъ быстро для того, чтобы, вообще говоря, даже въ томъ случаѣ, когда продается и собственная личность, можно было извлекать крупную выгоду изъ образованія. Задержать паденіе массы интеллигентовъ въ пролетаріатъ теперь уже невозможно.

Приведетъ-ли этотъ процессъ развитія къ тому, что интеллигенція встанетъ на сторону борющагося пролетаріата всей своей массой, а не въ лицѣ отдѣльныхъ ея представителей, какъ было до сихъ поръ, — это еще вопросъ открытый. Несомнѣнно одно: пролетаризація интеллигенціи отняла у пролетарія послѣднюю возможность выйти въ одиночку, своими личными усиліями изъ рядовъ пролетаріата и подняться въ высшій классъ.

Сдѣлаться капиталистомъ наемному рабочему нѣтъ уже ровно никакой возможности, по крайней мѣрѣ при обычномъ ходѣ дѣлъ. Не станутъ-же, конечно, серьезные люди; говоря о положеніи рабочаго класса, принимать въ разсчетъ возможность выиграть деньги въ лотерею или получить наслѣдство отъ богатаго американскаго дядюшки. Но при особо благопріятныхъ условіяхъ можетъ иногда случиться, что какому-нибудь имѣющему хорошее мѣсто рабочему удается путемъ суровыхъ лишеній накопить столько, что онъ будетъ въ состояніи открыть небольшое ремесленное заведеніе или мелочную лавочку или дать образованіе одному изъ своихъ сыновей, вывести его въ „господа“.

Указывать рабочимъ на возможность такимъ путемъ улучшить свое положеніе или положеніе своихъ дѣтей, — нелѣпо до смѣшного. При

*) Продажа первому встрѣчному. (Прим. перев.)

обычномъ ходѣ вещей, если даже рабочему и удается вообще сберегать, — онъ долженъ быть радъ, если въ хорошія времена съэкономитъ столько, чтобы не остаться совсѣмъ безъ гроша во время безработицы. Въ настоящее время утѣшать рабочихъ указаніями на возможность сбереженій и т. п. еще нелѣпѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Экономическое развитіе не только лишаетъ рабочаго все болѣе и болѣе всякой возможности откладывать что бы то ни было, оно ведетъ также къ тому, что даже въ томъ случаѣ, если онъ сбережетъ кое-что, это не поможетъ ни ему, ни его дѣтямъ выкарабкаться изъ пролетарскаго существованія. Завести собственное мелкое предпріятіе — значитъ для него промѣнять одно бѣдственное положеніе на другое, и только для того, чтобы быть принужденнымъ въ большинствѣ случаевъ впасть вскорѣ снова въ прежнее состояніе и цѣною потери своихъ сбереженій купить сознаніе, что мелкое производство обречено на гибель.

Въ настоящее время попытка пролетарія дать своему сыну образованіе еще труднѣе выполнима, чѣмъ попытка завести свое самостоятельное мелкое производство — она почти безнадежна. Но допустимъ даже, что такая попытка удалась. Сынъ пролетарія не имѣетъ возможности ждать съ продажей своихъ знаній, у него нѣтъ никакой протекціи — какую-же пользу принесетъ ему его высшее образованіе въ настоящее время, когда тысячи юристовъ годами ждутъ свободной ваканціи на государственной службѣ, когда техники, химики, люди, кончившія коммерческія школы, сотнями ходятъ безъ мѣста?

Куда-бы ни обратился въ настоящее время пролетарій, повсюду онъ наталкивается на пролетарскія условія жизни и труда. Пролетарское состояніе все болѣе и болѣе проникаетъ собою все общество; масса населенія во всѣхъ культурныхъ странахъ опустилась уже до положенія пролетаріата. Для отдѣльнаго пролетарія исчезла всякая надежда собственными усиліями выбраться изъ того болота, въ которое его толкаетъ современный способъ производства. Онъ можетъ подняться только, поднимая весь тотъ классъ, къ которому онъ принадлежитъ.

III.

Классъ капиталистовъ.

1. Торговля и кредитъ.

Мы видѣли, какъ въ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства масса населенія пролетаризируется, превращается въ рабочихъ, оторванныхъ отъ своихъ средствъ производства, лишенныхъ, слѣдовательно, возможности производить самостоятельно и тѣмъ самымъ вынужденныхъ — подъ страхомъ голода — продавать единственное, что они имѣютъ: свою *рабочую силу*. Большинство крестьянъ и мелкихъ ремесленниковъ фактически уже пролетаризировано. Завѣса, еще отдѣляющая ихъ отъ пролетаріевъ — ихъ собственность — лишь маскируетъ ихъ зависимость и ту эксплуатацію, которой они подвергаются, но не способна предохранить ихъ отъ этихъ золъ, причемъ достаточно всякаго вѣтерка посильнѣе, чтобы сорвать и унести навсегда эту легкую занавѣсь.

Съ другой стороны, мы видимъ небольшую группу собственниковъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ, владѣющихъ важнѣйшими средствами производства, главнѣйшими источниками существованія всего населенія, которымъ это исключительное владѣніе даетъ возможность и власть держать въ зависимости отъ себя всѣхъ лишенныхъ собственности и ихъ эксплуатировать.

Въ то время, какъ большинство населенія все глубже погружается въ нужду и страданія, эта группа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ одна пользуется, дѣлясь лишь со своими прихлебателями, всѣми неисчислимыми преимуществами новѣйшей культуры и прежде всего прогрессомъ естествознанія и его практическими примѣненіями.

Присмотримся же поближе къ этой группѣ избранниковъ, разсмотримъ ту роль, которую играетъ она въ промышленной жизни страны и послѣдствія, вытекающія изъ ея дѣятельности для всего общества.

Мы говорили уже о подраздѣленіи капитала на торговый, ростовщическій и промышленный. Послѣдній появился всѣхъ позднѣе, ему не болѣе ста лѣтъ отъ роду, тогда какъ другіе насчитываютъ тысячелѣтія. Но меньшой братъ росъ гораздо быстрѣе старшихъ и, превратившись въ великана, покорилъ ихъ и принудилъ служить себѣ.

Для мелкаго производства въ его совершенной (классической) формѣ торговцы не составляютъ безусловной необходимости. Крестьяне и ремесленники могутъ получать нужныя имъ средства производства прямо отъ производителей, а свои продукты они могутъ непосредственно продавать потребителямъ. Торговля ограничивается, на этой ступени экономическаго развитія, главнымъ образомъ, предметами роскоши и для общаго хода производства, для существованія общества въ его цѣломъ, въ ней нѣтъ необходимости.

Капиталистическое производство, наоборотъ, не можетъ, какъ мы видѣли, ни въ какомъ случаѣ обходиться безъ торговли, какъ и торговля, въ свою очередь, не можетъ, достигши извѣстной ступени, продолжать развиваться безъ капиталистическаго производства. Чѣмъ шире распространяется это послѣднее, чѣмъ полнѣе капиталистическій способъ производства становится господствующимъ, тѣмъ необходимѣе оказывается успѣшный ходъ торговли для всей промышленной жизни. Торговля не-

обходима теперь уже не тѣмъ только, кто имѣетъ избытки и нуждается въ предметахъ роскоши. Все производство, самое питаніе населенія въ капиталистическихъ странахъ зависитъ отъ безпрепятственнаго хода торговли. Это одна изъ причинъ, по которымъ всемірная война была бы въ настоящее время гораздо опустошительнѣе, чѣмъ когда-либо. Война ведетъ къ остановкѣ торговли, а эта остановка прекратила бы въ настоящее время также и производство и означала бы остановку всей промышленной жизни и наступленіе такого экономическаго кризиса, который вызвалъ бы не меньше бѣдствій и распространился бы гораздо шире, чѣмъ непосредственныя опустошенія, происходящія на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Такое же важное значеніе, какъ торговля, пріобрѣло при капиталистическомъ производствѣ также и ростовщичество. При господствѣ мелкаго производства ростовщикъ былъ паразитомъ, пользовавшимся нуждой или легкомыслiемъ своихъ ближнихъ, чтобы высасывать изъ нихъ кровь. Въ тѣ времена, когда, вообще говоря, каждый производитель владѣлъ необходимыми средствами производства, деньги, занятыя у ростовщиковъ, шли почти исключительно лишь на непроизводительное употребленіе. Дворянинъ, напримѣръ, занималъ деньги для того, чтобы прокутить ихъ, крестьянинъ занималъ для уплаты денежныхъ пошлинъ или издержекъ какого-нибудь процесса. Поэтому, ссуда денегъ за проценты всѣми осуждалась въ то время и считалась безнравственной.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло при капиталистическомъ способѣ производства. Деньги нужны теперь для капиталистическаго предпріятія, для покупки рабочей силы и для ея эксплуатаціи. Когда современный предприниматель занимаетъ деньги для основанія новаго предпріятія или расширенія стараго, его прежній доходъ ни на волосъ не уменьшается отъ уплаты процентовъ, предполагая, разумѣется, что новое предпріятіе окажется удачнымъ. Занятыя деньги служатъ, наоборотъ, для новой эксплуатаціи рабочей силы, и, слѣдовательно, увеличиваютъ его доходъ и при этомъ на сумму, превышающую проценты на занятый капиталъ. Ростовщикъ теряетъ теперь свой первоначальный характеръ. Его старая роль эксплуататора нужды и легкомыслія все далѣе отступаетъ на задній планъ, выдвигая впередъ роль „оплодотворителя“, который даетъ производству возможность развиваться быстрѣе, чѣмъ это происходило бы при простомъ накопленіи капитала въ шкапахъ промышленныхъ капиталистовъ. Отвращеніе къ ростовщику исчезаетъ; онъ становится безпорочнымъ и получаетъ новыя благозвучныя имена банкира, дисконтера и проч.

Въ то же время существенно измѣнилось и все движеніе приносящаго проценты каптала. Деньги, скоплявшіяся прежде въ сундукахъ ростовщиковъ, растекались изъ этихъ резервуаровъ по карманамъ некапиталистовъ. Теперь былые сундуки — кредитныя учрежденія — стали, наоборотъ, резервуарами, въ которые по тысячамъ каналовъ стекаются деньги некапиталистовъ, чтобы расходиться по карманамъ капиталистовъ. Кредитъ остался попрежнему средствомъ заставлять некапиталистовъ — какъ имущихъ, такъ и неимущихъ — уплачивать проценты капиталу. Но теперь онъ сталъ, кромѣ того, могучимъ средствомъ превращать въ капиталъ всякое имущество некапиталистовъ — отъ богатствъ католическихъ монастырей и стараго дворянства до пары грошей, сбереженныхъ поденщикомъ или служанкой. Всѣ эти гроши или милліоны, къ какому бы классу не принадлежали ихъ владѣльцы, становятся капиталомъ, а, слѣдовательно, средствомъ эксплуатаціи однихъ изъ этихъ классовъ и разложенія другихъ. Современныя кредитныя учрежденія, сберегательныя кассы и проч. прославляются за то, что, превращая гроши, сбереженные бѣдняками въ капиталъ, они тѣмъ самымъ, по увѣренію сторонниковъ современнаго строя, превращаютъ бережливыхъ пролетаріевъ, ремесленниковъ и крестьянъ въ „капиталистовъ“. Но это собираніе денегъ некапиталистовъ имѣетъ цѣлью предоставить въ распоряженіе капиталистовъ новые капиталы и тѣмъ ускорить развитіе капиталистическаго способа производства, а мы уже видѣли, какое значеніе имѣетъ это развитіе для паемныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и крестьянъ

Рядомъ съ заботами о превращеніи въ капиталъ всего имущества, не принадлежащаго классу капиталистовъ, современныя кредитныя учрежденія заботятся также о лучшемъ использованіи капиталовъ, принадлежащихъ классу капиталистовъ. Въ нихъ стекаются деньги отдѣльныхъ капиталистовъ, временно остающіяся безъ употребленія въ ихъ предпріятіяхъ, и здѣсь эти суммы, которыя иначе лежали бы „мертвыми", оживаютъ, становясь доступными тѣмъ капиталистамъ, которые въ нихъ нуждаются. Тѣ же кредитныя учрежденія даютъ возможность превращать — еще до продажи — товаръ въ деньги и сокращать, такимъ образомъ, время обращенія капитала, а, слѣдовательно, и количество капитала, необходимое на веденіе того или другого опредѣленнаго предпріятія.

Все это въ высшей степени увеличиваетъ количество и усиливаетъ дѣйствіе капитала, находящагося въ распоряженіи класса капиталистовъ. Поэтому, кредитъ сдѣлался въ настоящее время сильнѣйшимъ рычагомъ капиталистическаго производства. Онъ, именно, рядомъ съ высокимъ развитіемъ машинъ и скопленіемъ промышленной резервной арміи, является главной причиной той эластичности современнаго способа производства, которая позволяетъ промышленности при малѣйшемъ благопріятномъ толчкѣ такъ быстро расширяться во всѣ стороны.

Но кредитъ еще чувствительнѣе ко всякимъ пертурбаціямъ, чѣмъ торговля. Всякое потрясеніе, которое онъ испытываетъ, распространяется на всю промышленную жизнь.

Многіе экономисты видѣли въ кредитѣ средство, способное превратить неимущихъ или малоимущихъ людей къ капиталистовъ. Но кредитъ, какъ это видно уже изъ самаго названія, опирается на довѣріе заимодавца къ должнику. Чѣмъ состоятельнѣе этотъ послѣдній, тѣмъ больше гарантій онъ представляетъ и тѣмъ большимъ пользуется кредитомъ. Кредитъ, поэтому, является лишь средствомъ доставлять капиталистамъ новые капиталы сверхъ тѣхъ, которыми они непосредственно владѣютъ, увеличивать ихъ перевѣсъ и тѣмъ самымъ обострять общественныя противоположности, а ужъ никакъ не смягчатъ ихъ.

Такимъ образомъ, кредитъ, ускоряя развитіе капиталистическаго производства и усиливая его способность пользоваться всякой благопріятной конъюктурой, въ то же время способствуетъ гибели мелкаго производства. Онъ же, наконецъ, содѣйствуетъ тому, что весь механизмъ современнаго производства становится все сложнѣе и чувствительнѣе ко всякому разстройству, и что въ ряды самихъ капиталистовъ проникаетъ ощущеніе неувѣренности, вызываемое колебаніями той почвы, на которой они движутся.

2. Раздѣленіе труда и конкурренція.

Въ то время, какъ, съ одной стороны, ходъ экономическаго развитія связываетъ все тѣснѣе и тѣснѣе торговлю и кредитъ съ промышленностью, съ другой стороны, этотъ же ходъ развитія, увеличивая раздѣленіе труда, распредѣляетъ различныя функціи, выполняемыя въ экономической жизни капиталистомъ, между различными, отдѣльными другъ отъ друга предпріятіями и учрежденіями. Въ прежнія времена купецъ долженъ былъ не только покупать и продавать товары, но также собирать ихъ, хранить въ своихъ складахъ и доставлять на рынокъ иногда очень отдаленный; ему же приходилось сортировать товары, раскладывать ихъ и дѣлать доступными отдѣльнымъ покупателямъ. Теперь раздѣленіе труда установилось не только между оптовой и розничной торговлей, но существуютъ огромныя самостоятельныя предпріятія для транспорта и храненія товаровъ (склады, элеваторы), а на большихъ центральныхъ рынкахъ — на биржахъ — самый актъ купли и продажи до такой степени обособился отъ всѣхъ остальныхъ дѣйствій купца, до такой степени превратился въ самостоятельную дѣятельность, что на биржахъ не только продаютъ и покупаютъ находящіеся за тысячи верстъ или еще не произведенные товары, но тамъ покупаютъ товары безъ малѣйшаго намѣренія дѣйствительно пріобрѣсти ихъ и продаютъ товары, которыхъ вовсе не имѣютъ.

Въ былое время нельзя было представить себѣ капиталиста безъ большаго шкафа, въ которомъ скрывались получаемыя деньги, чтобы снова появляться на свѣтъ при уплатахъ. Теперь въ передовыхъ странахъ капитализма — въ Англіи и въ Америкѣ въ особенности — кассы капиталистовъ превратились въ самостоятельныя учрежденія — въ *банки*. Теперь платятъ уже не капиталисту, а его банку и къ банку же обращаются за полученіемъ долговъ капиталиста. Такимъ образомъ нѣсколько центральныхъ банковыхъ предпріятій завѣдуютъ кассами всѣхъ капиталистовъ страны.

Но различныя функціи капиталистовъ, распавшіяся такимъ образомъ на самостоятельныя учрежденія, независимы другъ отъ друга лишь внѣшнимъ образомъ — юридически; экономически же онѣ остаются скованными другъ съ другомъ самымъ тѣснѣйшимъ образомъ. Эти части одного дѣла, превратившіяся въ самостоятельныя учрежденія, могутъ правильно функціонировать лишь до тѣхъ поръ, пока всѣ остальныя связанныя съ ними въ дѣловомъ отношеніи предпріятія не испытываютъ никакихъ затрудненій. Чѣмъ тѣснѣе взаимная зависимость, въ которую стали другъ отъ друга торговля, кредитъ и промышленность и чѣмъ полнѣе обособились въ самостоятельныя предпріятія различныя функціи класса капиталистовъ, тѣмъ въ большую зависимость попадаетъ отдѣльный капиталистъ отъ всѣхъ другихъ. Капиталистическое хозяйство цѣлой страны — а въ извѣстныхъ отношеніяхъ и всего міроваго рынка — все болѣе превращается въ одинъ громадный организмъ, части котораго находятся въ нераздѣльной связи между собою. Въ то время, какъ масса населенія попадаетъ все въ большую зависимость отъ капиталистовъ, сами капиталисты попадаютъ все въ большую зависимость другъ отъ друга.

При современномъ способѣ производства вся экономическая жизнь страны постепенно соединяется въ одинъ сложный и чувствительный механизмъ, безостановочное движеніе котораго попадаетъ все въ большую и большую зависимость отъ безостановочнаго и строго координированнаго движенія каждаго изъ его безчисленныхъ колесиковъ.

Никакой способъ производства не нуждался въ такой планомѣрной организаціи, какой настоятельно требуетъ современный. Но частная собственность исключаетъ всякую возможность внесенія планомѣрности и обдуманнаго порядка въ экономическую жизнь. Въ то время какъ отдѣльныя предпріятія попадаютъ другъ отъ друга все въ большую и большую *экономическую* зависимость, они сохраняютъ полнѣйшую независимость въ правовомъ, въ *юридическомъ* отношеніи. Средства для веденія каждаго отдѣльнаго предпріятія составляютъ частную собственность. Ихъ собственникъ можетъ сдѣлать съ ними, что ему угодно.

Чѣмъ далѣе развивается крупное производство, чѣмъ крупнѣе становятся отдѣльныя предпріятія, тѣмъ строже устанавливается выработанная по опредѣленному плану, взвѣшенная до мельчайшихъ подробностей организація работы внутри каждаго предпріятія. Но совмѣстная дѣятельность этихъ отдѣльныхъ предпріятій, ихъ взаимодѣйствіе остается предоставленнымъ слѣпой силѣ *свободной конкурренціи*. Посредствомъ громадной растраты силъ и средствъ и при постоянно усиливающихся потрясеніяхъ поддерживаетъ она ходъ промышленной жизни, никому не указывая его мѣста, но безпощадно давя каждаго, кто оказывается не на своемъ. Это называется „подборомъ наилучшихъ въ борьбѣ за существованіе“. На самомъ же дѣлѣ свободная конкурренція выбрасываетъ за бортъ не столько вообще не способныхъ, сколько людей, находящихся къ такомъ положеніи, для сохраненія котораго у нихъ не хватаетъ тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ качествъ, а всего чаще просто не хватаетъ *капитала*. Но теперь конкурренція не довольствуется устраненіемъ однихъ лишь тѣхъ, кто не выдерживаетъ борьбы за существованіе. Каждое пораженіе ведетъ за собою разстройство множества существованій: наемныхъ рабочихъ, кредиторовъ, поставщиковъ и проч., связанныхъ экономически съ потерпѣвшимъ банкротство предпріятіемъ.

До сихъ поръ еще охотно повторяютъ старое изрѣченіе, гласящее, что каждый самъ куетъ свое счастье. Это пословица сложилась во времена

мелкаго производства, когда отъ личныхъ качествъ отдѣльнаго производителя дѣйствительно зависѣла его судьба и при томъ судьба только его самаго и его семейства. Теперь судьба каждаго члена капиталистическаго общества все менѣе зависитъ отъ его личности и все больше, наоборотъ, отъ тысячи условій, на которыя онъ не имѣетъ никакого вліянія. Теперь конкурренція „подбираетъ“ далеко не „лучшихъ“.

3. Прибыль.

Откуда извлекаетъ свой доходъ классъ капиталистовъ? Владѣлецъ *торговаго* или *ростовщическаго* капитала получалъ свой доходъ посредствомъ вычетовъ изъ *имущества* лицъ различныхъ классовъ, нуждающихся въ его помощи или посредничествѣ. *Промышленный капиталъ* выжимаетъ свою прибыль изъ эксплуатаціи *неимущихъ* наемныхъ рабочихъ. Но чѣмъ далѣе развивается капиталистическій способъ производства, тѣмъ сильнѣе промышленный капиталъ переростаетъ другіе роды капитала и, какъ мы видѣли, заставляетъ ихъ служить себѣ, что онъ можетъ, однако, дѣлать лишь потому, что уступаетъ имъ часть извлеченной изъ наемныхъ рабочихъ прибыли.

Вслѣдствіе развитія капиталистическаго способа производства прибавочная стоимость, создаваемая пролетаріями, становится все болѣе и болѣе важнѣйшимъ источникомъ дохода всей совокупности класса капиталистовъ. Ремесло и крестьянское земледѣліе клонятся къ исчезновенію и все менѣе вліяютъ на сущность современнаго общества, также какъ и старыя формы торговаго и промышленнаго капитала, извлекающія свой доходъ изъ эксплуатаціи некапиталистическихъ классовъ. И теперь уже существуютъ государства безъ ремесленниковъ и крестьянъ — смотри Англію. Но современное государство безъ крупной промышленности немыслимо. Кто хочетъ понять современныя формы капитала, долженъ начинать съ изслѣдованія промышленнаго капитала: въ прибавочной стоимости, производимой капиталистической промышленностью, находится самый существенный и все болѣе преобладающій источникъ всѣхъ капиталистическихъ доходовъ.

Къ прошлой главѣ мы разсмотрѣли прибавочную стоимость, производимую промышленнымъ пролетаріемъ и присваиваемую промышленнымъ капиталистомъ. Мы видѣли также, какимъ образомъ количество прибавочной стоимости, производимой отдѣльнымъ рабочимъ, увеличивается по сравненію съ размѣрами его заработной платы вслѣдствіе увеличенія количества труда рабочихъ, введенія машинъ, увеличивающихъ его производительность, привлеченія болѣе дешевыхъ рабочихъ рукъ и проч. Вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистической промышленности ростетъ также число эксплуатируемыхъ пролетаріевъ: такимъ образомъ все выше и выше вздувается потокъ, несущій прибавочную стоимость классу капиталистовъ.

Но, увы, „смертнымъ не дано безпримѣснаго счастья“ и классъ капиталистовъ принужденъ „дѣлиться“, какъ бы ненавистно не было ему „дѣленіе“. Изъ собранной имъ прибавочной стоимости онъ вынужденъ удѣлять кое что *землевладѣнію и государству*. И обѣ эти доли растутъ съ году на годъ.

4. Поземельная рента.

Говоря о классахъ все полнѣе и полнѣе монополизирующихъ средства производства и становящихся ихъ исключительными собственниками и эксплуататорами, необходимо дѣлать различіе между *капиталистами и крупными землевладѣльцами*. Земля есть средство производства особаго рода. Это средство *необходимѣйшее* изъ всѣхъ, безъ котораго невозможна никакая человѣческая дѣятельность; даже мореплаватель и воздухоплаватель нуждаются въ мѣстѣ на землѣ для отправки и высадки. Въ тоже время земля есть средство производства, которое никоимъ образомъ *не можетъ умножаться по мѣрѣ надобности*. До сихъ поръ, однако, едва ли существовала когда либо обширная область, въ которой каждый клочекъ земли

былъ бы обработанъ ея жителями. Даже въ Китаѣ имѣются еще обширныя необработанныя пространства.

При господствѣ въ средневѣковой Европѣ мелкаго крестьянскаго земледѣлія каждый крестьянинъ имѣлъ собственное поле и усадьбу. Воды, лѣса и пастбища были общественной собственностью и масса необработанной земли была такъ велика, что можно было оставлять во владѣніи каждаго тотъ клочекъ земли, который онъ обработалъ въ этой пустынѣ. Но вотъ началось развитіе товарнаго производства съ послѣдствіями, которые мы уже знаемъ. Продукты земледѣлія стали товарами и пріобрѣли стоимость. Это отразилось и на землѣ, которая тоже обратилась въ цѣнный товаръ.

Отдѣльныя крестьянскія общества и товарищества старались теперь ограничить кругъ своихъ сочленовъ; наличные сочлены стали смотрѣть на землю, которою сообща владѣли, — и отчасти (лѣса, пастбища) сообща же и эксплуатировали — не какъ на неотчуждаемую общую собственность общества или товарищества, а какъ на особый родъ *частной собственности* принадлежащей сообща наличнымъ членамъ и ихъ наслѣдникамъ, изъ пользованія которою заранѣе исключаются всѣ будущія, извнѣ присоединяющіяся, къ обществу лица.

Крестьянскія общества хотѣли сдѣлать землевладѣніе своей монополіей, но на ихъ земли взиралъ съ вожделѣніемъ еще нѣкто другой, а именно благородный господинъ, бывшій ихъ защитникомъ и охранителемъ. Если общинныя земли, пріобрѣвшія цѣнность, должны стать чьей-нибудь частной собственностью, то именно *его* собственностью. И въ большей части мѣстностей, въ особенности тамъ, гдѣ развилось крупное земледѣліе, благороднымъ господамъ дѣйствительно удалось присвоить себѣ крестьянскія общинныя земли. За тѣмъ дѣло дошло и до уничтоженія усадебъ и отнятія у отдѣльныхъ крестьянъ ихъ полей. Теперь вся земля, даже и та, которая экономически еще вовсе не эксплуатировалась, перешла въ частную собственность, землевладѣніе стало привилегіей немногихъ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе экономическаго развитія и въ частности, вслѣдствіе образованія крупной собственности, землевладѣніе стало монополіей задолго до того времени когда истощился запасъ пригодныхъ къ обработкѣ земель и могла зайти рѣчь о перенаселеніи.

Поэтому, если средство производства земли и занимаетъ исключительное положеніе вслѣдствіе невозможности увеличивать по произволу ея количество, то вовсе не на томъ основаніи, чтобы вся земля была уже обработана, а потому только, что она — въ культурныхъ странахъ по крайней мѣрѣ — уже вся захвачена въ собственность меньшинствомъ населенія. Это породило монополію совсѣмъ особаго рода. Классъ капиталистовъ, противостоящій неимущимъ классамъ, обладаетъ, конечно, монополіей на средства производства. Но внутри самаго класса капиталистовъ для его опредѣленныхъ членовъ не существуетъ монополіи на опредѣленныя средства производства или, по крайней мѣрѣ, здѣсь монополія не можетъ быть продолжительной. Когда образуется компанія капиталистовъ для монопольной эксплуатаціи какого-нибудь важнаго изобрѣтенія, напр. новой машины, то всегда могутъ найтись другіе капиталисты, которые или пріобрѣтутъ ту-же машину или воспользуются новымъ, превосходящимъ ее изобрѣтеніемъ, или, наконецъ, введутъ у себя удачное подражаніе, которое раньше или позже будетъ непремѣнно сдѣлано. Ничто подобное невозможно относительно земельной собственности. Землевладѣльцы пользуются монополіей не только по отношенію къ неимущимъ классамъ, но и относительно класса капиталистовъ.

Исключительныя свойства землевладѣнія всего ярче выражены въ Англіи, гдѣ небольшое число семей владѣетъ почвой цѣлой страны и крѣпко держится за нее. Кому нужно земли, тотъ получаетъ ее въ аренду, за опредѣленную арендную плату — поземельную ренту.*)

*) Строго говоря, арендная плата и поземельная рента не одно и то-же. Въ арендную плату входитъ въ большинствѣ случаевъ и часть процента на капиталъ. Но для нашей цѣли это различіе не важно и мы можемъ принимать здѣсь арендную плату за равную поземельной рентѣ.

Англійскій капиталистъ, желающій построить фабрику или жилой домъ, устроить копи или завести земледѣльческое хозяйство, бываетъ обыкновенно вынужденъ арендовать нужную ему землю, но не можетъ купить ее.

У насъ въ Германіи капиталистъ оказывается обыкновенно владѣльцемъ той земли, на которой стоитъ его фабрика, тѣхъ копей, которыя онъ эксплуатируетъ и проч.; съ другой стороны, крупный землевладѣлецъ является также въ большинствѣ случаевъ и промышленнымъ капиталистомъ; сельскохозяйственныя предпріятія все тѣснѣе соединяются съ капиталистической промышленностью и въ общемъ, какъ мы уже упоминали, слѣдуютъ при капиталистическомъ способѣ производствѣ тѣмъ же законамъ какъ и остальныя отрасли промышленности.

Когда капиталистъ хозяйничаетъ на собственной землѣ, когда онъ самъ землевладѣлецъ, ему нѣтъ, конечно, надобности дѣлиться прибавочной стоимостью съ этими послѣдними. Но существеннаго измѣненія это не вноситъ, такъ какъ землевладѣльцемъ онъ сдѣлался потому, что уплатилъ прежнему собственнику земельнаго участка капиталъ, проценты съ котораго равняются рентѣ. Поземельную ренту онъ платитъ во всякомъ случаѣ и такъ или иначе эта рента уменьшаетъ его прибыль.

Монопольный характеръ земельной собственности все обостряется по мѣрѣ того, какъ растетъ спросъ на землю, вмѣстѣ съ ростомъ народонаселенія и увеличивающейся по мѣрѣ развитія капиталистическаго способа производства потребностью класса капиталистовъ въ землѣ. Соразмѣрно со всѣмъ этимъ увеличивается и *поземельная рента*, т. е. *общая сумма* поземельной ренты, уплачиваемая въ капиталистическихъ обществахъ. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы рента съ каждаго участка земли непремѣнно повышалась. Излагать теорію ренты мы здѣсь, конечно, не можемъ, замѣтимъ только, что при прочихъ равныхъ условіяхъ, участокъ земли даетъ тѣмъ болѣе ренты, чѣмъ онъ плодороднѣе и чѣмъ благопріятнѣе его положеніе (чѣмъ ближе къ рынку напр.). Привлеченіе къ обработкѣ новыхъ плодородныхъ земель можетъ, слѣдовательно, понизить ренту съ старыхъ, уже истощенныхъ, но тѣмъ сильнѣе начнетъ она расти съ этихъ новыхъ земель. Понизить ренту съ земель, лежащихъ ближе къ рынкамъ въ пользу болѣе отдаленныхъ участковъ, можетъ также усовершенствованіе средствъ сообщенія. Въ послѣдніе два десятилѣтія случилось и то и другое. Рента въ Америкѣ возросла и — поскольку этому не противодѣйствовали ввозныя пошлины на хлѣбъ — возросла она на счетъ европейской ренты. Но это относится только къ землямъ, подвергающимъ сельскохозяйственной обработкѣ. Въ городахъ поземельная рента всюду быстро и непрерывно поднимается, такъ какъ капиталистическій способъ производства заставляетъ тѣсниться въ городахъ все большія массы населенія. Къ несчастію, отъ этого гораздо меньше страдаютъ барыши промышленныхъ капиталистовъ, чѣмъ физическое и умственное здоровье бѣднѣйшихъ слоевъ городского населенія. Квартирный вопросъ обнаруживаетъ предъ нами новый источникъ страданій пролетаріата, но здѣсь не мѣсто входить въ его разсмотрѣніе.

5. Налоги.

Если землевладѣлецъ прямо или косвенно — повышая напр. издержки по содержанію рабочихъ — все сильнѣе урѣзываетъ долю капиталистовъ въ прибавочной стоимости, то не менѣе энергично дѣйствуетъ въ томъ же направленіи и государство. Современное государство выросло вмѣстѣ съ классомъ капиталистовъ и при его посредствѣ и въ то же время оказалось сильнѣйшимъ орудіемъ для подъема этого класса. Они усердно помогали другъ другу. Классъ капиталистовъ не можетъ обойтись безъ государства, онъ нуждается въ его внутренней и внѣшней защитѣ.

Чѣмъ далѣе развивается капиталистическій способъ производства, тѣмъ рѣзче обостряются порождаемыя имъ противоположности и противорѣчія, тѣмъ запутаннѣе становится весь общественный механизмъ, тѣмъ

сильнѣе зависимость каждаго отъ всѣхъ другихъ и тѣмъ больше потребность въ авторитетѣ, который стоялъ бы надъ всѣми и заботился о томъ, чтобы каждый выполнялъ тѣ обязанности, которыя выросли для него изъ его экономическихъ функцій. Такой сложный и чувствительный способъ производства, какъ современный, капиталистическій, выноситъ гораздо менѣе, чѣмъ какой-либо изъ предшествующихъ, чтобы возникающіе споры и столкновенія интересовъ улаживались и разрѣшались собственными силами заинтересованныхъ сторонъ. Вмѣсто самопомощи выступаетъ *право*, охраняемое государствомъ.

Капиталистическая эксплуатація вовсе не является порожденіямъ какого-нибудь опредѣленнаго права. Ея потребности, наоборотъ, создали дѣйствующее теперь право и привели его къ господству. Право не порождаетъ эксплуатацію, а лишь заботится о томъ, чтобы, какъ эта эксплуатація, такъ и вся промышленная жизнь шла какъ можно глаже. Если конкурренцію можно разсматривать какъ двигательную силу современнаго способа производства, то право является тѣмъ масломъ, которымъ смазываются части промышленнаго механизма, чтобы ихъ треніе чувствовалось какъ можно меньше. Чѣмъ сильнѣе становится это треніе, чѣмъ рѣзче, съ одной строны, противорѣчіе между эксплуататорами и эксплуатируемыми, имущими и неимущими, чѣмъ многочисленнѣе въ особенности становится пролетаріатъ оборванцевъ; чѣмъ больше, съ другой стороны, среди класса капиталистовъ каждый отдѣльный предприниматель нуждается въ быстромъ содѣйствіи цѣлой массы другихъ предпринимателей — тѣмъ сильнѣе чувствуется потребность въ цѣлесообразномъ правѣ, тѣмъ обширнѣе дѣятельность его органовъ — юстиціи и полиціи, тѣмъ необходимѣе сильная государственная власть, подкрѣпляющая право.

Но для капиталистовъ дѣло идетъ не о томъ только, чтобы производить и торговать безъ помѣхъ внутри собственной страны. Внѣшняя торговля играетъ съ самаго начала огромную роль въ капиталистическомъ производствѣ и чѣмъ больше приближается оно къ господству, тѣмъ очевиднѣе, что закрѣпленіе и расширеніе внѣшнихъ рынковъ составляетъ жизненный вопросъ для цѣлой націи. Но на всемірномъ рынкѣ капиталисты одной страны встрѣчаютъ конкуррентовъ, принадлежащихъ къ другимъ націямъ. Противъ нихъ они призываютъ государство, которое должно заставить уважать ихъ право или — еще того лучше — прогнать прочь чужестранныхъ конкуррентовъ. Такъ какъ государство и монархи попадаютъ все въ большую зависимость отъ класса капиталистовъ, то и войска служатъ уже не столько личнымъ цѣлямъ монарховъ, сколько цѣлямъ класса капиталистовъ. Изъ династическихъ — войны все болѣе становятся *торговыми* и, наконецъ, *національными*, которыя въ послѣднемъ счетѣ также приходится свести къ противоположности экономическихъ интересовъ между капиталистическими классами отдѣльныхъ націй.

Поэтому капиталистическое государство нуждается не только въ многочисленной арміи чиновниковъ вѣдомствъ юстиціи и полиціи (а также, разумѣется, и финансовъ), но и въ многочисленной военной арміи. Обѣ эти арміи капиталистическаго государства безпрерывно ростутъ, но въ новѣйшее время военная армія ростетъ быстрѣе чиновничьей.

Пока наука не овладѣла промышленной техникой, лишь медленно измѣнялась и военная техника. Но какъ только машины достигли господства въ промышленности, вызывая въ ней безпрерывные перевороты, былое постоянство покинуло также и военныя машины. Каждый день приноситъ изобрѣтенія и открытія, которыя — едва испробованныя и введенныя съ громадными издержками — уже вытѣсняются новыми изобрѣтеніями. И все громаднѣе, сложнѣе и дороже становятся эти военныя машины. Въ то же время прогрессъ средствъ сообщенія позволяетъ быстро доставлять на театръ войны все большія массы войскъ и арміи становятся поэтому все многочисленнѣе.

Подъ дѣйствіемъ этихъ условій въ послѣдніе 20 лѣтъ военные расходы (къ которымъ въ большинствѣ случаевъ приходится причислять и государственный долгъ) растутъ съ головокружительной быстротою.

Государство обходится все дороже, налагаемыя имъ тягости становятся все обременительнѣе. Капиталисты и крупные землевладѣльцы стараются, конечно, гдѣ и поскольку законодательная власть находится въ ихъ рукахъ, сбросить съ себя эту тяжесть на плечи другихъ классовъ. Но получки съ этихъ другихъ все уменьшаются, поэтому несмотря на всѣ ухищренія господъ эксплуататоровъ ихъ прибавочная цѣнность все болѣе обрѣзывается въ пользу государства.

6. Паденіе прибыли.

Въ теченіе всего описаннаго нами процесса развитія, общая масса капитала, вкладываемаго классомъ капиталистовъ въ различныя предпріятія съ цѣлью „промыслить“ себѣ прибыль, имѣетъ тенденцію рости быстрѣе эксплуатаціи рабочаго класса, быстрѣе массы создаваемой этимъ классомъ прибавочной цѣнности.

Мы не можемъ изслѣдовать здѣсь основныя причины этого явленія, пониманіе которыхъ предполагаетъ значительныя познанія, но постараемся пояснить дѣло на примѣрѣ.

Возьмемъ для этого рѣзко бросающійся въ глаза случай. Сравнимъ ручного прядильщика въ домашней промышленности, котораго сто лѣтъ тому назадъ эксплуатировалъ капиталистъ того времени, съ современнымъ прядильщикомъ, работающимъ на фабрикѣ. Какая масса капитала нужна для того, чтобы могъ работать этотъ послѣдній и какъ мало нужно было его во времена ручной пряжи. Капиталистъ того времени платилъ прядильщику заработную плату и давалъ ему матеріалъ: хлопокъ или ленъ. Что касается заработной платы, то въ этомъ отношеніи большихъ перемѣнъ не произошло, но сырого матеріала рабочій при современной механической пряжѣ потребляетъ вѣроятно во 100 разъ больше, чѣмъ при ручной; а какія громадныя постройки, паровыя и прядильныя машины и проч. нужны для того, чтобы пустить въ ходъ механическую прядильню!

Остановимся еще на одномъ обстоятельствѣ: сто лѣтъ тому назадъ, капиталистъ, нанимавшій прядильщика, дѣлалъ затраты только на заработную плату и сырой матеріалъ; объ основномъ капиталѣ почти не было рѣчи, такъ какъ прялка въ разсчетъ на шла. Его капиталъ оборачивался быстро, скажемъ, въ четверть года; ему нужно было поэтому имѣть лишь *четверть* того капитала, который онъ употреблялъ въ теченіе года. Капиталъ, вложенный въ машины и зданія современной механической прядильни, сравнительно громаденъ. Допустимъ, что время обращенія той части капитала, которая идетъ на заработную плату и сырой матеріалъ, осталось прежнимъ, за то оборотъ другой части капитала, почти несуществовавшей сто лѣтъ тому назадъ, очень продолжителенъ.

Рядъ причинъ дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи: напримѣръ кредитъ и въ особенности паденіе стоимости продуктовъ какъ необходимое слѣдствіе повышенія производительности труда. Но эти причины не могутъ остановить указаннаго развитія.

Оно совершается во всѣхъ отрасляхъ промышленности — въ однихъ быстрѣе, въ другихъ медленнѣе, но въ общемъ — годовая сумма вложеннаго въ промышленность капитала, приходящаяся въ среднемъ счетѣ на каждаго занятаго въ ней рабочаго, быстро и значительно возростаетъ.

Допустимъ, что сто лѣтъ тому назадъ эта сумма равнялась 100 маркамъ, а теперь доросла до 1000 марокъ; допустимъ далѣе, что степень эксплуатаціи рабочаго возросла въ пять разъ; если 100 лѣтъ тому назадъ сумма ежегодно создаваемой имъ прибавочной стоимости равнялась 50 маркамъ, то теперь, при той же заработной платѣ, она равняется 250 маркамъ. Въ такомъ случаѣ масса прибавочной стоимости, взятая безотносительно (абсолютно) чрезвычайно возросла, но *по отношенію* къ затрачиваемому предпринимателемъ ежегодно *капиталу* она *пала;* сто лѣтъ тому назадъ это отношеніе равнялось 50%, теперь 25%. Это, конечно, лишь примѣръ, но тенденція, которую онъ иллюстрируетъ существуетъ въ дѣйствительности.

Общее количество прибавочной стоимости ежегодно производимое въ капиталистической странѣ постоянно и быстро растетъ, но еще быстрѣе ростетъ общая сумма капитала, вкладываемаго классомъ капиталистовъ въ различныя предпріятія, между которыми распредѣляется прибавочная стоимость. Если мы кромѣ того припомнимъ вышеупомянутыя ежегодныя урѣзки, производимыя въ прибавочной стоимости государственными налогами, то легко поймемъ, что годовая сумма прибавочной стоимости, приходящаяся въ среднемъ на *опредѣленную гуммy капитала*, *падаетъ*, несмотря на то, что *эксплуатація рабочихъ возростаетъ*.

Слѣдовательно, прибыль, то есть та часть прибавочной стоимости, которая достается предпринимателю, выказываетъ тенденцію понижаться по отношенію къ общей суммѣ затраченнаго имъ капитала; или, выражаясь иначе: съ развитіемъ капиталистическаго производства, прибыль, приносимая опредѣленною суммой капитала, постоянно уменьшается. Это имѣетъ, разумѣется, значеніе лишь какъ средній выводъ изъ данныхъ, взятыхъ за болѣе или менѣе значительный періодъ. Однимъ изъ признаковъ паденія прибыли является постоянное пониженіе процента.

Итакъ, *эксплуатація рабочихъ имѣетъ тенденцію возростать и въ тоже время уровень прибыли капиталистовъ имѣетъ тенденцію падать.* Это одно изъ поразительнѣйшихъ противорѣчій богатаго противорѣчіями капиталистическаго способа производства.

Изъ этого паденія прибыли нѣкоторые выводили заключеніе, что капиталистическая эксплуатація когда нибудь окончится сама собою. Капиталъ будетъ приносить въ концѣ концовъ такъ мало прибыли, что голодные капиталисты начнутъ искать работы. Но это ожиданіе имѣло бы какой нибудь смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы общая сумма капиталовъ, при постоянно понижающемся уровнѣ прибыли, оставалась неизмѣнной. Но въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Общая масса капиталовъ растетъ въ капиталистическихъ странахъ быстрѣе, чѣмъ падаетъ уровень прибыли. Именно этотъ то ростъ массы капиталовъ и является однимъ изъ необходимыхъ условій паденія уровня прибыли. Капиталистъ же, получавшій на свой капиталъ 5%, потомъ 4% и наконецъ только 3%, ничуть не обѣднѣлъ, если за этотъ же промежутокъ времени его капиталъ возросъ съ однаго милліона до двухъ, а затѣмъ до четырехъ.

Паденіе уровня прибыли и, слѣдовательно, процента ничуть не обозначаетъ уменьшенія дохода класса капиталистовъ, такъ какъ масса достающейся ему прибавочной стоимости постоянно возростаетъ. Оно уменьшаетъ доходы только тѣхъ капиталистовъ, которые не въ состояніи увеличивать соотвѣтствующимъ образомъ свой капиталъ. Съ ходомъ экономическаго развитія постоянно повышается та граница, съ которой капиталъ начинаетъ давать своему владѣльцу „приличное его званію“ содержаніе. Минимумъ, необходимый для того, чтобы не работая самому, жить трудомъ другихъ все увеличивается. То, что пятьдесять лѣтъ тому назадъ считалось еще довольно приличнымъ имуществомъ, стало теперь сущими пустяками.

Паденіе прибыли и процента ведетъ не къ гибели класса капиталистовъ, а лишь къ его *съуженію*. Каждый годъ исключаются изъ него мелкіе капиталисты, обреченные вести ту же отчаянную борьбу, которую ведутъ ремесленники, мелкіе торговцы и мелкіе крестьяне. Эта борьба можетъ быть длиннѣе или короче, но заканчивается она для нихъ самихъ или для ихъ дѣтей неизбѣжнымъ паденіемъ въ ряды пролетаріата. И всѣ попытки избѣжать своей участи лишь ускоряютъ разореніе.

Удивляются, какъ много находится глупцовъ, довѣряющихъ свои деньги всякому шарлатану, лишь бы онъ пообѣщалъ имъ высокіе проценты. Но люди въ большинствѣ случаевъ вовсе не такъ глупы, какъ это кажется; шарлатанское предпріятіе является послѣдней соломинкой, за которую они хватаются, чтобы имѣть доходъ со своего маленькаго капитала. Ихъ ослѣпляетъ не столько жадность, сколько страхъ предъ нуждою.

7. Ростъ крупнаго производства. Картели.

Рядомъ съ борьбой между ремеслами и крупной капиталистической промышленностью свирѣпствуетъ борьба между крупнѣйшими и болѣе мелкими капиталистическими предпріятіями. Каждое мгновеніе приноситъ новыя изобрѣтенія, новыя открытія, примѣненіе которыхъ значительно повышаетъ производительность труда. Каждый шагъ впередъ болѣе или менѣе обезцѣниваетъ старыя средства производства и выдвигаетъ необходимость нововведеній, а часто также и расширенія производства. У кого не хватаетъ для этого капитала, тотъ раньше или позже не выдержитъ конкурренціи и разорится или будетъ вынужденъ перенести свои капиталы въ такую отрасль промышленности, въ которой мелкое производство еще выдерживаетъ конкурренцію. Такимъ образомъ конкурренція внутри крупной промышленности содѣйствуетъ переполненію мелкой и дѣйствуетъ гибельнымъ образомъ на ремесло даже въ тѣхъ немногихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ оно еще остается до извѣстной степени жизнеспособнымъ.

Размѣры крупныхъ капиталистическихъ предпріятій все увеличиваются. Крупныя фабрики и заводы, располагавшіе сотнями рабочихъ рукъ, превращаются въ гигантовъ, занимающихъ тысячи рабочихъ (прядильни, пивоварни, сахарные, желѣзные заводы и проч.),

Въ 1895 году въ Германіи было 296 гигантскихъ предпріятій, имѣвшихъ болѣе 1000 рабочихъ. Въ среднемъ на каждое приходилось 1900 рабочихъ при машинахъ въ 2250 лошадиныхъ силъ. *Почти пятая часть* всего промышленнаго производства по даннымъ нѣмецкой государственной статистики (Reichsstatistik, Neue Folge, Bd. 119) приходится на долю этихъ 296 предпріятій, а половина производится въ предпріятіяхъ, занимающихъ больше 100 рабочихъ, тогда какъ предпріятія съ 20 и меньше рабочими производятъ лишь около одной четверти продуктовъ. 296 крупнѣйшихъ предпріятій съ своими 562 628 рабочими обладаютъ большей производительной силой, чѣмъ 2 855 802 мелкихъ предпріятій (съ 5 и меньше рабочихъ) съ своими 4 661 787 рабочими. Если принять лошадиную силу за равную 24 человѣческимъ рабочимъ силамъ, то 296 крупнѣйшихъ предпріятій располагаютъ 16 599 000 рабочими силами, а 2 856 000 мелкихъ предпріятій лишь 14 068 000 рабочихъ силъ.

Но это не все. Экономическое развитіе ведетъ къ тому, что все большее число отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій сосредоточивается *въ однѣхъ рукахъ* — посредствомъ-ли перехода въ собственность одного капиталиста или компаніи капиталистовъ, представляющихъ въ промышленномъ отношеніи одно цѣлое (одно юридическое лицо).

Къ этому ведетъ много путей.

Одинъ изъ нихъ прокладывается стремленіемъ капиталистовъ стать внѣ конкурренціи. Мы видѣли, что конкурренція является движущей силой при современномъ способѣ производства. Это главная движущая сила всего товарнаго производства и обращенія. Но какъ ни необходима конкурренція для товарнаго производства цѣлаго общества, каждый отдѣльный товаропроизводитель ничего такъ не желаетъ, какъ увидѣть свой собственный товаръ появляющимся на рынкѣ безъ конкурренціи. Если бы онъ оказался единственнымъ владѣльцемъ товара, на который есть спросъ, если бы онъ имѣлъ *монополію* этого товара, онъ могъ бы поднять его цѣну далеко выше стоимости, могъ бы поставить покупщиковъ, нуждающихся въ его товарѣ въ полнѣйшую отъ себя зависимость. Если на рынкѣ имѣется нѣсколько продавцевъ одного и того же товара, они могутъ создать монополію искусственно и сговорившись между собою явиться предъ покупателями въ качествѣ единственнаго продавца. Понятное дѣло, что такіе союзы: *картели*, тресты, синдикаты и проч. образуются тѣмъ легче, чѣмъ меньше число конкуррентовъ, противорѣчивые интересы которыхъ надо объединить.

Поскольку капиталистическій способъ производства расширяетъ рынокъ и увеличиваетъ число конкуррентовъ, онъ затрудняетъ образованіе

монополіи, какъ въ торговлѣ, такъ и въ промышленности. Но для каждой отрасли промышленности рано или поздно наступаетъ моментъ, когда дальнѣйшее ея развитіе ведетъ къ уменьшенію числа предпріятій. Съ этого времени она начинаетъ постепенно созрѣвать для картелей. Моментъ зрѣлости можетъ быть ускоренъ въ каждой данной странѣ покровительственными пошлинами, охраняющими ея внутренній рынокъ отъ иностранной конкурренціи. Такое уменьшеніе числа конкуррентовъ облегчаетъ сговоръ туземныхъ производителей и даетъ имъ возможность создать монополію, чтобы подъ „охраной національнаго труда“ обдирать безъ помѣхи національныхъ потребителей.

За послѣднія десятилѣтія число картелей, регулирующихъ производство и цѣны тѣхъ или другихъ товаровъ, чрезвычайно умножилось въ странахъ съ покровительственной системой: въ Соединенныхъ Штатахъ, Франціи и Германіи. Гдѣ дѣло доходитъ до картели, тамъ отдѣльныя предпріятія фактически становятся *однимъ* предпріятіемъ съ *однимъ* управленіемъ, очень часто они и формально подчиняются одной общей дирекціи. Картели развиваются прежде всего въ производствѣ самыхъ важныхъ и необходимыхъ для промышленности товаровъ: угля и желѣза. Большинство картелей простираютъ свое вліяніе далеко за предѣлы монополизированныхъ ими отраслей промышленности, при ихъ посредствѣ нѣсколько монополистовъ начинаютъ вліять на все производство.

Одновременно со стремленіемъ объединять всѣ предпріятія, принадлежащія къ одной и той же отрасли промышленности, развивается также и стремленіе соединять воедино отдѣльныя предпріятія, принадлежащія къ различнымъ отраслямъ промышленности, изъ которыхъ однѣ доставляютъ сырой матеріалъ или орудія производства для другихъ. Многія желѣзнодорожныя общества владѣютъ собственными угольными копями и сами строятъ свои локомотивы; сахарные заводы сами выращиваютъ часть обрабатываемой имъ свекловицы; владѣлецъ картофельныхъ полей открываетъ собственный винокуренный заводъ и т. д.

Есть и третій самый простой путь для соединенія нѣсколькихъ предпріятій въ однѣхъ рукахъ.

Мы видѣли, что при современномъ способѣ производства на долю капиталиста выпала очень важную роль. Являясь вполнѣ лишнимъ при другомъ хозяйственномъ строѣ, капиталистъ совершенно необходимъ при господствѣ частной собственности и товарнаго производства. Для того, чтобы продукты производились и достигали до потребителей, необходимо цѣлесообразное вмѣшательства капитала, а слѣдовательно и его владѣльца. Хотя капиталистъ ничего не производитъ и никакихъ стоимостей не создаетъ, онъ играетъ тѣмъ не менѣе важную роль въ промышленной жизни.

Чѣмъ крупнѣе, однако, становится капиталистическое предпріятіе, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ капиталистъ необходимость сложить съ себя часть своихъ ростущихъ дѣлъ или на другія капиталистическія предпріятія или на наемныхъ служащихъ. Для экономической жизни страны, разумѣется, безразлично, будутъ ли эти функціи исполняться капиталистомъ или наемнымъ служащимъ, создавать стоимостей онѣ все равно не будутъ. Капиталистъ вынужденъ поэтому оплачивать ихъ изъ своей прибавочной стоимости и тѣмъ дѣлать въ ней новыя уменьшающія прибыль урѣзки. Самъ же капиталистъ заноситъ, разумѣется, свои расходы на директоровъ, управляющихъ и проч. въ издержки производства подъ рубрику *заработной платы*.

Если ростъ предпріятія заставляетъ капиталиста замѣщать себя наемными служащими, то ростъ прибавочной стоимости облегчаетъ ему связанные съ этимъ расходы. Чѣмъ больше доходъ, тѣмъ больше трудовъ слагаетъ съ себя капиталистъ, оставляя за собою единственную заботу о выгодномъ помѣщеніи той части прибыли, которую не можетъ потребить.

Число предпріятій, достигшихъ такого положенія, ростетъ съ каждымъ годомъ. Это, какъ нельзя яснѣе, доказывается ростомъ акціонерныхъ компаній, въ которыхъ личность капиталиста въ современномъ обществѣ

не играетъ ровно никакой роли, а важенъ лишь его капиталъ. Въ Англіи, въ 1845 г. число зарегистрированныхъ акціонерныхъ компаній равнялось 57, въ 1862 г. — 1815-ти, въ 1888 г. оно уже возросло до 11,001 съ акціонернымъ капиталомъ свыше 12000 милліоновъ марокъ, въ 1896 году число акціонерныхъ обществъ достигло 21,223 съ капиталомъ въ 23000 милліоновъ марокъ. Въ акціонерныхъ компаніяхъ нѣкоторые хотѣли видѣть средство доставить „мелкому люду“ участіе въ выгодахъ крупнаго производства. Но также точно какъ и кредитъ, особую форму котораго представляютъ акціонерныя компаніи, эти послѣднія служатъ скорѣе средствомъ привлеченія имущества мелкаго люда на службу капитализму.

Разъ личность капиталиста потеряла всякое значеніе для хода предпріятія, ему нѣтъ уже надобности знать толкъ въ той или иной отрасли производства, и совершенно достаточно имѣть капиталъ. Изъ этого для отдѣльныхъ капиталистовъ возникаетъ возможность овладѣвать самыми различными предпріятіями, не имѣющими между собою ничего общаго. Всего легче можетъ крупный капиталистъ овладѣть акціонерной кампаніей. Чтобы поставить ее въ зависимость отъ себя и заставить служить своимъ интересамъ, достаточно пріобрѣсти значительную часть ея акцій, которыя такъ же быстро покупаются, какъ и продаются.

Замѣтимъ, наконецъ, что крупные капиталы возростаютъ вообще быстрѣе, чѣмъ мелкіе. Чѣмъ крупнѣе капиталъ, тѣмъ большую (при прочихъ равныхъ условіяхъ) массу прибыли, а, слѣдовательно, и дохода приноситъ онъ своему владѣльцу, тѣмъ въ меньшей долѣ этого дохода нуждается капиталистъ для своего потребленія, и тѣмъ большую долю можетъ онъ откладывать (копить), чтобы присоединить къ капиталу. Если капиталистъ имѣетъ 10000 марокъ годоваго дохода, то по капиталистическимъ понятіямъ этого едва достаточно для скромнаго существованія. Онъ можетъ себя поздравить, если ему удастся откладывать ежегодно по 2000 марокъ, т. е. *пятую* часть своей прибыли. Капиталистъ, получающій 100000 марокъ дохода можетъ откладывать *три пятыхъ*, проживая въ пятеро больше перваго. Если же капиталистъ владѣетъ капиталомъ, приносящимъ милліонъ ежегоднаго дохода, то при нормальныхъ условіяхъ, онъ едва ли сможетъ истратить болѣе $^1/_{10}$ этого дохода и не затруднится отдавать накопленію *девять десятыхъ*.

Въ то же время, какъ борьба за существованіе становится все труднѣе для мелкихъ капиталистовъ, крупныя состоянія ростутъ все быстрѣе и въ самое короткое время становятся колоссальными.

Сопоставимъ всѣ эти явленія: увеличеніе размѣровъ предпріятій, быстрый ростъ крупныхъ состояній, уменьшеніе числа предпріятій и усиленная концентрація ихъ въ однѣхъ рукахъ — изъ совокупности всего этого становится очевидной тенденція капиталистическаго способа производства къ соединенію средствъ производства, ставшихъ монополіей класса капиталистовъ, все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ. Это развитіе въ концѣ концовъ ведетъ къ тому, что всѣ средства производства націи или даже цѣлаго міра, сдѣлаются частной собственностью одного лица или одной акціонерной компаніи, которая и будетъ всѣмъ распоряжаться по произволу; весь промышленный механизмъ превратится въ чудовищное предпріятіе, въ которомъ все принадлежитъ одному господину, все существуетъ лишь къ его услугамъ. Если бы частная собственность на средства производства могла продолжать безпрепятственно развиваться въ томъ же направленіи, она привела бы въ капиталистическомъ обществѣ къ утратѣ собственности всѣми, за исключеніемъ одного. Она ведетъ, слѣдовательно, къ своему собственному уничтоженію, къ общей пролетаризаціи и общему рабству. Но тѣмъ самымъ капиталистическое развитіе товарнаго производства подрываетъ свою собственную основу. Эксплуатація теряетъ смыслъ, когда эксплуататоръ не находитъ другихъ покупателей для своихъ товаровъ, кромѣ лицъ, имъ же эксплуатируемыхъ. Разъ наемные рабочіе останутся единственными потребителями, то продукты, въ которыхъ воплощается прибавочная цѣнность, не

найдутъ покупателей и такимъ образомъ сама прибавочная цѣнность перестанетъ обладать цѣнностью.

Въ дѣйствительности обрисованное здѣсь положеніе также невозможно, какъ и чудовищно. До этого дѣло никогда не дойдетъ и дойти не можетъ, потому что уже приближеніе къ такому состоянію должно увеличить страданія и противорѣчія въ обществѣ до такой степени, что они станутъ невыносимы, произойдетъ катастрофа, разрывающая всѣ общественныя связи, если уже раньше развитію не будетъ дано другого направленія. Но хотя въ дѣйствительности такое положеніе вещей, во всей его полнотѣ, недостижимо, мы тѣмъ не менѣе идемъ ему навстрѣчу и подвигаемся въ этомъ направленіи гораздо быстрѣе, чѣмъ это кажется большинству. Въ то время, какъ съ одной стороны продолжается концентрація отдѣльныхъ капиталистичекихъ предпріятій въ немногихъ рукахъ, съ другой стороны, съ дальнѣйшимъ развитіемъ раздѣленія труда растетъ, какъ мы видѣли, взаимная зависимость самостоятельныхъ на видъ производствъ. И эта взаимная зависимость все больше становится односторонней зависимостью мелкихъ капиталистовъ отъ крупныхъ. Подобно тому, какъ повидимому, самостоятельные рабочіе домашней промышленности, являются въ дѣйствительности лишь наемными рабочими капиталистовъ, такъ и многіе на видъ самостоятельные капиталисты находятся тоже во власти другихъ капиталистовъ, а кажущіяся самостоятельными промышленныя заведенія, являются на дѣлѣ лишь филіальными отдѣленіями одного громаднаго капиталистическаго предпріятія. И эта зависимость мелкихъ капиталистовъ отъ крупныхъ ростетъ, вѣроятно, еще быстрѣе, чѣмъ объединеніе различныхъ производствъ въ рукахъ немногихъ частныхъ собственниковъ. Весь экономическій механизмъ капиталистическихъ странъ уже теперь, въ конечномъ счетѣ, повинуется немногимъ гигантамъ капи тализма и ими эксплуатируется. Его явное объединеніе въ рукахъ нѣсколькихъ фирмъ измѣнило бы почти только одну форму дѣла.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ капиталистическое развитіе идетъ всего быстрѣе, мы уже находимъ кое что напоминающее „конечную цѣль“ капитализма. На порогѣ новаго столѣтія тамъ образовался стальной трестъ съ капиталомъ въ 4500 милліоновъ марокъ. Это предпріятіе монополизировало почти все производство стали въ Соединенныхъ Штатахъ. Его главными собственниками и владѣльцами являются *пять* человѣкъ: Рокфеллеръ, Морганъ, Вандербильдъ, Гульдъ и Гарриманъ. О размѣрахъ ихъ владѣній много говорится въ американской прессѣ: они владѣютъ большею частью каменно-угольныхъ районовъ Соединенныхъ Штатовъ, и всѣми желѣзными дорогами, ведущими въ эти районы, а слѣдовательно господствуютъ также и надъ тѣми каменноугольными копями, которыя не составляютъ ихъ прямой собственности. Имъ же принадлежитъ и большая часть области, доставляющей желѣзную руду, а затѣмъ и всѣ громадныя учрежденія для ея обработки, для производства желѣза, стали и тѣхъ продуктовъ, которые изготовляются изъ этихъ металловъ. Всѣ мелкіе желѣзодѣлательные заводы должны у нихъ брать свой сырой матеріалъ. Они обладаютъ достаточнымъ количествомъ желѣзныхъ путей и капаловъ, чтобы развозить свой уголь и руду по своимъ заводамъ. Имъ же принадлежитъ цѣлая сѣть большихъ линій желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ всѣ главныя гавани Атлантическаго океана и Мексиканскаго залива съ гаванями Тихаго океана, причемъ изъ трехъ линій, идущихъ отъ Мисиссипи къ Тихому океану, двѣ принадлежатъ имъ, а также цѣлый флотъ большихъ океанскихъ пароходовъ. Они же монополизировали весь керосинъ. Имъ принадлежитъ значительная часть золотыхъ, серебрянныхъ, мѣдныхъ и свинцовыхъ копей и средства передвиженія и освѣщенія многихъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ, а также — прибавляетъ газета „Народъ“ („The Peuple“), у которой мы заимствуемъ эти данныя — имъ же принадлежитъ — одному небу въ точности извѣстное количество — законодателей и муниципальныхъ совѣтниковъ. Во всякомъ случаѣ у гигантскаго треста законодателей и совѣтниковъ вполнѣ достаточно для

наивыгоднѣйшей эксплуатаціи и безпрерывнаго расширенія всѣхъ этихъ владѣній.

Растетъ экономическая зависимость всей массы населенія отъ класса капиталистовъ, и въ то-же время внутри этого класса растетъ зависимость его большинства отъ немногихъ, число которыхъ уменьшается, власть же и богатство безпрерывно увеличиваются. Но эта зависимость большинства капиталистовъ ни мало не увеличиваетъ ихъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ; наоборотъ, и для нихъ также, какъ для пролетаріевъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и крестьянъ, вмѣстѣ съ зависимостью растетъ и необезпеченность положенія. Всего сильнѣе растетъ она, конечно, для самыхъ мелкихъ капиталистовъ, но прочнаго обезпеченія не даетъ въ настоящее время и самый крупный капиталъ.

Мы уже коснулись нѣкоторыхъ причинъ увеличивающейся непрочности капиталистическихъ предпріятій: чрезвычайная чувствительность всего хозяйственнаго механизма ко всякимъ внѣшнимъ пертурбаціямъ все повышается; между тѣмъ капиталистическій способъ производства, обостряя противоположность интересовъ между различными классами и націями, заставляетъ эти послѣднія противопоставлять другъ другу все болѣе многочисленныя и лучше вооруженныя массы войскъ, и всѣмъ этимъ умножаетъ, какъ поводы къ вооруженнымъ столкновеніямъ, такъ и ихъ опустошительность. Затѣмъ растущая производительность труда умножаетъ не только прибавочную стоимость, но также и массы товаровъ, которыя капиталисты должны сбывать на рынкахъ. Вмѣстѣ съ эксплуатаціей растетъ также конкурренція, ожесточенная борьба всѣхъ предпринимателей со всѣми предпринимателями. И рука объ руку съ этимъ идутъ безпрерывные перевороты въ техникѣ, безпрестанныя изобрѣтенія и открытія, обезцѣнивающіе, дѣлающіе совершенно излишними не только отдѣльныхъ рабочихъ и нѣкоторыя машины, а цѣлыя производства, цѣлыя отрасли промышленности.

Ни одинъ капиталистъ не можетъ съ увѣренностью расчитывать на прочное будущее, ни одинъ не знаетъ съ точностью, будетъ ли онъ въ состояніи удержать и передать своимъ дѣтямъ то, что пріобрѣлъ.

Самый классъ капиталистовъ все болѣе распадается на два слоя. Одинъ изъ нихъ численно увеличивающійся, сталъ для экономической жизни страны совершенно излишнимъ; ему остается только прокучивать свою прибавочную стоимость, поскольку онъ не предпочитаетъ ее прикапливать. Если читатель припомнитъ сказанное въ предъидущей главѣ о положеніи образованныхъ людей въ современномъ обществѣ, то онъ не удивится тому обстоятельству, что огромное большинство богачей разбрасываетъ свои деньги лишь на грубыя и безсмысленныя удовольствія. Другой слой капиталистовъ, продолжающихъ лично руководить своими предпріятіями, постоянно уменьшается, отвѣтственность же ихъ положенія, требующаго напряженныхъ заботъ, все увеличивается. Если одинъ слой капиталистовъ вырождается отъ праздnаго безпутства, то другой разрывается въ безустанной борьбѣ съ конкуррентами.

Для обоихъ слоевъ непрочность положенія возростаетъ. Такимъ образомъ современный способъ производства не даетъ полнаго удовлетворенія даже эксплуататорамъ, даже тѣмъ, кто монополизировалъ въ свою исключительную пользу всѣ его громадныя преимущества.

8. Промышленные кризисы.

Какъ ни велика общая необезпеченность положенія при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, она громадно повышается при кризисахъ, неизбѣжно вызываемыхъ время отъ времени товарнымъ производствомъ, достигшимъ извѣстной ступени развитія.

Значеніе кризисовъ для всей нашей экономической жизни такъ велико, а сбивчивость понятій объ ихъ причинахъ распространена такъ широко, что мы позволяемъ себѣ разсмотрѣть ихъ подробнѣе.

Крупные современные кризисы, потрясающіе всемірный рынокъ, являются слѣдствіемъ перепроизводства, которое въ свою очередь вытекаетъ изъ неизбѣжнаго при товарномъ производствѣ *отсутствія планомѣрности.*

Перепроизводство въ томъ смыслѣ, что продуктовъ оказывается больше, чѣмъ нужно, можетъ случиться при всякомъ способѣ производства. Но само собою понятно, что это не можетъ принести никакого вреда при производствѣ для собственнаго потребленія. Если, напримѣръ, первобытная крестьянская семья соберетъ больше зерна, чѣмъ ей требуется, она прибережетъ его на случай неурожая, или, если ея закрома и безъ того полны, скормитъ излишекъ скоту, въ худшемъ случаѣ оставитъ его неубраннымъ, но и только.

Другое дѣло при товарномъ производствѣ. Это послѣднее (въ своей развитой формѣ) предполагаетъ, что никто не производитъ для себя и всѣ для другихъ. Каждый долженъ покупать все, что ему нужно. Но все производство не распредѣлено планомѣрно между производителями, каждому предоставлено, наоборотъ, самому догадоваться о размѣрахъ потребности въ томъ товарѣ, который онъ производитъ. Съ другой стороны, при товарномъ производствѣ, переросшемъ низшую стадію мѣноваго торга, никто, кромѣ производителей товара-денегъ (благородныхъ металловъ), не можетъ купить чужого товара прежде, чѣмъ продастъ свой. Изъ этихъ двухъ корней выростаютъ *кризисы.*

Возьмемъ для наглядности простѣйшій случай. На одномъ рынкѣ встрѣчаются между собою: владѣлецъ денегъ — золотопромышленникъ — имѣющій двадцать марокъ, производитель вина, привезшій боченокъ своего товара, ткачъ, продающій кусокъ полотна, и мельникъ съ мѣшкомъ муки. Чтобы не усложнять примѣра, предположимъ, что всѣ эти предметы стоятъ также по 20 марокъ — результатъ отъ этого не измѣнится — и что кромѣ этихъ четырехъ товаровладѣльцевъ на рынкѣ никого нѣтъ. Предположимъ далѣе, что каждый изъ нихъ вѣрно угадалъ потребность другого: винодѣлъ продалъ свой боченокъ золотопромышленнику и на полученные за него 20 марокъ купилъ у ткача полотно, а ткачъ употребилъ свою выручку на покупку мѣшка муки. Всѣ очень довольны.

Черезъ годъ они снова встрѣчаются на рынкѣ, причемъ каждый разсчитываетъ на тотъ же сбытъ, какъ и въ прошломъ году. Владѣлецъ денегъ дѣйствительно оправдываетъ ожиданія винодѣла, но винодѣлъ къ несчастію не нуждается въ полотнѣ или, быть можетъ, такъ сильно нуждается въ деньгахъ на уплату долговъ, что вынужденъ ходить въ рваныхъ рубашкахъ. Онъ уноситъ съ рынка свои 20 марокъ, и ткачъ напрасно ожидаетъ покупателя. Но разъ нѣтъ покупателя у ткача, нѣтъ его и у мельника. Семья ткача, правда, очень голодна, и ему очень хотѣлось бы купить муки, но онъ произвелъ излишнее полотно, на которое нѣтъ спроса, излишнимъ поэтому становится и мѣшокъ муки. Ни у ткача, ни у мельника нѣтъ денегъ, чтобы купить то, въ чемъ они нуждаются, поэтому въ ихъ производствѣ оказалось перепроизводство, также точно, какъ и въ производствѣ тѣхъ, кто для нихъ работаетъ, — у столяра, напр., который напрасно ждетъ теперь мельника, чтобы продать ему сдѣланный столъ.

Существеннѣйшія явленія промышленнаго кризиса уже заключаются въ этомъ примѣрѣ. Конечно, въ дѣйствительности при такихъ простыхъ отношеніяхъ кризисовъ не бываетъ. Въ самомъ началѣ товарнаго производства, каждый производитъ еще болѣе или менѣе для собственнаго потребленія. Для каждой семьи производство товара составляетъ лишь часть ея общаго производства. Нашъ ткачъ и мельникъ имѣютъ каждый по клочку земли и немного скота, они могутъ спокойно подождать, пока на ихъ товаръ найдется покупатель, и при нуждѣ могутъ прожить и безъ него.

Знать свой небольшой рынокъ въ началѣ товарнаго производства совсѣмъ не трудно: производство и потребленіе, какъ и вся общественная жизнь того времени изъ года въ годъ почти не измѣняется. Въ небольшихъ общественныхъ союзахъ былыхъ временъ люди знали другъ друга,

знали какъ потребности, такъ и покупательную силу своихъ сосѣдей. Экономическій механизмъ общества оставался однимъ и тѣмъ же, число производителей, производительность ихъ труда, количество продуктовъ, число потребителей, размѣръ ихъ спроса, денежныя средства, которыми они располагаютъ — все это измѣнялось лишь крайне медленно и всякое измѣненіе тотчасъ же замѣчалось и принималось во вниманіе.

Разросшееся товарное производство измѣнило все это. Подъ его вліяніемъ производство для собственнаго потребленія отступало все болѣе на задній планъ. Отдѣльные производители, и въ особенности торговцы, попадали все въ болѣе и болѣе полную зависимость отъ быстраго сбыта ихъ товаровъ. Замедленіе, а тѣмъ болѣе полная остановка въ сбытѣ становится все болѣе зловѣщей для товаровладѣльца и при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ повести къ его полнѣйшему раззоренію. А въ то же время возможность остановокъ въ сбытѣ все увеличивается.

Развивающаяся торговля связываетъ между собою различные отдаленные одинъ отъ другого рынки. Общій рынокъ отъ этого сильно расширяется, но въ то же время становится необозримымъ для производителя. Это затрудненіе еще усиливается вмѣшательствомъ торговыхъ посредниковъ, отдѣляющихъ производителя отъ потребителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря развитію торговли и средствъ сообщенія, товары становятся все подвижнѣе. Достаточно ничтожнаго повода, чтобы они въ громадномъ количествѣ устремились къ одному пункту.

Всѣ разсчеты относительно спроса съ одной стороны, и количества заготовленныхъ для рынка товаровъ съ другой — становятся все менѣе вѣрными. Развитіе статистики не устраняетъ этой сомнительности, оно даетъ лишь возможность хоть какихъ-нибудь разсчетовъ, которые на извѣстной ступени развитія товарнаго производства безъ статистики были бы совершенно невозможны. Вся экономическая жизнь становится все въ большую зависимость отъ торговой спекуляціи, которая въ свою очередь становится все болѣе рискованной.

Купецъ не можетъ не быть спекулянтомъ и не на биржѣ впервые изобрѣтена спекуляція: она составляетъ необходимую функцію капиталиста. Занимаясь спекуляціей, т. е. заранѣе высчитывая ожидаемый спросъ, покупая товары тамъ, гдѣ они дешевы, т. е. гдѣ ихъ много, и продавая тамъ, гдѣ они дороги, т. е. гдѣ ихъ мало, онъ вноситъ нѣкоторый порядокъ въ безпорядочное, чуждое всякаго плана производство независимыхъ частныхъ предпріятій. Но онъ можетъ и ошибаться въ своихъ разсчетахъ, тѣмъ болѣе, что онъ не единственный купецъ на свѣтѣ и раздумывать ему некогда. Сотни и тысячи конкуррентовъ также какъ и онъ зорко подстерегаютъ всякое благопріятное обстоятельство и кто первый имъ воспользуется, тотъ и получитъ наибольшую выгоду.

Нельзя поэтому долго раздумывать и изслѣдовать. Надо дѣйствовать быстро и рисковать: кто не рискуетъ, тотъ не выигрываетъ! Но можно и проиграть. Если на какомъ нибудь рынкѣ замѣчается значительный спросъ на опредѣленный товаръ, этотъ товаръ массами приливаетъ туда до тѣхъ поръ, пока рынокъ не будетъ переполненъ и не откажется поглощать дальнѣйшаго количества. Тогда цѣны падаютъ и торговцы должны продавать дешево, часто себѣ въ убытокъ или отправляться со своимъ товаромъ на поиски за лучшимъ рынкомъ. Такая игра можетъ стоить очень дорого и довести до разоренія.

При господствѣ развитаго товарнаго производства на рынкѣ всегда оказывается или слишкомъ мало, или слишкомъ много товаровъ. Буржуазные экономисты считаютъ такой порядокъ очень мудрымъ и заслуживающимъ удивленія. Мы думаемъ иначе; но во всякомъ случаѣ, начиная съ извѣстной ступени развитія, онъ неизбѣженъ, пока существуетъ товарное производство. Этотъ мудрый порядокъ приводитъ, однако, при извѣстныхъ обстоятельствахъ къ такому чрезмѣрному переполненію даннаго рынка, что потери продавцевъ тоже оказываются чрезмѣрными и вызываютъ цѣлый рядъ банкротствъ. Такимъ образомъ получается торговый кризисъ въ лучшемъ видѣ.

Развитіе средствъ сообщенія съ одной стороны и кредитъ — съ другой, способствуя внезапному переполненію рынковъ товарами, способствуютъ тѣмъ самымъ также и кризисамъ и увеличиваютъ опустошительность ихъ дѣйствія.

Тѣмъ не менѣе, пока преобладало мелкое производство, торговые кризисы не могли принимать слишкомъ широкихъ размѣровъ. Никакими приманками нельзя было вызвать въ то время быстраго роста количества продуктовъ, производимыхъ для *общаго рынка*. Мелкое ремесло не способно къ быстрому увеличенію количества продуктовъ. При немъ невозможно значительное умноженіе числа занятыхъ рабочихъ, такъ какъ и при обычномъ теченіи дѣлъ ремесло занимаетъ всѣхъ способныхъ къ труду лицъ, принадлежащихъ къ данному слою населенія.

Количество продуктовъ могло бы быть увеличено лишь удлиненіемъ рабочаго дня и праздничной работой отдѣльныхъ лицъ. Но самостоятельные ремесленники и крестьяне добраго стараго времени, не испытавшіе еще конкурренціи крупнаго производства, не имѣли ни малѣйшей охоты утруждать себя такимъ образомъ. Не много, впрочемъ, подвинулось бы дѣло и въ томъ случаѣ, если бы ихъ обуяла жадность на работу, такъ какъ производительность труда была очень мала.

Возникновеніе крупной капиталистической промышленности измѣнило все это. Она не только развила вспомогательныя средства, дозволяющія торговлѣ переполнять рынокъ съ немыслимою раньше силою и быстротою, не только расширила самой рынокъ до всемірныхъ, охватывающихъ земной шаръ размѣровъ, не только размножила цѣлую армію посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, но сдѣлала самое производство способнымъ быстрыми скачками расширяться по каждому мановенію торговли.

Уже одно то обстоятельство, что рабочій попалъ въ такую полную зависимость отъ капиталиста, что его рабочій день можетъ быть удлиненъ, его воскресный и ночной отдыхъ отмѣненъ, даетъ капиталисту возможность, гораздо быстрѣе прежняго расширять производство. Лишній часъ работы, при громадной производительности труда имѣетъ теперь совершенно иное значеніе, чѣмъ при ремесленномъ производствѣ. Въ то же время капиталисты получили возможность быстро расширять размѣры своего производства. Капиталъ эластиченъ и благодаря кредиту представляетъ изъ себя чрезвычайно растяжимую величину. Оживленіе въ дѣлахъ увеличиваетъ довѣріе, приманиваетъ деньги, сокращаетъ время оборота одной части капитала и тѣмъ увеличиваетъ ея дѣйствіе и т. д. и т. д. Всего важнѣе, однако, то обстоятельство, что къ услугамъ капитала всегда имѣется *резервная, промышленная армія рабочихъ*. Такимъ образомъ капиталистъ можетъ въ каждый данный моментъ расширять свое заведеніе, увеличить число рабочихъ и, быстро увеличивъ производство, использовать должнымъ образомъ всякое благопріятное стеченіе обстоятельствъ.

Мы показали въ началѣ этой главы, что при господствѣ крупнаго производства, промышленный капиталъ все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ и начинаетъ господствовать надъ всѣмъ капиталистическимъ строемъ. При этомъ внутри самой капиталистической промышленности нѣкоторыя ея отрасли, прядильно-ткацкая и желѣзодѣлательная, въ особенности, пріобрѣтаютъ въ свою очередь руководящую роль. И если въ одной изъ этихъ отраслей наступаетъ особенно сильное оживленіе вслѣдствіе, напримѣръ, открытія новаго большого рынка вродѣ китайскаго, или усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ, то это оживленіе не только быстро охватываетъ данную отрасль, но распространяется на всю совокупность экономической жизни. Капиталисты спѣшатъ расширять свои предпріятія и увеличивать спросъ на сырье и вспомогательныя средства; увеличивается число занятыхъ рабочихъ, повышается рента, прибыль и заработная плата. Растетъ спросъ на самые различные товары, большее и большее число отраслей промышленности принимаютъ участіе въ этомъ торжествѣ, пока оно не становится, наконецъ, всеобщимъ. Нѣтъ того

предпріятія, которое не казалось бы прочнымъ и не внушало довѣрія, кредитъ становится безграничнымъ; кто имѣетъ хоть сколько-нибудь денегъ старается помѣстить ихъ повыгоднѣе. Какъ рентьеры, такъ и капиталисты превращаютъ возможно большую часть своего увеличившагося дохода въ капиталъ. Увлеченіе всеобще.

Тѣмъ временемъ громадно разросшееся производство успѣваетъ удовлетворить сверхмѣстный спросъ, предъявленный рынкомъ, но не перестаетъ расти. Вѣдь никто не знаетъ общаго хода дѣлъ, каждый слѣдитъ лишь за своими и если въ трезвую минуту у того или другого капиталиста возникнетъ сомнѣніе, онъ подавитъ его. Ему нельзя отстать отъ конкурентовъ въ использованіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Вѣдь именно „отсталыхъ-то и кусаютъ собаки“. Сбытъ произведенныхъ въ излишествѣ товаровъ затрудняется, идетъ медленнѣе, склады торговыхъ домовъ начинаютъ переполняться, а горячка все еще продолжается. Но вотъ одинъ изъ торговыхъ домовъ долженъ уплатить фабриканту за забранные нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ товары, а эти товары еще не проданы, денегъ нѣтъ и торговый домъ банкротится. Вслѣдъ за нимъ банкротится и обманувшійся въ разсчетахъ фабрикантъ, у котораго тоже нѣтъ денегъ и есть срочные платежи. Банкротство слѣдуетъ за банкротствомъ. Всѣ приходятъ въ смущеніе, слѣпое довѣріе смѣняется страхомъ, наступаетъ всеобщая паника и *крахъ* готовъ.

Вся экономическая жизнь глубоко потрясена. Каждое предпріятіе, не успѣвшее пустить достаточно глубокихъ корней, погибаетъ и эта судьба постигаетъ не только дутыя предпріятія, но и всѣ тѣ, которыя въ обыкновенное время, испытывая затрудненіе, всетаки могли держаться на поверхности; всего быстрѣе идетъ во время кризисовъ экспропріація крестьянъ, ремесленниковъ и мелкихъ капиталистовъ. Но падаютъ и великіе міра сего, никто не можетъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что не будетъ захваченъ всеобщимъ крушеніемъ. За то удержившимся крупнымъ капиталистамъ выпадаетъ затѣмъ богатая добыча; во время кризисовъ легче совершается не только экспропріація „мелкаго люда“, но и концентрація ихъ наслѣдства въ немногихъ рукахъ. Въ это время всего легче образуются колоссальныя состоянія.

Но въ самый моментъ кризиса никто не увѣренъ, что переживетъ его и пока дѣла не войдутъ до извѣстной степени въ обычную колею, современный способъ производства успѣваетъ показать себя во всемъ своемъ ужасѣ: страхъ завтрашняго голода, нужда, проституція, преступленія страшно возростаютъ. Тысячи пропадаютъ отъ голода и холода, потому что произвели слишкомъ много пищи, одежды, жилищъ и проч. Въ это время всего ярче выступаетъ на свѣтъ то обстоятельство, что современныя производительныя силы всѣ труднѣе совмѣщаются съ товарнымъ производствомъ, что частная собственность на средства производства становится все болѣе лютымъ проклятіемъ сперва для неимущихъ, а въ концѣ концовъ, также и для собственниковъ.

Нѣкоторые экономисты ждутъ устраненія кризисовъ отъ картелей. Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого ожиданія.

Урегулированіе производства посредствомъ картелей заранѣе предполагаетъ объединеніе на международной основѣ всѣхъ важнѣйшихъ отраслей промышленности и распространеніе картели на всѣ страны капиталистическаго производства. До сихъ поръ еще ни въ одной отрасли промышленности, имѣющей рѣшающее значеніе для всей экономической жизни, не образовалось международной картели. Такіе союзы вообще образуются и удерживаются въ жизни съ величайшими затрудненіями. Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ Марксъ замѣтилъ уже, что не только конкурренція создаетъ монополію, но также и сама монополія порождаетъ конкурренцію. Чѣмъ выше прибыль, которую приносятъ вступившія въ договоръ предпріятія, тѣмъ больше опасности, что стоящій въ сторонѣ капиталистъ попытается оттягать эту сверхмѣстную прибыль, основавши конкурирующее предпріятіе; и чѣмъ лучше идутъ дѣла картели, тѣмъ больше соблазна для ея отдѣльныхъ членовъ избавиться отъ договора, налагающаго огра-

ниченія. При падающихъ цѣнахъ является страсть къ картелямъ, а когда цѣны повышаются, всякій стремится воспользоваться обстоятельствами и выбросить на рынокъ какъ можно больше товара. Помѣшать перепроизводству картели обыкновенно не въ состояніи. Онѣ служитъ наоборотъ факторами перепроизводства и усиленной спекуляціи, давая возможность поднимать цѣны выше нормальнаго уровня и извлекать сверхмѣстную прибыль изъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ всего лучше процвѣтаютъ картели, процвѣтаютъ также и самыя нахальныя акціонерныя надувательства, посредствомъ основанія дутыхъ картелей. Ихъ главная задача по отношенію въ перепроизводству заключается не въ томъ, чтобы ставить ему преграды, а лишь въ томъ, чтобы свалить послѣдствія перепроизводства съ капиталистовъ на рабочихъ и потребителей. Ихъ цѣль — помогать крупнымъ капиталистомъ переживать кризисы, ограничивать на время производство, распускать рабочихъ и т. д. безъ ущерба для своей прибыли.

Но предположимъ на минуту, какъ это ни невѣроятно, что въ близкомъ будущемъ картелямъ удается создать международную организацію міровой промышленности, безъ всякой возможности возрожденія конкурренціи. Каковы были бы послѣдствія? Въ лучшемъ случаѣ, одна изъ сторонъ конкурренціи между капиталистами одной и той же отрасли промышленности, была бы устранена. Другія стороны этой конкурренціи остались бы, но здѣсь не мѣсто ихъ изслѣдовать. Отмѣтимъ только одинъ пунктъ: чѣмъ полнѣе уничтожается междуусобная конкурренція предпринимателей внутри какой нибудь отрасли промышленности, тѣмъ глубже становится противоположность ихъ интересовъ съ интересами предпринимателей тѣхъ отраслей промышленности, которыя нуждаются въ ихъ товарѣ. Если прекращаются битвы между производителями одного и того же товара, то тѣмъ ярче разгораются онѣ между ними и потребителями въ широкомъ смыслѣ этого слова. А въ этомъ смыслѣ каждый производитель есть въ тоже время и потребитель. Владѣлецъ бумаго-прядильни, напримѣръ, независимо отъ его личнаго потребленія, является потребителемъ хлопка, угля, машинъ, масла для смазки и проч. Весь классъ капиталистовъ распался бы тогда уже не на индивидуумы, а на отдѣльныя группы, ведущія между собою отчаянную борьбу.

При свободной конкурренціи каждый капиталистъ стремится увеличивать производство, чтобы доставить на рынокъ *какъ можно больше товаровъ*; такъ какъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, чѣмъ больше у него товаровъ, тѣмъ больше и прибыли. Лишь соображенія относительно возможности сбыта да размѣры его капитала ставятъ границы его производству. При господствѣ картелей получилось бы, наоборотъ, вмѣсто урегулированіе производства, какъ обѣщаютъ нѣкоторые оптимисты, простое стремленіе каждой картели производить *какъ можно меньше*, потому что, чѣмъ меньше на рынкѣ товара, тѣмъ выше его цѣна. Вышедшій изъ употребленія пріемъ старыхъ купцовъ, уничтожавшихъ часть своихъ товаровъ, чтобы поднять цѣну остальной части сдѣлался бы тогда всеобщимъ. Ясно, что при такихъ порядкахъ общество не могло бы существовать. Стремясь къ недопроизводству каждая картель должна была при этомъ стараться *принудить къ перепроизводству* всѣ тѣ картели, въ товарѣ которыхъ она нуждается. Это можно сдѣлать различными способами. Простѣйшій заключается въ томъ, чтобы свое потребленіе товара производимаго противникомъ ограничить еще сильнѣе, чѣмъ тотъ ограничиваетъ свое производство. Можно затѣмъ обратиться къ наукѣ, чтобы получить при ея помощи суррогатъ тѣхъ товаровъ, производство которыхъ слишкомъ ограничено. Третій способъ заключается въ производствѣ самими потребителями нужныхъ имъ товаровъ.

Предположимъ, что всѣ мѣдные рудники объединились, ограничили производство мѣди и гонятъ вверхъ ея цѣну. Каковы были бы послѣдствія? Одни изъ промышленныхъ предпріятій обрабатывающихъ мѣдь прекратятъ производство; другіе постараются замѣнить мѣдь иными металлами, третьи наконецъ, сами пріобрѣтутъ мѣдные рудники и выйдутъ такимъ образомъ

изъ зависимости отъ мѣднаго синдиката. Въ концѣ концовъ картель распадется или обанкротится, т. е. произойдетъ *кризисъ*.

Нѣчто подобное, какъ извѣстно, уже не разъ происходило въ дѣйствительности.

Но это не вездѣ возможно. Положеніе нѣкоторыхъ отраслей промышленности — каменно-угольной въ особенности — такъ прочно, что ихъ синдикаты могутъ выдержать всякій напоръ, за то они и порождаютъ для обширныхъ отраслей промышленности искуственную нужду въ сыромъ матеріалѣ. Искусственной дороговизной они вынуждаютъ эти отрасли сокращать производство. Къ кризисамъ отъ перепроизводства, свойственнымъ режиму свободной конкурренціи, присоединяются такимъ образомъ кризисы отъ недопроизводства, порождаемаго монополіей.

Картели, слѣдовательно, не уничтожаютъ кризисовъ. Если бы въ этомъ отношеніи они могли имѣть успѣхъ, онъ заключался бы — самое большее — лишь въ томъ, что кризисы приняли бы другія, но вовсе не лучшія формы. Банкротства не прекратились бы, но уже не могли бы ограничиваться отдѣльными капиталистами, а непремѣнно захватывали бы сразу цѣлыя группы капиталистовъ, а съ ними, разумѣется, и всю массу зависящихъ отъ нихъ существованій. Устранить кризисы картели не въ состояніи, но онѣ могутъ за то стать причиною кризисовъ, превосходящихъ по своей опустошительности все, до сихъ поръ видѣнное.

Только въ томъ случаѣ, если бы всѣ картели слились воедино, соединивъ всѣ средства производства всѣхъ капиталистическихъ странъ, а, слѣдовательно, фактически уничтоживъ частную собственность на средства производства, только тогда эта единая картель могла бы вести къ устраненію кризисовъ. Пока же существуетъ частная собственность на средства производства — будутъ продолжаться и кризисы. Съ поразительной правильностью повторялись они до сихъ поръ каждые *десять* лѣтъ. „Словарь политич. экон. Пельгрева“ (Pulgraves Dictionary of Political Economy) отмѣчаетъ для Англіи слѣдующіе годы кризисовъ: 1753, 1763, 1772—1773, 1783, 1793, 1815, 1825, 1836—1839, 1847, 1857, 1866, 1878, 1890, а мы можемъ прибавить еще и 1901. Рядомъ съ Англіей въ теченіи второй половины прошлаго вѣка возникли новые очаги кризисовъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи. Громадный кризисъ 1873 г. распространился изъ Германіи. Соединенные Штаты перенесли особенно тяжелый кризисъ въ 1893 г. Теперешній (весна 1901 г.) кризисъ до нихъ еще не дошелъ, но очевидно не минуетъ и ихъ.

Экономическій подъемъ послѣднихъ лѣтъ породилъ не только среди буржуазныхъ экономистовъ, но и среди соціалистовъ мнѣніе, что воззрѣніе соціалистовъ на кризисы, какъ на неизбѣжный продуктъ современнаго способа производства уже устарѣло и картели положатъ конецъ этому явленію. Послѣдній годъ вновь подтвердилъ наше воззрѣніе и обнаружилъ поспѣшность заключеній его критиковъ.

Покончить съ кризисами, уничтожить однѣ лишь дурныя стороны частной собственности, оставивъ въ цѣлости ее самое, нѣтъ ни малѣйшей возможности.

9. Хроническое перепроизводство.

Рядомъ съ періодическими кризисами, съ временнымъ перепроизводствомъ и слѣдующей за нимъ растратой стоимостей и силъ, все сильнѣе развивается *хроническое перепроизводство и хроническая растрата силъ*.

Мы видѣли, что техническій переворотъ въ способахъ производства идетъ безпрерывно впередъ. Область крупной капиталистической промышленности расширяется съ каждымъ годомъ, завоевывая все новыя отрасли промышленности и распространяясь въ новыхъ странахъ; безпрерывно ростетъ поэтому и производительность труда, притомъ (если брать капиталистическое общество въ его цѣломъ) съ постоянно ускоряющейся быстротой. Въ то же время безпрерывно продолжается и накопленіе новыхъ капиталовъ. Чѣмъ выше поднимается уровень эксплуатаціи отдѣльныхъ

рабочихъ и чѣмъ больше становится число эксплуатируемыхъ рабочихъ (не въ одной какой-нибудь странѣ, а во всей совокупности капиталистически эксплуатируемыхъ странъ), тѣмъ сильнѣе возрастаетъ также масса прибавочной цѣнности, и та масса богатствъ, которую классъ капиталистовъ можетъ ежегодно откладывать для превращенія въ новые капиталы. Капиталистическое производство не можетъ поэтому остановиться на какомъ-нибудь опредѣленномъ уровнѣ: безпрерывный ростъ и безпрерывное расширеніе рынковъ является для него вопросомъ жизни, остановка-же означала бы смерть. Между тѣмъ, какъ въ прежнее время ремесленники и крестьяне изъ года въ годъ производили одинаковое количество продуктовъ, и въ общемъ производство росло лишь съ ростомъ населенія, капиталистическій способъ производства по самой природѣ своей, обусловливаетъ безпрерывный ростъ производства. Всякая остановка этого роста означаетъ болѣзненное состояніе общества, становящееся тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ дольше оно длится. Рядомъ съ временными толчками къ расширенію, вытекающими изъ расширенія рынка, существуетъ постоянное стремленіе къ расширенію производства, вытекающее изъ самихъ условій производства. Оно не вызывается расширеніемъ рынка, а, наоборотъ, требуетъ его безпрерывнаго расширенія.

Но это расширеніе за послѣднія три десятилѣтія, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, туго подвигается впередъ. Оно, правда, все еще длится, но въ то время, какъ производство имѣетъ тенденцію расширяться все быстрѣе и быстрѣе, рынокъ для этихъ отраслей промышленности расширяется все медленнѣе и медленнѣе.

Громадна, конечно, та область, въ которой капиталистическое производство можетъ находить себѣ рынки. Ни мѣстныя, ни національныя преграды не могутъ помѣшать ему превратить весь земной шаръ въ свой рынокъ. Только шаръ-то этотъ сталъ совсѣмъ маленькимъ. Еще сто лѣтъ тому назадъ, рынкомъ для капиталистической промышленности, существовавшей главнымъ образомъ въ Англіи, служили, кромѣ западной части Европы, лишь нѣкоторыя прибрежныя области, да острова въ другихъ частяхъ свѣта. Но энергія и алчность капиталистовъ и ихъ предтечь и сообщниковъ была такъ велика и такъ громадны были средства, которыми они располагали, что за одно столѣтіе всѣ страны земного шара открылись для товаровъ; теперь уже не англійской только, а общеевропейской капиталистической промышленности. Закрытыми остаются еще только такіе рынки, съ которыхъ нечего унести, кромѣ лихорадки, да помятыхъ боковъ.

Громадное развитіе средствъ сообщенія доставляетъ, правда, возможность съ каждымъ годомъ все лучше и лучше эксплуатировать каждый рынокъ, но дѣло въ томъ, что именно у тѣхъ народовъ, которые не совсѣмъ дики и имѣютъ нѣкоторыя культурныя потребности, самый рынокъ все болѣе и болѣе измѣняется. Вторженіе продуктовъ крупной промышленности, не въ Европѣ только, а повсюду, убиваетъ мелкое туземное производство и превращаетъ ремесленниковъ и крестьянъ въ пролетаріевъ, вызывая тѣмъ самымъ на этихъ рынкахъ два важныхъ измѣненія. Во первыхъ, покупательная сила населенія уменьшается и уменьшаетъ способность даннаго рынка поглощать растущее количество привозимыхъ товаровъ. Во вторыхъ, что еще важнѣе, образованіе пролетаріата кладетъ основу для развитія капиталистическаго способа производства также и въ этихъ странахъ. Европейская крупная промышленность роетъ такимъ образомъ свою могилу. Начиная съ извѣстной ступени развитія, каждое дальнѣйшее расширеніе ея рынка, обозначаетъ возникновенія для нея новаго конкуррента. Крупная промышленность Соединенныхъ Штатовъ, начало которой помнятъ еще отцы современнаго поколѣнія, успѣла не только захватить всю Америку, но проникла и на всемірный рынокъ. Еще болѣе юная русская капиталистическая промышленность начинаетъ уже сама снабжать своими товарами всю необозримую область европейской и азіатской Россіи. Въ Остъ-Индіи, Китаѣ, Японіи, Австраліи развивается промышленность, которая, рано или поздно, будетъ въ

состояніи удовлетворять всѣ ихъ потребности. Словомъ, не далекъ, повидимому, тотъ моментъ, когда рынокъ европейской промышленности не только перестанетъ расти, но начнетъ съуживаться, а это обозначало-бы ни болѣе ни менѣе, какъ банкротство всего капиталистическаго общества.

Среди отраслей промышленности, вступившихъ уже въ фазисъ хроническаго перепроизводства, первое мѣсто занимаетъ текстильная. Въ Англіи цѣнность вывоза хлопчатобумажныхъ (кромѣ пряжи), льняныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій равнялась въ 1880 г. = 1766 милліонамъ марокъ,*) а въ 1897 г. уже только 1592 мил. марокъ. Въ Германіи вывозъ текстильныхъ и войлочныхъ издѣлій превышалъ ввозъ въ 1890 г. на 500 милл. марокъ, а въ 1899 г. только на 410 милліоновъ.

Число занятыхъ въ англійской промышленности рабочихъ въ 1889 г. достигало 1034266 и съ тѣхъ поръ почти не увеличилось, а, между тѣмъ, населеніе за этотъ періодъ времени возросло на 9%. Сравнительно съ населеніемъ, численность текстильныхъ рабочихъ Англіи уменьшается. Тоже происходитъ и въ Германіи. Здѣсь число рабочихъ въ текстильной промышленности съ 1882 г. до 1895 г. увеличилось съ 910089 до 993257, т. е. на 9%, населеніе же — на 14—15%.

Металлургическая промышленность находится еще въ процессѣ роста. Но въ концѣ концовъ и ей предстоитъ въ старыхъ промышленныхъ странахъ та же участь, какъ и текстильной. Куда же тогда дѣнется возрастающее рабочее населеніе?

Мы уже разъ пережили состояніе общаго хроническаго кризиса, сопровождавшагося большими страданіями для рабочихъ массъ (1873—1889 гг.). Казалось, что наступало банкротство капиталистическаго общества. На этотъ разъ оно дождалось таки новой эры подъема, но на текстильной промышленности этотъ подъемъ не отразился. Періодъ оживленія окончился, однако, и мы снова вступаемъ въ періодъ кризиса — остраго для всего производства, кромѣ текстильнаго, остающагося въ хроническомъ состояніи застоя. Острые кризисы повторяются съ страшной правильностью, захватывая все новыя области, тоже должно произойти и съ хроническими кризисами, которые будутъ овладѣвать одной отраслью производства за другою.

Вслѣдствіе всего этого ростетъ количество средствъ производства, которые недостаточно эксплуатируются или вовсе не эксплуатируются, масса богатствъ, пропадающихъ безъ пользы, масса рабочей силы, остающейся безъ употребленія. Къ этой послѣдней нужно причислять не только цѣлыхъ армій безработныхъ, уже представляющія грозную соціальную силу, но и всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ и все таки размножающихся общественныхъ паразитовъ, которые, не имѣя возможности трудиться производительно, влачатъ свое жалкое существованіе при помощи различныхъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно излишнихъ, хотя часто съ высшей степени изнурительныхъ профессій: мелкихъ продавцевъ, трактирщиковъ, агентовъ и посредниковъ; къ этимъ же паразитамъ принадлежатъ цѣлыя массы непроизводящихъ пролетаріевъ, поддерживающихъ существованіе сомнительными средствами, шарлатановъ высшаго и низшаго разбора, еще не пойманныхъ преступниковъ, проституткъ по ремеслу съ ихъ сутенерами и другими цѣпляющимися за нихъ существованіями. Сюда же относятся полчища лицъ, находящихся въ личномъ услуженіи имущихъ классовъ и, наконецъ, солдаты: постоянный ростъ армій за послѣдніе двадцать лѣтъ едва-ли былъ бы возможенъ безъ перепроизводства, дозволяющаго промышленности отказываться отъ такого множества рабочихъ рукъ.

Капиталистическое общество начинаетъ задыхаться отъ своего собственнаго избытка; оно становится все менѣе способнымъ выдерживать полноту развитія имъ же созданныхъ производительныхъ силъ. Все большая часть этихъ силъ должна оставаться безъ употребленія, все

*) Марка = 50 коп.

большее количество продуктовъ безполезно растрачиваться для того только, чтобы капиталистическое общество не лопнуло по всѣмъ швамъ.

Капиталистическій способъ производства, замѣнившій мелкое производство крупнымъ, сосредоточившій средства производства въ рукахъ немногихъ лицъ, въ качествѣ ихъ частной собственности, работу-же предоставившій пролетаріямъ, не имѣющимъ никакой собственности, — этотъ способъ производства безконечно усилилъ производительность труда, бывшую въ высшей степени ограниченной при ремеслѣ и крестьянскомъ земледѣліи. Въ этомъ состояла всемірная историческая задача класса капиталистовъ. Онъ выполнилъ ее, причинивъ ужасающія страданія ограбленной и эксплуатируемой имъ народной массѣ, но онъ ее выполнилъ. Онъ самъ былъ такою же исторической необходимостью, какъ и оба породившія его явленія: товарное производство и тѣсно связанная съ нимъ частная собственность на средства производства и продукты.

Но если классъ капиталистовъ и породившія его явленія были исторически необходимы, то теперь этой необходимости уже больше не существуетъ. Функціи капиталистовъ все болѣе и болѣе переходятъ къ наемнымъ служащимъ, громадному же большинству самихъ капиталистовъ остается только потреблять то, что другіе производятъ; капиталистъ сталъ такимъ-же лишнимъ существомъ, какимъ сто лѣтъ тому назадъ сдѣлался феодальный господинъ.

Болѣе того. Какъ феодальное дворянство въ XVIII вѣкѣ, такъ теперь капиталисты становятся препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія. Частная собственность на средства производства давно уже перестала обезпечивать каждому производителю какъ собственность на продуктъ его труда, такъ и его свободу. Теперь она быстро ведетъ къ тому, чтобы лишить все населеніе капиталистическихъ странъ и этой собственности и этой свободы; изъ основы общества она все болѣе превращается въ силу, разлагающую всѣ общественныя основы. Частная собственность на средства производства, побуждала общество къ возможно быстрому развитію своихъ производительныхъ силъ, теперь она все болѣе и болѣе вынуждаетъ его растрачивать и оставлять безъ употребленія свои производительныя силы.

Такимъ образомъ, не только для мелкихъ производителей, но и для цѣлаго общества, первоначальное вліяніе частной собственности на средстве производства, превращается въ совершенно противоположное. Изъ двигательной силы общественнаго развитія, эта собственность становится причиной общественного застоя и общественнаго банкротства.

IV.

Государство будущаго.

1. Соціальная реформа и революція.

Производительныя силы, развившіяся въ нѣдрахъ капиталистическаго общества, становятся все болѣе несовмѣстимыми съ той частной собственностью, на которой покоится это общество. Желать сохраненія частной собственности — значитъ дѣлать невозможнымъ общественный прогрессъ, осуждать общество на застой, на гніеніе заживо, т. е. на такое гніеніе, которое сопровождается самыми мучительными судорогами.

Каждое дальнѣйшее усовершенствованіе производительныхъ силъ обостряетъ противорѣчіе между ними и существующимъ строемъ собственности. Всѣ попытки уничтожить это противорѣчіе или хотя бы только смягчить его, не касаясь собственности, оказались и должны были оказаться тщетными.

Въ теченіе цѣлаго вѣка мыслители и политическіе дѣятели изъ господствующихъ классовъ стараются предотвратить угрожающее *революціонное* преобразованіе частной собственности на средства производства соціальными *реформами*, подъ каковымъ именемъ они разумѣютъ всѣ тѣ попытки вмѣшательства въ хозяйственную жизнь, которыя имѣютъ въ виду устранить или, по крайней мѣрѣ, смягчить тотъ или другой результатъ частной собственности, не касаясь ея самой. Въ теченіе цѣлаго вѣка были восхваляемы и испробованы самыя разнообразныя средства для этой цѣли; едва-ли возможно придумать еще что-либо новое въ этой области. Всѣ „самоновѣйшіе“ проэкты нашихъ соціальныхъ знахарей, долженствующіе безболѣзненно и безъ всякихъ затратъ излечить въ нѣсколько дней самыя застарѣлыя язвы, оказываются при свѣтѣ критики заново подогрѣтыми старыми изобрѣтеніями, которыя уже были испробованы гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и въ другое время и достаточно доказали свою непригодность.

Мы хотѣли бы избѣжать недоразумѣнія. Мы объявляемъ соціальныя реформы недѣйствительными постольку, поскольку онѣ преслѣдуютъ задачу устранить все растущее въ процессѣ экономическаго развитія противорѣчіе между производительными силами и существующимъ строемъ собственности, въ то же самое время сохранивъ и укрѣпивъ этотъ послѣдній. Не мы этимъ не хотимъ сказать ни того, что соціальная революція — устраненіе частной собственности на средства производства — совершится сама собой, т. е. что непреоборимый, стихійный процессъ развитія сдѣлаетъ это безъ вмѣшательства человѣка; ни того, что всякая соціальная реформа безполезна и что тѣмъ, кто страдаетъ отъ послѣдствій противорѣчія между производительными силами и строемъ собственности, ничего другого не остается, какъ сложить руки на груди и покорно ждать, пока это противорѣчіе исчезнетъ.

Когда говорятъ о непреодолимости и стихійной необходимости процесса общественнаго развитія, то само собой предполагается, что люди суть люди, а не бездушные автоматы; люди съ опредѣленными потребностями, съ опредѣленными физическими и духовными силами, которыя они стараются примѣнить для собственнаго блага. Пассивно подчиняясь

тому, что кажется неизбѣжнымъ, мы вовсе не предоставили-бы общественному развитію идти своимъ путемъ, но привели бы его къ застою.

Если мы считаемъ неизбѣжнымъ уничтоженіе частной собственности на средства производства, то не въ томъ смыслѣ, что въ одинъ прекрасный день въ ротъ эксплуатируемыхъ безъ старанія съ ихъ стороны, полетятъ жаренные голуби соціальныхъ революцій. Мы считаемъ неизбѣжнымъ крахъ современнаго общества потому, что мы знаемъ, что экономическое развитіе съ необходимостью естественнаго процесса создаетъ такія условія, которыя вынуждаютъ эксплуатируемыхъ бороться противъ частной собственности; что оно увеличиваетъ численность и силу эксплуатируемыхъ и уменьшаетъ численность и силу эксплуататоровъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго, что оно, наконецъ, ведетъ къ невыносимому для массы населенія положенію, которое оставляетъ ей выборъ только между пассивнымъ вымираніемъ или активнымъ переворотомъ въ существующемъ строѣ собственности.

Такой переворотъ можетъ принять самыя разнообразныя формы, сообразно условіямъ, при которыхъ онъ совершится. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы онъ былъ связанъ съ насиліями и пролитіемъ крови. Бывали уже во всемірной исторіи случай, когда господствующіе классы проявляли особенную проницательность — или особенную слабость и трусость, и сдавались добровольно передъ неизбѣжнымъ. Нѣтъ также необходимости въ томъ, чтобы соціальная революція рѣшена была однимъ ударомъ. Едва-ли даже когда нибудь такъ бывало. Революціи подготовляются годами и десятилѣтіями политической и экономической борьбы и совершаются при постоянныхъ измѣненіяхъ и колебаніяхъ въ соотношеніи силы между разными классами и партіями, зачастую прерываясь продолжительными періодами реакціи.

Но какъ бы ни были многообразны формы, которыя могутъ быть приняты революціей, никогда еще соціальная революція не совершалась незамѣтно и безъ дѣятельнаго вмѣшательства со стороны наиболѣ угнетенныхъ господствующимъ строемъ.

Далѣе. Если мы объявляемъ тѣ соціальныя реформы, которыя останавливаются передъ частной собственностью, неспособными уничтожить противорѣчія, порождаемыя современнымъ экономическимъ развитіемъ, то мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что для эксплуатируемыхъ невозможна въ рамкахъ существующаго строя собственности какая-бы то ни было борьба противъ тѣхъ бѣдствій, которыя имъ приходится выносить; что они должны терпѣливо сносить всѣ формы униженія и эксплуатаціи, которыми ихъ даритъ капиталистическій способъ производства и что до тѣхъ поръ, пока они вообще подвергаются эксплуатаціи, для нихъ безразлично, *какъ* они эксплуатируются. Мы хотимъ только сказать, что имъ не слѣдуетъ переоцѣнивать соціальныя реформы и вѣрить, что при ихъ помощи они могутъ преобразовать существующія условія такъ, чтобы получить удовлетвореніе. Имъ слѣдуетъ также внимательно приглядываться къ тѣмъ соціальнымъ реформамъ, которыя имъ рекомендуются и за которыя они выступаютъ. Девять десятыхъ проэктовъ реформъ не только безполезны, но прямо вредны для эксплуатируемыхъ; всего хуже тѣ проэкты, которые для того, чтобы спасти подвергающуюся опасности частную собственность, стремятся приспособить къ ней производительныя силы, сведя на нѣтъ экономическое развитіе послѣднихъ столѣтій. Эксплуатируемые, которые выступаютъ за такіе проэкты, расточаютъ свои силы въ безсмысленномъ стремленіи оживить то, что умерло.

Воздѣйствіе на экономическое развитіе можетъ быть различно; его можно ускорить или замедлить, результаты его могутъ быть ослаблены или усилены, сдѣланы болѣе безболѣзненными или, напротивъ, болѣе мучительными — все это въ зависимости отъ того, насколько сознательны тѣ, кто оказываетъ воздѣйствіе, и какой общественной силой они обладаютъ. Одно только немыслимо: пріостановить, а тѣмъ болѣе повернуть вспять общественное развитіе. Напротивъ, опытъ учитъ, что всѣ средства, которыми предполагается остановить общественное развитіе, оказываются

недостаточными или даже увеличивающими тѣ бѣдствія, устраненію которыхъ они должны служить, между тѣмъ, какъ тѣ средства, которыя дѣйствительно пригодны для того, чтобы болѣе или менѣе помочь тому или другому изъ существующихъ золъ, въ то же время содѣйствуютъ ускоренію хода общественнаго развитія.

Если, напр., ремесленники хотятъ возстановить цѣховой порядокъ, чтобы съ его помощью поднять положеніе ремесла, то это стремленіе является вполнѣ безуспѣшнымъ и должно быть таковымъ, ибо оно стоитъ въ противорѣчіи съ потребностями современныхъ производительныхъ силъ, съ крупной промышленностью. Для того, чтобы могъ расцвѣсти цѣховой строй, необходимо сначала уничтожить крупную промышленность, свести на нѣтъ весь техническій прогрессъ новаго времени. А это просто невозможно. Поэтому, движеніе въ пользу цѣховъ имѣетъ въ настоящее время только цѣль — предоставить силу, деньги и политическое вліяніе ремесленниковъ въ распоряженіе реакціонныхъ партій, которыя пользуются ими не къ выгодѣ, а къ вреду „маленькихъ людей“, напр., въ интересахъ вздорожанія хлѣба, повышенія налоговъ и бремени воинской повинности и т. п.

Если же нѣкоторыя средства могутъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ помочь ремесленникамъ въ дѣлѣ улучшенія ихъ положенія, то лишь такія, которыя позволяютъ имъ расширять свои предпріятія, перейти къ массовому производству, стать мелкими капиталистами. Такія средства, какъ кооперація разнаго рода, введеніе дешевыхъ двигателей и т. д., могутъ, конечно, помочь болѣе состоятельнымъ среди ремесленниковъ, но лишь постольку, поскольку позволяютъ имъ бросить мелкое производство. Тѣмъ скорѣе разорятся тѣ менѣе состоятельные, которымъ не подъ силу пріобрѣсти себѣ двигатели, получить кредитъ и пр. Слѣдовательно, эти средства, помогая отдѣльнымъ ремесленникамъ, не спасаютъ ремесла, а, напротивъ, ускоряютъ его гибель.

Наемные рабочіе на первыхъ порахъ также пытались задержать развитіе крупной промышленности. Они разрушали новыя машины, сопротивлялись введенію женскаго труда и т. п. Но они раньше, чѣмъ ремесленники, поняли, какъ нелѣпо такое поведеніе. Они нашли другія, болѣе дѣйствительныя средства бороться съ вредными послѣдствіями капиталистической эксплуатаціи; этими средствами были ихъ экономическія организаціи (профессіональные союзы) и ихъ политическая дѣятельность; взаимно дополняя другъ друга, эти средства позволили имъ достичь въ разныхъ странахъ болѣе или менѣе значительныхъ успѣховъ. Но каждый такой успѣхъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, въ повышеніи-ли заработной платы, въ сокращеніи-ли рабочаго времени, въ запрещеніи труда малолѣтнихъ, въ требованіи санитарныхъ мѣръ и т. д. — каждый такой успѣхъ даетъ новый толчекъ экономическому развитію, поскольку, напримѣръ, побуждаетъ капиталистовъ замѣнять вздорожавшія рабочія силы машинами или вызываетъ необходимость въ новыхъ расходахъ, которые ложатся тяжелѣе на мелкихъ капиталистовъ, чѣмъ на крупныхъ, и тѣмъ затрудняютъ первымъ конкурренцію и т. д.

Поэтому, какъ-бы справедливо, даже необходимо ни было, что, напр., отдѣльные ремесленники стараются улучшить свое положеніе введеніемъ мелкихъ двигателей, или что рабочіе основываютъ организаціи или требуютъ законодательныхъ мѣръ, которыя принесли-бы имъ сокращеніе рабочаго времени, улучшеніе условій труда и иныя реформы, было-бы, тѣмъ не менѣе, неосновательно думать, что такія реформы могли-бы предотвратить соціальную революцію; и столь же неосновательно мнѣніе, будто-бы нельзя признавать пользу извѣстныхъ соціальныхъ реформъ, не допуская тѣмъ самымъ возможности сохранить общество на его теперешнихъ основаніяхъ. Напротивъ. Можно отстаивать эти реформы и съ революціонной точки зрѣнія, поскольку онѣ, какъ мы видѣли, ускоряютъ ходъ событій и не только не уничтожаютъ изображенныхъ нами въ предыдущихъ главахъ самоубійственныхъ тенденцій капиталистическаго способа производства, но даже усиливаютъ ихъ.

Пролетаризація народныхъ масссъ, сосредоточеніе всего капитала въ рукахъ немногихъ, которые господствуютъ надъ всей хозяйственной жизнью капиталистическихъ націй, хроническое перепроизводство, кризисы, необезпеченность существованія, — *всѣ эти мучительные и вызывающіе возмущеніе результаты капиталистическаго способа производства не могутъ быть остановлены въ своемъ постоянномъ ростѣ никакими реформами на почвѣ нынѣшняго строя собственности, какъ бы широко онѣ ни были задуманы.*

Нѣтъ ни одной партіи, какъ бы она ни была упорна въ отстаиваніи существующаго, которая не предчувствовала-бы этого. Всѣ онѣ еще прославляютъ свои реформы, какъ средство предотвратить великій крахъ, но ни одна изъ нихъ уже не вѣритъ искренно въ свои чудесные рецепты.

Какъ ни верти, а дѣлу не помочь. Правовая основа современнаго способа производства — *частная собственность на средства производства* — становится все болѣе несовмѣстимой съ природой средствъ производства, какъ мы это видѣли въ предыдущихъ главахъ. Уничтоженіе этой частной собственности есть только вопросъ времени. Оно совершится непремѣнно, хотя никто и не можетъ сказать опредѣленно, когда и какимъ образомъ оно совершится.

2. Частная собственность и собственность коллективная.

Не о томъ, можно ли сохранить и какъ сохранить частную собственность на средства производства, приходится теперь рѣшать вопросъ, но о томъ, что слѣдуетъ или, вѣрнѣе, что *придется* поставить на ея мѣсто, ибо здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ чѣмъ либо такимъ, что можетъ быть придумано произвольно, но съ тѣмъ, что создается съ естественной необходимостью. Столь же мало зависитъ отъ нашего произвола, какой строй собственности поставимъ мы на мѣсто нынѣ существующаго, какъ и то, сохранимъ-ли мы этотъ нынѣшній строй или уничтожимъ.

То же самое экономическое развитіе, которое ставитъ передъ нами вопросъ: что должно быть поставлено на мѣсто частной собственности? — намѣчаетъ предпосылки для отвѣта на этотъ вопросъ. Въ нѣдрахъ стараго уже зарождается новая форма собственности. Чтобы выяснить себѣ послѣднюю, намъ приходится считаться не съ нашими столь разнообразными личными склонностями и желаніями, но съ очевидными фактами, одинаковыми для всѣхъ.

Тотъ, кто знаетъ современныя условія производства, знаетъ также и то, какой формы собственности они требуютъ съ того момента, какъ существующая форма стала невозможной. Поэтому, мы просимъ читателей и въ дальнѣйшемъ изложеніи, трактующемъ о будущемъ, не забывать того, что мы говорили о существующемъ способѣ производства въ прошломъ и настоящемъ.

Какъ мы знаемъ, основой частной собственности на средства производство является мелкое производство. Производство въ одиночку дѣлало необходимымъ и индивидуальную собственность. Напротивъ, крупное производство означаетъ производство коллективное, *общественное*. Въ крупномъ производствѣ уже не каждый рабочій работаетъ за свой страхъ и рискъ, но масса рабочихъ, коллективность работаетъ сообща, чтобы создать нѣчто цѣлое. Средства производства современной крупной промышленности громадны и сложны. Совершенно невозможно, чтобы каждый отдѣльный рабочій присвоилъ себѣ во владѣніе свои средства производства. Поэтому, крупное производство на основѣ современной техники допускаетъ только двѣ формы собственности: либо частная собственность отдѣльной личности на средства производства цѣлой совокупности рабочихъ (а это и представляетъ собой современный капиталистическій способъ производства съ его спутницами — нищетой и эксплуатаціей для рабочихъ и подавляющимъ избыткомъ богатствъ для капиталистовъ). Либо-же — общую собственность всѣхъ рабочихъ на ихъ общія средства производ-

ства, т. е. общественный способъ производства, прекращеніе эксплуатаціи рабочихъ, которые станутъ господами своихъ собственныхъ продуктовъ и получатъ въ свое распоряженіе тотъ избытокъ, который доселѣ присваивалъ себѣ капиталистъ. *Замѣна частной собственности на средства производства общественною — вотъ что становится все болѣе необходимымъ, благодаря экономическому развитію.*

Убѣжденіе въ необходимости общественной собственности раздѣляетъ не одна лишь соціальдемократія. Оно раздѣляется и анархистами и ..... либералами. Правда, послѣдніе допускаютъ только такіе пути для достиженія этой цѣли, которые никогда не смогутъ привести къ ней. Приглашать рабочихъ устраивать крупныя предпріятія на грошовыя сбереженія — это значитъ дурачить ихъ вмѣсто того, чтобы давать совѣтъ.

Однако, здѣсь насъ интересуетъ не вопросъ о способѣ достиженія общественной собственности: имъ мы займемся въ слѣдующей главѣ; здѣсь дѣло идетъ о болѣе точномъ опредѣленіи характера общественной собственности.

Проще всего представить себѣ, что каждое отдѣльное капиталистическое предпріятіе должно превратиться въ товарищеское. Работающіе въ немъ рабочіе становятся его владѣльцами. Все остальное остается въ прежнемъ видѣ, товарное производство продолжается, каждое отдѣльное предпріятіе совершенно независимо отъ другого и производитъ для рынка, *на продажу*.

Чтобы представить себѣ такой способъ производства, не требуется слишкомъ широкой фантазіи. Онъ весьма похожъ на нынѣшній. Таковъ идеалъ анархистовъ и либераловъ. Одни отъ другихъ отличаются только выборомъ пути къ нему. Первые желаютъ, чтобы рабочіе повсемѣстной революціей овладѣли различными предпріятіями; вторые совѣтуютъ выше упомянутый уже путь сбереженія.

Посмотримъ же, что выйдетъ изъ такого рѣшенія вопроса. Оно сводится къ тому, чтобы сдѣлать рабочаго предпринимателемъ, но не капиталистомъ, ибо капиталистовъ больше не будетъ, когда рабочіе сообща вступятъ во владѣніе своими средствами производства. Это рѣшеніе вопроса избавляетъ рабочихъ отъ тѣхъ бѣдствій, которыя несетъ имъ съ собою капиталистическая эксплуатація, но опасности, угрожающія нынѣ каждому мелкому предпринимателю, остаются тѣми-же: конкурренція, перепроизводство, кризисы, банкротства отнюдь не исчезнутъ съ лица земли. Лучше обставленныя предпріятія будутъ, какъ и прежде, вытѣснять съ рынка менѣе совершенныя и подъ конецъ разорять ихъ. И если даже отдѣльныя предпріятія той же отрасли производства будутъ объединяться въ союзъ, — это не измѣнитъ хода дѣлъ. Намъ достаточно напомнить соображенія, приведенныя въ прошлой главѣ.

Какъ нынѣ разоряются предпріятія капиталистическія, такъ будутъ приходить къ банкротству предпріятія общественныя. Занятые въ нихъ рабочіе потеряютъ, благодаря этому, свои средства производства и снова станутъ ..... пролетаріями, вынужденными продавать свою рабочую силу, чтобы имѣть возможность жить. Рабочіе же въ болѣе счастливыхъ товариществахъ сочтутъ для себя болѣе выгоднымъ, чѣмъ самимъ работать, пригласить наемниковъ; они станутъ эксплуататорами, *т. е. капиталистами*. И, въ концѣ концовъ, мы вернемся спустя нѣкоторое время къ прежнему состоянію, къ старому капиталистическому способу производства.

Товарное производство и частная собственность на средства производства тѣсно связаны между собою. Товарное производство предполагаетъ частную собственность, оно сводитъ на нѣтъ всякую попытку устранить ее.

При господствѣ товарнаго производства крупное производство необходимо принимаетъ капиталистическую форму; форма ассоціаціи можетъ встрѣчаться при немъ лишь въ единичныхъ случаяхъ и въ несовершенномъ видѣ, но никогда не сможетъ стать господствующей.

Кто, слѣдовательно, серьезно думаетъ замѣнить капиталистическую собственность общественной, тотъ долженъ сдѣлать шагъ впередъ отъ либераловъ и анархистовъ — къ уничтоженію *товарнаго производства*.

3. Соціалистическое производство.

Уничтоженіе товарнаго производства означаетъ замѣну производства для *продажи* производствомъ *для собственнаго потребленія*.

Производство для собственнаго потребленія можетъ, въ свою очередь, принять двоякую форму: производства *въ одиночку* для удовлетворенія личныхъ потребностей производителя и производства за счетъ *общества* или *ассоціаціи* для удовлетворенія его спроса или спроса его членовъ.

Первый видъ производства никогда не былъ всеобщей формой такового. Человѣкъ во всѣ времена, насколько мы можемъ прослѣдить, былъ существомъ общественнымъ; отдѣльная личность всегда была вынуждена для удовлетворенія цѣлаго ряда своихъ важнѣйшихъ потребностей работать сообща съ другими, т. е. пользоваться трудомъ другихъ личностей и работать для нихъ. Производство отдѣльной личности для самой себя всегда играло лишь подчиненную роль. Въ настоящее время о немъ почти не приходится упоминать.

Коллективное производство для собственнаго потребленія было господствующей формой производства до тѣхъ поръ, пока не развилось производство товарное. Оно столь же старо, какъ и производство вообще. Если допустить, что какой либо способъ производства можетъ считаться спеціально соотвѣтствующимъ человѣческой природѣ, то пришлось бы объявить именно коллективное производство естественнымъ. Оно, быть можетъ, насчитываетъ за собой столько десятковъ тысячелѣтій, сколько товарное производство — тысячелѣтій. Вмѣстѣ съ характеромъ средствъ производства и способа производства мѣнялись характеръ, размѣръ и функціи производительной группы; но была ли послѣдняя ордой, родомъ, маркой (поземельной общиной) или домашней артелью (большая крестьянская семья), — всегда ей были присущи нѣкоторые существенные характерные признаки. Всегда такая группа покрывала всѣ свои потребности (или, по крайней мѣрѣ, самыя необходимыя и важныя) продуктами собственнаго производства. Средства производства были собственностью общины. Общинники работали вмѣстѣ, какъ свободные и равноправные товарищи, работали согласно обычаю или по плану, ими самими выработанному, подъ руководствомъ лицъ, ими самими выбранныхъ и передъ ними отвѣтственныхъ. Продуктъ общиннаго труда принадлежалъ общинѣ, которая отчасти употребляла его для покрытія общихъ потребностей (въ цѣляхъ ли потребленія или производства), частью же раздѣляло его по нормамъ, установленнымъ обычаемъ либо рѣшеніемъ общества, между отдѣльными членами или группами, изъ которыхъ состояла община.

Благосостояніе подобной самодовлѣющей общины зависѣло отъ естественныхъ условій и личныхъ факторовъ. Чѣмъ плодороднѣе была мѣстность, ею занимаемая, чѣмъ трудолюбивѣе, изобрѣтательнѣе и сильнѣе ея члены, тѣмъ большимъ и болѣе обезпеченнымъ являлось общее благосостояніе. Эпидеміи, наводненія, нападенія болѣе сильныхъ враговъ могли потрясти это благосостояніе, подчасъ разрушить его; одно только не грозило общинѣ опасностью: это — колебанія *рынка*. Она либо вовсе не знала рынка, либо же онъ существовалъ только для предметовъ избытка.

Подобное общинное производство для собственнаго потребленія и есть *коммунистическое* или, какъ говорятъ нынче, *соціалистическое* производство. Только такого рода способъ производства можетъ удовлетворить общество, переросшее производство товарное.

Это не значитъ, что теперь нужно воскресить то, что умерло, и вновь создать старыя формы общинной собственности и общиннаго производства. Эти формы соотвѣтствовали опредѣленнымъ средствамъ производства; онѣ были и остаются несовмѣстимыми съ болѣе развитыми средствами производства, почему онѣ и исчезаютъ повсюду въ ходѣ экономическаго развитія передъ развивающимся производствомъ товаровъ, а тамъ, гдѣ онѣ оказываютъ сопротивленіе натиску товарнаго производства, онѣ становятся препятствіемъ для развитія производительныхъ силъ. Столь же реакціонными и безнадежными, какъ и стремленіе возродить цѣхи, были бы по-

пытки отдѣлаться отъ товарнаго производства при помощи сохраненія и воскрешенія тѣхъ пережитковъ первобытнаго коммунизма, которые еще уцѣлѣли въ отсталыхъ крестьянскихъ общинахъ.

Соціалистическое производство, ставшее нынѣ необходимымъ, благодаря приближающемуся банкротству товарнаго производства, будетъ и должно имѣть много общихъ чертъ съ древними формами коммунистическаго производства, поскольку, какъ и послѣднія, оно является видомъ общественнаго производства для собственнаго потребленія. Но точно также и капиталистическое производство имѣетъ черты сходства съ ремесленнымъ, поскольку то и другое представляютъ производство товарное. Тѣмъ не менѣе, какъ капиталистическое производство — эта высшая ступень производства товарнаго, — отлично отъ ремесленнаго, такъ и ставшая нынѣ необходимой форма общественнаго производства совершенно отлична отъ прежнихъ его формъ.

Не изъ первобытнаго коммунизма выростетъ грядущій соціалистическій способъ производства, но изъ капиталистическаго производства, которое само развиваетъ пригодные для него элементы. Оно само, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, создаетъ тѣхъ новыхъ людей, въ которыхъ нуждается новый способъ производства. Оно въ то же время создаетъ и тѣ общественныя организаціи, которыя, подпавъ подъ власть новыхъ людей, образуютъ основанія новаго способа производства.

Соціалистическій способъ производства требуетъ, съ одной стороны, превращенія отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій въ общественныя. Это подготовляется тѣмъ, что, какъ мы видѣли, личность капиталиста становится все болѣе излишней въ хозяйственной области. Съ другой же стороны, соціалистическій способъ производства требуетъ *объединенія* всѣхъ тѣхъ предпріятій, которыя по данному состоянію производства необходимы для удовлетворенія существенныхъ потребностей общества, въ *одну великую ассоціацію*. Мы видѣли въ прошлой главѣ, какимъ образомъ экономическое развитіе ведетъ къ этому преобразованію путемъ растущей концентраціи капиталистическихъ предпріятій въ рукахъ немногочисленныхъ фирмъ.

Но каковы должны быть размѣры такой самодовлѣющей ассоціаціи? Если соціалистическая ассоціація вообще не есть произвольное созданіе фантазіи, но неизбѣжный продуктъ экономическаго развитія, который понять тѣмъ легче, чѣмъ лучше изучено послѣднее, — то и размѣры его столь же мало произвольны и опредѣляются они достигнутой обществомъ ступенью развитія. Чѣмъ далѣе оно подвигается впередъ, чѣмъ глубже идетъ раздѣленіе труда, чѣмъ развитѣе обмѣнъ, тѣмъ обширнѣе должны быть эти размѣры.

200 лѣтъ тому назадъ одинъ благомыслящій англичанинъ, по имени Джонъ Беллерсъ, представилъ англійскому парламенту (въ 1696 г.) проектъ устраненія нищеты, которую уже тогда породилъ капиталистическій способъ производства, какъ ни молодъ онъ былъ въ то время. Беллерсъ требовалъ, чтобы были основаны ассоціаціи, которыя производили бы всѣ нужные имъ самимъ промышленные и земледѣльческіе продукты. По его разсчету, каждая ассоціація потребовала бы не болѣе 2—300 работниковъ.

Въ то время въ промышленности только что прекратилось господство ремесленной формы производства, рядомъ съ которой стала царить капиталистическая мануфактура. О капиталистической фабрикѣ съ машиннымъ производствомъ еще не было и помину.

Столѣтіемъ позже та же идея, значительно углубленная и развитая, была воспринята соціалистическими мыслителями. Но въ то время стали уже проявляться зачатки фабричной системы, ремесло тамъ и сямъ склонялось къ упадку и вся общественная жизнь достигла высшей ступени развитія. Самоудовлетворяющіяся ассоціаціи, которыхъ въ началѣ 19-го вѣка требовали соціалисты для устраненія бѣдствій капиталистическаго строя, предполагались уже въ разъ десять болѣе многолюдными, чѣмъ предлагавшіяся Беллерсомъ (такъ, напримѣръ, фаланстеры Фурье).

Но какъ ни развились экономическія отношенія ко времени Фурье по сравненію съ эпохой Беллерса, уже полувѣкомъ позже они стали казаться

мизерными. Въ своемъ неудержимомъ побѣдномъ шествіи машина перевернула вверхъ дномъ всю хозяйственную жизнь. Она дѣлала капиталистическія предпріятія все болѣе громадными, такъ что иныя изъ нихъ въ скоромъ времени охватили въ своей дѣятельности цѣлыя страны; она поставила также различныя предпріятія одной и той же страны въ все большую зависимость одно отъ другого, такъ что экономически они образуютъ теперь *одно цѣлое;* она все болѣе стремится къ тому, чтобы объединить всю хозяйственную жизнь капиталистическихъ націй въ единой хозяйственной дѣятельности.

Раздѣленіе труда разбивается все болѣе и болѣе; все болѣе отдѣльныя предпріятія посвящаютъ себя производству спеціальныхъ продуктовъ, но уже на весь міръ; все крупнѣе становятся отдѣльныя предпріятія; нѣкоторыя изъ нихъ насчитываютъ рабочихъ тысячами. При такихъ условіяхъ ассоціація, которая можетъ сама покрыть всѣ свои потребности и охватить всѣ предпріятія, потребныя для ихъ удовлетворенія, должна быть гораздо обширнѣе, чѣмъ фаланстеры и соціалистическія колоніи начала 19-го вѣка. Изъ нынѣ существующихъ общественныхъ организацій имѣется только одна, обладающая необходимыми размѣрами, чтобы служить рамкой, въ которой можетъ развиться соціалистическая ассоціація. Это — современное государство.

Болѣе того. Производство отдѣльныхъ предпріятій приняло уже такіе размѣры и экономическая связь между различными капиталистическими націями стала столь тѣсной, что можно даже усомниться, достаточными ли будутъ рамки государства, чтобы охватить соціалистическую ассоціацію. Надо, однако, замѣтить слѣдующее. Современное развитіе международнаго обмѣна обусловлено въ меньшей степени наличными условіями производства, чѣмъ условіями эксплуатаціи. Чѣмъ распространеннѣе капиталистическое производство въ одной странѣ и чѣмъ сильнѣе обусловленная имъ эксплуатація трудящихся классовъ, тѣмъ значительнѣе обыкновенно тотъ избытокъ продуктовъ, который не можетъ быть поглощенъ въ этой же странѣ, а потому долженъ быть вывезенъ. Если у населенія данной страны нѣтъ денегъ, чтобы купить самому всю массу какого либо продукта, произведеннаго имъ, то капиталисты этой страны стараются вывезти этотъ продуктъ, все равно, нуженъ ли онъ населенію, или нѣтъ. Они ищутъ покупателей, а не потребителей. Вотъ почему мы были свидѣтелями того отвратительнаго явленія, что Ирландія вывозила особенно много пшеницы въ голодный годъ; русскимъ капиталистамъ во время голода въ Россіи только воспрещеніемъ вывоза можно было помѣшать вывозить заграницу хлѣбъ.

Когда уничтожится эксплуатація и на мѣсто производства на продажу станетъ производство для собственнаго потребленія, то сильно уменьшится и ввозъ продуктовъ изъ одной страны въ другую.

Впрочемъ, совершенно этотъ обмѣнъ между отдѣльными странами не исчезнетъ. Съ одной стороны, раздѣленіе труда на столько ушло впередъ и область сбыта, необходимая для отдѣльныхъ предпріятій, такъ разрослась, съ другой, благодаря развитію международнаго обмѣна въ современныхъ государствахъ, — развилось такъ много потребностей, — которыя стали необходимыми и могутъ быть удовлетворены только ввозомъ изъ другихъ странахъ (какъ напримѣръ въ Европѣ потребность въ кофе), что представляется невозможнымъ поставить соціалистическія ассоціаціи, даже если онѣ заполнятъ рамки современнаго государства, въ такія условія, чтобы онѣ могли удовлетворять всѣ свои потребности собственнымъ производствомъ. Поэтому, нѣкоторый обмѣнъ товарами между отдѣльными ассоціаціями будетъ продолжаться, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Это, однако, не будетъ угрожать ихъ экономической самостоятельности и прочности, если онѣ будутъ сами производить все необходимое и обмѣниваться только излишкомъ, вродѣ того, какъ это дѣлала первобытная крестьянская семья на первыхъ порахъ товарнаго производства.

Чтобы каждая соціалистическая ассоціація сама производила все ей необходимое, ей достаточно принять размѣры современнаго государства.

Однако, и эти размѣры не представляются чѣмъ либо неизмѣннымъ. Современное государство, какъ мы уже замѣчали, является не болѣе, какъ слѣдствіемъ капиталистическаго способа производства и его орудіемъ. Оно растетъ вмѣстѣ съ нимъ и соотвѣтственно его потребностямъ и растетъ не только въ силѣ, но и въ протяженіи. Внутренній рынокъ, — рынокъ въ предѣлахъ собственнаго государства — является для класса капиталистовъ любой страны самымъ надежнымъ, наиболѣе легко обезпеченнымъ и наиболѣе легко эксплуатируемымъ. Поэтому, по мѣрѣ того, какъ развивается капиталистическій способъ производства, возрастаетъ и стремленіе класса капиталистовъ каждой страны къ расширенію ея границъ. Въ этомъ смыслѣ не вполнѣ не правъ былъ тотъ государственный человѣкъ, который утверждалъ, что современныя войны вытекаютъ уже не изъ *династическихъ*, а изъ *національныхъ* интересовъ: надо только подъ національными интересами разумѣть интересы класса капиталистовъ. Ничѣмъ нельзя такъ задѣть жизненные интересы капиталистовъ какой либо націи, какъ уменьшеніемъ ихъ страны. Пять милліардовъ французская буржуазія давно бы простила Германіи. Но присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи она не можетъ снести.

Всѣ современныя государства заинтересованы въ своемъ расширеніи, всего легче удается оно Соединеннымъ Штатамъ, которые вскорѣ будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи фактически всю Америку, и Англіи, которая, благодаря своему господству на морѣ, непрерывно расширяетъ область своего господства въ заморскихъ колоніяхъ. И Россіи также до сихъ поръ было не трудно расширять свои предѣлы въ извѣстныхъ направленіяхъ.

Хуже всего поставлены въ этомъ отношеніи тѣ государства европейскаго материка, которыя такжъ же, какъ и другія, нуждаются въ постоянномъ расширеніи, но которыя тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ, такъ что ни одно не можетъ расшириться, не раздробивъ владѣній сосѣда. Колоніальная политика этихъ государствъ лишь въ недостаточной мѣрѣ удовлетворяетъ потребность ихъ капиталистическаго производства въ расширеніи. Это одна изъ важнѣйшихъ причинъ милитаризма, того превращенія Европы въ военный лагерь, которое грозитъ раздавить государства нашей части свѣта. Возможны два пути для выхода изъ этого невыносимаго положенія и удовлетворенія потребности нашей хозяйственной жизни въ расширеніи: всемірная война, которая уничтожитъ нѣкоторыя изъ существующихъ европейскихъ государствъ, но разоритъ всѣ; либо соединеніе ихъ въ федерацію государствъ.

Несомнѣнно, что каждое современное государство стремится расшириться соотвѣтственно ходу экономическаго развитія. Послѣднее само, такимъ образомъ, заботится о томъ, чтобы рамки будущихъ соціалистическихъ ассоціацій приняли всюду надлежащіе размѣры.*)

Но современное государство представляетъ собой не только единственную изъ нынѣ существующихъ общественныхъ организацій, которая обладаетъ достаточными размѣрами, чтобы служить рамкой соціалистической ассоціаціи. Современное государство одно только можетъ послужить для нея естественнымъ основаніемъ. Чтобы объяснить это, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе.

4. Экономическое значеніе государства.

Обществу всегда приходилось исполнять нѣкоторыя экономическія функціи. Относительно первобытныхъ коммунистическихъ обществъ, какія мы встрѣчаемъ вездѣ на порогѣ исторіи народовъ, это разумѣется само собой. По мѣрѣ того, какъ развивались обособленное хозяйство мелкихъ

*) Мимоходомъ замѣтимъ, что, такъ какъ экономическое развитіе не можетъ остановиться при соціалистическомъ строѣ, то и размѣры, необходимые для процвѣтанія соціалистической ассоціаціи, должны будутъ расти. Мы твердо убѣждены въ томъ, что отдѣльныя соціалистическія націи въ концѣ концовъ сольются въ одно общество. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ исходнымъ пунктомъ соціалистическихъ общественныхъ формъ, а не съ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ, слѣдовательно, намъ не за чѣмъ вводить въ наши разсужденія всемірную республику.

производителей, частная собственность на средства производства и товарный обмѣнъ, цѣлый рядъ общественныхъ функцій оказывался либо не по силамъ отдѣльнымъ предпріятіямъ, либо слишкомъ важнымъ для того, чтобы быть предоставленнымъ произволу отдѣльныхъ производителей. Наряду съ заботой о подрастающемъ поколѣніи, о бѣдныхъ, больныхъ и старикахъ, на долю общества выпадало регулированіе обмѣна и содѣйствіе ему — проведеніе дорогъ, монетное дѣло, полиція рынковъ — и регулированіе и охраненіе общихъ основныхъ факторовъ производства — лѣсная полиція, регулированіе водяной силы и т. д. Въ средневѣковомъ обществѣ эти задачи падали на марку и различныя развившіяся изъ нея сельскія и городскія общины, равно какъ на церковныя организаціи. Средневѣковое государство очень мало заботилось объ этихъ дѣлахъ.

Перемѣна наступила съ развитіемъ этого государства въ современное государство, бюрократическое и военное, ставшее орудіемъ въ рукахъ класса капиталистовъ, который занялъ мѣсто господствующаго класса рядомъ съ земельнымъ дворянствомъ, оспаривая у него господство, раздѣляя его съ нимъ, а то и совершенно вытѣсняя его съ господствующей позиціи. Какъ и всякое государство, современное государство является орудіемъ классоваго господства. Но оно не могло выполнить своей задачи и удовлетворить потребности класса капиталистовъ безъ того, чтобы не разрушить или не лишить самостоятельности тѣ экономическія организаціи, которыя оно застало и которыя являлись опорнымъ пунктомъ докапиталистическаго хозяйства. Но тѣмъ самымъ оно было вынуждено взять на себя рядъ ихъ функцій.

Но и тамъ, гдѣ государство оставило въ покоѣ средневѣковыя организаціи, онѣ пришли въ упадокъ и оказывались все менѣе способными исполнять всѣ свои функціи. Эти послѣднія становились все болѣе обширными по мѣрѣ развитія капиталистическаго способа производства; онѣ переростали и продолжаютъ перерастать силу отдѣльныхъ организацій внутри государства, такъ что послѣднее, наконецъ, оказывается вынужденнымъ взять на себя и тѣ изъ этихъ функцій, которыя ему вовсе не по душѣ. Такъ, напримѣръ, передача въ руки государства всего школьнаго дѣла и призрѣнія бѣдныхъ стала неотложной необходимостью, которой оно отчасти уже подчинилось. Монетное дѣло перешло къ нему съ самаго начала; охрана лѣсовъ, регулированіе рѣкъ, дорожное дѣло все болѣе переходятъ въ его руки.

Было время, когда классъ капиталистовъ въ сознаніи своей силы вѣрилъ, что сможетъ обойтись безъ экономической дѣятельности государства. Предполагалось, что государство должно ограничиться охраной безопасности въ странѣ и внѣ ея и обузданіемъ пролетаріевъ и иностранныхъ конкуррентовъ; вся же экономическая жизнь должна была быть предоставлена самой себѣ. У класса капиталистовъ были свои основанія желать этого. Какъ ни была велика его сила, государство не всегда было такъ покорно ему, какъ онъ того бы хотѣлъ; государство порой совершенно подпадало вліянію другихъ господствующихъ классовъ и, главнымъ образомъ, земельнаго дворянства. И даже тамъ, гдѣ государственная власть проявила благожелательное отношеніе къ классу капиталистовъ, государственные чиновники, ничего не смыслившіе въ дѣловой жизни, часто оказывались столь же непріятными друзьями, столь же неуклюжими и неловкими, какъ тотъ медвѣдь, который раскроилъ черепъ своему другу-пустыннику, желая прогнать съ его лба муху.

Теченіе, враждебное вмѣшательству государства въ экономическую жизнь, проявилось въ классѣ капиталистовъ именно въ тотъ моментъ, когда начало развиваться соціалистическое рабочее движеніе; сначала это произошло въ Англіи, гдѣ оно было названо „манчестерской школой“, подъ каковымъ именемъ стало извѣстно впослѣдствіи и въ Германіи. Ученіе манчестерства было первымъ идейнымъ орудіемъ, которое классъ капиталистовъ пустилъ въ ходъ противъ соціалистическаго рабочаго

движенія какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи. Нисколько неудивительно, поэтому, что среди соціалистическихъ рабочихъ часто складывалось мнѣніе, что понятія „манчестерецъ“ и капиталистъ или другъ капиталистовъ, съ одной стороны, и понятія: вмѣшательство государства въ экономическія отношенія и соціализмъ, съ другой — суть понятія равнозначущія; не удивительно и то, что рабочіе вѣрили, будто отрицаніе манчестерства есть тѣмъ самымъ отрицаніе капитализма. Но нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго, чѣмъ это предположеніе. Манчестерство было не болѣе, какъ теоріей, которою классъ капиталистовъ пользовался въ подходящихъ случаяхъ противъ рабочихъ, а иногда и противъ правительства; но онъ всегда остерегался послѣдовательно проводить эту теорію. Въ настоящее же время манчестерство уже потеряло почти всякое вліяніе на классъ капиталистовъ.

Послѣдній не только утратилъ ту самоувѣренность, которая была необходимой предпосылкой манчестерства, но и понялъ, что экономическое и политическое развитіе дѣлаетъ необходимымъ переходъ извѣстныхъ экономическихъ функцій въ руки государства.

А эти функціи растутъ со дня на день. Съ одной стороны, все болѣе разростаются тѣ функціи, которыя государство переняло отъ вышеупомянутыхъ организацій — стоитъ вспомнить, напр., современное регулированіе рѣкъ и проведеніе каналовъ —; а, съ другой стороны, капиталистическій способъ производства создаетъ для него такія функціи, о которыхъ общественныя организаціи среднихъ вѣковъ не имѣли и понятія и благодаря которымъ оно вторгается въ самую глубь хозяйственной жизни. Если государственные люди прежнихъ вѣковъ должны были быть преимущественно дипломатами и юристами, то современные должны или, по крайней мѣрѣ, должны были быть политико-экономами. Въ политическихъ дебатахъ нашего времени рѣшающими аргументами служатъ уже не договоры и привилегіи, не источники и прецеденты, но положенія политической экономіи. — Достаточно хотя бы перечислить все то, что нынѣ входитъ въ область политики: банковая политика, колоніальная политика, таможенная политика, желѣзнодорожная политика, соціальная политика и охрана труда, страхованіе рабочихъ, призрѣніе бѣдныхъ и т. д.

Но, сверхъ того, экономическое развитіе побуждаетъ государство, частью въ интересахъ самосохраненія, частью въ цѣляхъ лучшей постановки своихъ функцій или, наконецъ, для увеличенія своихъ доходовъ, сосредоточивать въ своихъ рукахъ все болѣе предпріятій.

Главнымъ источникомъ могущества властителей средневѣковья было ихъ личное или государственное землевладѣніе. Оно было мѣстами сильно увеличено въ 16, 17 и 18 вѣкахъ, благодаря присоединенію церковныхъ и крестьянскихъ владѣній. Съ другой стороны, нужда государей въ деньгахъ вела къ продажѣ коронныхъ имѣній капиталистамъ. Но въ большинствѣ странъ сохранились еще значительные ихъ остатки въ видѣ *государственныхъ доменовъ и рудниковъ*. Развитіе милитаризма прибавило сюда *арсеналы и корабельныя верфи*; развитіе путей сообщенія — *почту, желѣзныя дороги, телеграфы*, наконецъ, ростъ нужды государства въ деньгахъ создалъ монополіи всякаго рода.

Въ началѣ капиталистическаго способа производства, когда нужда государей въ деньгахъ была велика, а ихъ доходъ незначителенъ, они уже пытались оставить за собой производство различныхъ товаровъ, чтобы присвоивать себѣ барыши изъ государственныхъ монополій. Но государственные чиновники оказались плохо приспособленными вести съ выгодой промышленныя предпріятія, и развитіе податнаго дѣла познакомило государство съ болѣе богатыми источниками добыванія денегъ. Къ этому присоединилось еще вліяніе манчестерскихъ теорій, которыя раздѣлялись буржуазными государственными дѣятелями. Считалось грѣховнымъ дѣломъ отнять у капиталистовъ какой-либо случай создать прибыль. Такимъ образомъ, монопольное хозяйство не сдѣлало никакихъ успѣховъ въ теченіе 19-го вѣка до самаго послѣдняго времени, напротивъ, оно даже сильно сократилось.

Только за послѣднія десятилѣтія снова возродилась идея монополіи. Быстро растетъ потребность государства въ деньгахъ и все болѣе необходимо ему отыскивать новые источники дохода. Но прямые и косвенные налоги уже такъ высоки, что съ трудомъ можно ихъ повысить. Монополія же доставляетъ источникъ новыхъ доходовъ. Съ другой стороны, само развитіе капиталистическаго способа производства привело къ тому, что личность капиталиста все болѣе становится излишней, оно само создало цѣлую армію частныхъ служащихъ, взявшую на себя и выполнившую задачи капиталистовъ, оно само привело къ такого рода организаціи большинства капиталистическихъ крупныхъ предпріятій, что они легко могутъ перейти въ безличную собственность.

Такимъ образомъ, условія для прибыльнаго монополизированія какого-нибудь производства складываются теперь гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ 18-омъ столѣтіи и даже въ 19-омъ вплоть до послѣднихъ десятилѣтій. Въ виду этого обстоятельства и растущей нужды государства въ деньгахъ неудивительно, что почти повсюду возрождаются идеи монополіи и что имъ уже удалось одержать кое-какія побѣды. Существуютъ уже монополіи табачная, соляная, водочная, спичечная, и нѣтъ недостатка въ проектахъ дальнѣйшихъ монополій.

Въ то время, какъ, такимъ образомъ, все болѣе развиваются экономическія функціи и экономическое могущество государства, вся хозяйственная жизнь становится, какъ мы видѣли, все болѣе сложной, все болѣе чувствительной, а отдѣльныя капиталистическія предпріятія все болѣе зависимыми одно отъ другого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и ихъ чувствительность и зависимость по отношенію къ величайшему предпріятію класса капиталистовъ — государству. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаются и потрясенія въ области хозяйства, и задача устраненія ихъ возлагается классомъ капиталистовъ опять-таки на государство, какъ на крупнѣйшую экономическую силу современнаго общества. Такимъ образомъ, на долю государства все болѣе выпадаетъ уже въ современномъ обществѣ задача вмѣшиваться въ экономическую дѣятельность въ видахъ регулированія и упорядоченія ея, и все болѣе растутъ тѣ средства, которыми оно располагаетъ для этой цѣли. Экономическое всемогущество государства, которое представляется манчестерцамъ соціалистической утопіей, вырабатывается на ихъ глазахъ, какъ необходимый результатъ капиталистическаго способа производства.

5. Государственный соціализмъ и соціаль-демократія.

Экономическая дѣятельность современнаго государства является тѣмъ естественнымъ исходнымъ пунктомъ, развитіе котораго ведетъ къ соціалистической ассоціаціи.

Это вовсе не значитъ, однако, что всякій переходъ какой-нибудь хозяйственной функціи или какого-нибудь хозяйственнаго предпріятія въ руки государства является шагомъ къ соціалистической ассоціаціи и что послѣдняя сможетъ возникнуть путемъ перехода всего хозяйства въ руки государства безъ измѣненій въ самой сущности послѣдняго.

Этотъ взглядъ — взглядъ такъ называемыхъ государственныхъ соціалистовъ — покоится на непониманіи государства. Современное государство, какъ и всякое вообще, является прежде всего орудіемъ охраненія общихъ интересовъ господствующихъ классовъ. Сущность эта нисколько не измѣняется отъ того, что оно выполняетъ общеполезныя функціи, которыя соотвѣтствуютъ интересамъ не однихъ лишь господствующихъ классовъ, но и всего общества. Такія функціи оно часто беретъ на себя только потому, что пренебреженіе ими грозило бы наравнѣ съ существованіемъ самого общества и господствующимъ классамъ, но ни въ коемъ случаѣ оно не выполняетъ этихъ функцій въ ущербъ высшимъ классамъ, а тѣмъ болѣе въ ущербъ самому ихъ господству.

Когда современное государство беретъ въ свои руки извѣстныя отрасли хозяйства или экономическія функціи, оно это дѣлаетъ не

для того, чтобы ограничить капиталистическую эксплуатацію, но для того, чтобы охранить капиталистическій способъ производства и укрѣпить его, или же, чтобы самому принять участіе въ этой эксплуатаціи, производить классъ увеличить тѣмъ свои доходы и сократить тѣ расходы, которые долженъ капиталистовъ для его сохраненія. А въ качествѣ эксплуататора государство еще превосходитъ частнаго капиталиста, такъ какъ въ его распоряженіи находится, наряду съ экономической силой капитала, еще и политическая — государственной власти.

И какъ было до сихъ поръ, такъ и впредь государство будетъ овладѣвать производствомъ лишь постольку, поскольку это соотвѣтствуетъ интересамъ господствующихъ классовъ. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока *имущіе* классы являются въ то же время и *господствующими*, переходъ въ руки государства хозяйственныхъ предпріятій и функцій никогда не подвинется настолько далеко, чтобы значительно повредить частному капиталу и землевладѣнію, какъ цѣлому, и чтобы ограничить его господство и возможность эксплуатаціи труда.

Только тогда, когда трудящіеся классы станутъ господствующими въ государствѣ, послѣднее перестанетъ быть капиталистическимъ предпріятіемъ; только тогда будетъ возможно преобразованіе его въ соціалистическую ассоціацію.

Пониманіе этого привело къ постановкѣ соціаль-демократіей ея основной задачи: она стремится къ тому, *чтобы трудящіеся классы завоевали политическую власть и, пользуясь ею, превратили государство въ обширную хозяйственную ассоціацію, удовлетворяющую собственными силами свои главныя потребности.*

Намъ ставятъ въ упрекъ, что мы, якобы, умѣемъ только критиковать, но не ставимъ себѣ опредѣленныхъ положительныхъ задачъ, не знаемъ, что́ должно быть поставлено на мѣсто существующаго. Мы же думаемъ, что ни одна другая партія не имѣетъ столь ясной цѣли, какъ именно соціаль-демократія. Да и есть ли у другихъ партій вообще какая-либо цѣль? Всѣ онѣ крѣпко держатся за существующее, хотѣ всѣ онѣ понимаютъ, что оно несостоятельно и невыносимо; ихъ программы не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ кое-какихъ мелкихъ заплатокъ, помощью которыхъ онѣ обѣщаютъ и надѣятся сдѣлать несостоятельное устойчивымъ, невыносимое — сноснымъ.

Напротивъ, соціаль-демократія строитъ свою программу не на обѣщаніяхъ и надеждахъ, а на неумолимой необходимости экономическаго развитія. Кто признаетъ это, долженъ признавать и нашу цѣль. Чтобы доказать ошибочность нашей цѣли, нужно доказать, что наше ученіе объ экономическомъ развитіи несостоятельно, что мелкое производство не замѣняется крупнымъ, что нынѣ все еще производится столько же продуктовъ, какъ и 100—200 лѣтъ назадъ, что всегда было такъ, какъ теперь. Еслибы кто-либо могъ доказать это, онъ, пожалуй, имѣлъ бы право вѣрить, что и впредь все останется въ нынѣшнемъ видѣ. Но тотъ, кто не настолько безуменъ, чтобы вѣрить, будто бы общественный строй былъ всегда однимъ и тѣмъ же, тотъ не можетъ допустить, чтобы нынѣшній строй продолжался вѣчно. Но сможетъ ли какая либо другая партія указать ему, чѣмъ замѣнится, чѣмъ долженъ замѣниться современный строй?

Всѣ другія партіи живутъ только настоящимъ, живутъ со дня на день; соціаль-демократія единственная партія, имѣющая осязательную цѣль для будущаго и сообразующая свое нынѣшнее поведеніе съ этой великой цѣлью. Но другія партіи не могутъ и не хотятъ видѣть этой цѣли, ибо соціаль-демократія можетъ достигнуть ея, только пройдя черезъ эти партіи. И именно потому, что онѣ не могутъ и не хотятъ ея видѣть, именно потому, что онѣ упрямо пялятъ свои глаза въ туманную даль, — именно поэтому онѣ дерзко утверждаютъ, будто бы у насъ нѣтъ никакой опредѣленной цѣли и будто мы хотимъ, устремясь въ туманную даль, уничтожить все сущее.

6. Организація государства будущаго.

Нашей задачей не можетъ быть идти на встрѣчу всѣмъ возраженіямъ, недоразумѣніямъ и искаженіямъ, которыя въ ходу у нашихъ противниковъ въ ихъ борьбѣ съ нами. Тщетно пытаться переубѣдить глупость и злобу. Мы могли-бы писать вплоть до мозолей на пальцахъ и все-бы не покончили съ этимъ дѣломъ.

Мы упомянемъ только объ одномъ возраженіи, ибо поводъ къ нему данъ самими соціалистами. Оно такъ важно, что мы должны разобрать его внимательно. Устраненіе этого возраженія поможетъ тому, чтобы обрисовать еще рельефнѣе точку зрѣнія соціализма и его цѣль.

Наши противники заявляютъ, что соціалистическая ассоціація моглабы считаться осуществимой и стать цѣлью разумныхъ людей въ томъ лишь случаѣ, если бы на лицо былъ ея планъ, тщательно изслѣдованный и найденный полезнымъ и выполнимымъ. Ни одинъ разумный человѣкъ не приступитъ къ стройкѣ дома, прежде чѣмъ у него будетъ его планъ, одобренный свѣдущими людьми. Всего-же менѣе смогъ-бы онъ безъ такого заранѣе выработаннаго плана согласиться разрушить единственное свое жилище, чтобы расчистить мѣсто для этого дома. Поэтому, мы должны прежде всего показать картину „государства будущаго“, какъ принято называть соціалистическую ассоціацію или соціалистическое общество. Если-же мы прячемъ эту картину, то это доказываетъ, что мы сами хорошо не знаемъ, чего мы хотимъ и не вѣримъ въ собственное дѣло.

Все это звучитъ очень убѣдительно, столь убѣдительно, что не только наши противники, но и многіе изъ нашихъ соціалистовъ утверждали необходимость такого плана. И, дѣйствительно, такой планъ слѣдовало считать необходимой предпосылкой новаго строя до тѣхъ поръ, пока мы не знали законовъ общественнаго развитія и вѣрили, что общественныя формы возводятся также произвольно, какъ и дома. И нынѣ еще охотно употребляютъ выраженіе: „соціальное зданіе“.

Вообще, о развитіи общества стали думать только очень недавно. Экономическое развитіе шло въ прежнія времена настолько медленно, что его трудно было замѣтить. Столѣтіями и даже тысячелѣтіями люди пребывали на одной и той же ступени культуры. Орудія крестьянъ въ отсталыхъ странахъ, какъ, напр., въ Россіи, нынѣ еще почти тѣ-же, какія извѣстны намъ для доисторическихъ временъ.

Поэтому, съ точки зрѣнія отдѣльнаго производителя въ прежнія времена данный способъ производства представлялся чѣмъ-то неизмѣннымъ: и дѣдъ и отецъ его производили точно также, какъ самъ онъ, и сыновья и внуки его будутъ производить такимъ же образомъ. Данный общественный строй представлялся неизмѣннымъ, Богомъ созданнымъ и кто прикасался къ нему, былъ безбожникъ. И какъ бы ни были велики перемѣны, производившіяся въ обществѣ войнами и классовой борьбой, онѣ, повидимому, затрагивали только его поверхность. Конечно, война и классовая борьба воздѣйствовали и на основы общества; но эти воздѣйствія оставались незамѣтны для отдѣльнаго наблюдателя — современника этихъ событій.

Наша историческая наука представляетъ все еще, въ сущности, не что иное, какъ болѣе или менѣе правильное комбинированіе дошедшихъ до насъ сообщеній такихъ наблюдателей. Поэтому, она остается на поверхности явленій и хотя тотъ, кто обозрѣваетъ прошлыя тысячелѣтія, могъ бы ясно прослѣдить процессъ общественнаго развитія, наши-то историки его не замѣчаютъ.

Только капиталистическій способъ производства придалъ общественному развитію столь быстрый темпъ, что люди стали отдавать себѣ отчетъ въ этомъ развитіи и размышлять надъ нимъ. Естественно, что причинъ этого развитія они искали сначала на поверхности, а потомъ лишь пошли вглубь. Но тотъ, кто держится лишь поверхности явленій, замѣчаетъ только тѣ движущія силы, которыя *непосредственно* опредѣляютъ собой ходъ общественнаго развитія; а такими силами являются не измѣняющіяся условія производства, но измѣняющіяся идеи людей.

Когда возникалъ капиталистическій способъ производства, онъ создавалъ въ зависящихъ отъ него лицахъ — капиталистахъ, пролетаріяхъ и пр. — новыя потребности, совершенно отличныя отъ потребностей тѣхъ, кто былъ экономически связанъ съ пережитками прежняго феодальнаго способа производства, т. е. крупныхъ землевладѣльцевъ, цеховыхъ ремесленниковъ и т. д. Этому различію потребностей соотвѣтствовало и различіе въ идеяхъ о томъ, что̀ справедливо и что̀ нѣтъ, что̀ необходимо и что̀ излишне, что̀ полезно и что̀ вредно. Чѣмъ болѣе развивался капиталистическій способъ производства и чѣмъ сильнѣе становились классы, принимавшіе въ немъ участіе, тѣмъ болѣе выяснялись и тѣмъ независимѣе становились тѣ идеи, которыя этому способу соотвѣтствовали, тѣмъ болѣе онѣ распространялись и пріобрѣтали вліяніе въ государствѣ, тѣмъ болѣе опредѣляли собою политическую и общественную жизнь, пока, наконецъ, новые общественные классы овладѣли властью въ государствѣ и обществѣ, преобразуя соотвѣтственно своимъ идеямъ и потребностямъ и то, и другое.

Итакъ, мыслителямъ, желавшимъ изучить причины общественнаго развитія, движущей силой прежде всего представлялись идеи людей. Они признавали до извѣстной степени, что эти идеи соотвѣтствуютъ *матерьяльнымъ* потребностямъ; но для нихъ все еще оставалось скрытымъ то, что эти потребности измѣняются и что ихъ измѣненія обусловливаются измѣненіями въ экономическихъ, производственныхъ отношеніяхъ. Они предполагали, что потребности людей — такъ называемая „человѣческая природа“ — остаются неизмѣнными. Поэтому, въ ихъ глазахъ существуетъ всего одинъ лишь „истинный“, „естественный“, „справедливый“ общественный строй, ибо всего лишь одинъ строй можетъ вполнѣ соотвѣтствовать истинной человѣческой природѣ. Всѣ же остальныя общественныя формы суть результаты заблужденій и могли существовать лишь потому, что люди раньше не сознавали что имъ необходимо; а не сознавали этого — какъ думали одни — по причинѣ природной глупости людей, или, согласно утвержденію другихъ, въ силу намѣреннаго одурачиванія со стороны поповъ и царей.

Съ этой точки зрѣнія, развитіе общества является слѣдствіемъ развитія разума, развитія идей. Чѣмъ умнѣе люди, чѣмъ изобрѣтательнѣе въ изысканіи соотвѣтствующихъ природѣ человѣка общественныхъ формъ, тѣмъ справедливѣе и лучше будетъ общество.

Таково было воззрѣніе буржуазныхъ, либеральныхъ мыслителей. Оно господствуетъ и понынѣ тамъ, гдѣ царитъ ихъ вліяніе. Подъ знакомъ этого міровоззрѣнія стояли, естественно, и первые изъ новѣйшихъ соціалистовъ начала 19-го столѣтія. Какъ и либералы, они думали, что учрежденія буржуазнаго общества и буржуазнаго государства выросли изъ чистыхъ идей мыслителей 18-го столѣтія — экономистовъ и просвѣтителей. Но они видѣли, что новое буржуазное общество отнюдь не такъ совершенно, какъ того ожидали философы 18-го вѣка. Слѣдовательно, это общество не представляло собой совершеннаго общества, очевидно, эти мыслители допустили гдѣ-нибудь въ своихъ изслѣдованіяхъ ошибку; надо было вскрыть ее и изобрѣсти новую общественную форму, которая бы лучше соотвѣтствовала человѣческой природѣ, чѣмъ нынѣ существующая. Слѣдовало также тщательнѣе разработать планъ новой общественной постройки, чѣмъ это сдѣлали Кенэ и Адамъ Смитъ, Монтескье и Руссо, для того, чтобы и на этотъ разъ неожиданныя воздѣйствія не смогли испортить всѣхъ разсчетовъ. Это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ отличіе отъ просвѣтителей 18-го вѣка, — соціалисты начала 19-го вѣка не имѣли передъ собой ни такого общественнаго строя, предстоящая гибель котораго была бы очевидна, ни такого могучаго класса, который былъ-бы заинтересованъ въ устраненіи этой общественной формы. Новое общество, бывшее ихъ идеаломъ, имъ приходилось отстаивать не какъ нѣчто *неизбѣжное*, но какъ нѣчто *желательное*. Поэтому, они должны были показать публикѣ свой общественный идеалъ въ самой осязательной формѣ, чтобы у нея глаза разгорѣлись и чтобы никто не могъ сомнѣваться въ возможности и желательности такого строя.

Наши противники въ своемъ пониманіи общества не пошли далѣе той точки зрѣнія, на которой стояла наука въ началѣ прошлаго вѣка; поэтому, соціализмъ они могутъ понимать лишь въ видѣ только-что охарактеризованнаго нами утопическаго соціализма, исходившаго изъ тѣхъ же положеній, изъ какихъ исходятъ они. Наши противники смотрятъ на соціалистическое общество, какъ на какое-то капиталистическое предпріятіе, нѣчто вродѣ акціонернаго общества, которое еще должно быть „учреждено", и отказываются подписаться на его акціи до тѣхъ поръ, пока его учредители Бебель, Зингеръ и Ко., не докажутъ достаточно убѣдительно въ обстоятельномъ проспектѣ выполнимость и доходность новаго предпріятія.

Это возарѣніе могло быть еще оправдано въ началѣ 19-го вѣка. Въ настоящее время для осуществленія соціалистическаго общества вовсе не требуется кредита этихъ господъ.

Капиталистическое общество отживаетъ свое время; его разложеніе является только вопросомъ времени; неудержимое общественное развитіе ведетъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса къ банкротству капиталистическаго способа производства. Теперь образованіе новой общественной формы на мѣсто существующей является уже не только чѣмъ то *желательнымъ*, оно стало уже *неизбѣжнымъ*.

И все многочисленнѣе и могущественнѣе становятся толпы рабочихъ, для которыхъ существующій способъ производства сталъ невыносимъ, которымъ при его паденіи нечего терять и которые все выиграютъ, которые должны ввести соотвѣтствующій ихъ интересамъ общественный строй, чтобы завоевать себѣ вполнѣ человѣческое существованіе.

Все это — не фантазія; все это *доказано* мыслителями соціальдемократіи на основаніи *фактовъ* современнаго способа производства. Эти факты говорятъ болѣе убѣдительнымъ языкомъ, чѣмъ самыя геніальныя и тщательно разработанныя картины будущаго общества. Подобныя картины въ лучшемъ случаѣ могутъ показать, что соціалистическое общество не невозможно; но онѣ никогда не смогутъ исчерпать всей общественной жизни въ ея полнотѣ и всегда оставляютъ пробѣлы, которыми могутъ воспользоваться противники. Между тѣмъ, доказавъ, что данное явленіе *неизбѣжно*, мы докажемъ не только то, что оно *возможно*, но и то, что *оно одно лишь и возможно*. Еслибъ соціалистическое общество было невозможно, то была-бы уничтожена вообще возможность всякаго дальнѣйшаго экономическаго развитія. Въ этомъ случаѣ современному обществу предстояло бы подвергнуться разложенію, какъ это было 2000 лѣтъ тому назадъ съ римской имперіей, чтобы закончить возвращеніемъ къ варварству.

Оставаться при капиталистической цивилизаціи — невозможно; надо выбирать между движеніемъ впередъ къ соціализму, или назадъ — къ варварству.

Въ виду такого положенія дѣлъ не представляется никакой необходимости пытаться склонить нашихъ противниковъ посредствомъ какого-нибудь заманчиваго проекта къ тому, чтобы они подарили намъ свой кредитъ. Тотъ, кого осязательные факты современнаго способа производства не могли убѣдить въ необходимости соціалистическаго общества, останется глухъ ко всякимъ восхваленіямъ такого строя, который еще не существуетъ, который онъ не можетъ ни представить себѣ, ни понять.

Но не только было бы безцѣльно въ настоящее время вырабатывать планъ государства будущаго. Это было бы и несовмѣстимо съ современной научной точкой зрѣнія. Въ теченіе послѣдняго вѣка наряду съ великимъ экономическимъ переворотомъ имѣлъ мѣсто громадный переворотъ и въ области мысли. Проникновеніе въ причины общественнаго прогресса сдѣлало большіе шаги. Уже въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка Марксъ и Энгельсъ показали намъ — а каждый дальнѣйшій успѣхъ въ общественной наукѣ это подтвердилъ, — что въ послѣднемъ счетѣ исторія человѣчества опредѣляется не идеями людей, но экономическимъ развитіемъ, которое движется впередъ безостановочно, слѣдуя опредѣленнымъ законамъ, а не желаніямъ и прихотямъ людей. Мы видѣли въ предыду-

щихъ главахъ, какъ совершается это развитіе, создавая новыя формы производства, несущія съ собой необходимость новыхъ формъ общественности; какъ оно создаетъ новыя потребности, которыя вынуждаютъ людей задуматься надъ своими общественными отношеніями и изобрѣсти средства приспособить общество къ новымъ условіямъ производства. Ибо само собой не совершается это приспособленіе; оно немыслимо безъ посредства человѣческой мысли, — идей. Безъ мышленія, безъ идей, не можетъ быть прогресса. Но идеи являются только посредниками въ дѣлѣ общественнаго прогресса; не ими дается первый толчокъ къ нему, какъ это думали прежде и какъ многіе думаютъ нынѣ, но этотъ толчокъ дается измѣненіемъ экономическихъ отношеній.

Поэтому, не мыслители, не философы опредѣляютъ направленіе общественнаго прогресса; это направленіе дается экономическимъ развитіемъ. Мыслители могутъ *понять* это направленіе; и поймутъ они его тѣмъ лучше, чѣмъ глубже ихъ проникновеніе въ ходъ предыдущаго развитія; но они не могутъ *предписать* его произвольно.

Но и познаніе направленія историческаго прогресса имѣетъ свои границы. Дѣятельность человѣческаго общества крайне сложна и самому тонкому мыслителю невозможно настолько внимательно изслѣдовать всѣ его стороны, настолько точно опредѣлить всѣ дѣйствующія въ немъ силы, чтобы онъ могъ предвидѣть съ увѣренностью, какія общественныя формы создадутся изъ сочетанія и взаимодѣйствія этихъ силъ.

Не слѣдуетъ представлять себѣ возникновеніе новой общественной формы такимъ, примѣрно, образомъ, что отдѣльные особенно проницательные умы набрасываютъ планъ лучшей организаціи общества, постепенно убѣждаютъ другихъ людей въ полезности этого плана и, пріобрѣтя необходимыя для того средства, приступаютъ къ постройкѣ соціальнаго зданія по этому плану.

Нѣтъ, новыя общественныя формы доселѣ являлись всегда результатомъ долгой и полной измѣнчивости борьбы. Боролись эксплуатируемые классы съ эксплуатирующими, реакціонные — съ прогрессивными, революціонными. Въ этой борьбѣ различные классы вступаютъ другъ съ другомъ въ разнообразнѣйшія отношенія для борьбы съ другими, противостоящими имъ классами. Лагерь эксплуатируемыхъ объединялъ порою революціонеровъ и реакціонеровъ; въ лагерѣ революціонеровъ порою соединялись эксплуататоры и эксплуатируемые. Да и въ предѣлахъ отдѣльнаго класса очень часто встрѣчаются различныя направленія въ зависимости отъ различія пониманія, темперамента, жизненнаго положенія отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ слоевъ. Сила каждаго отдѣльнаго класса, наконецъ, была всегда величиной весьма измѣнчивой; онъ подымался или падалъ въ зависимости отъ того, возрастало или убывало его пониманіе фактическихъ отношеній, сплоченность и размѣры его организаціи, и значеніе ихъ въ экономической жизни.

Въ процессѣ перемѣнчивой борьбы этихъ классовъ разлагались мало по малу старыя, становившіяся несостоятельными, общественныя формы, вытѣсняясь новыми. Не всегда то новое, что становилось на мѣсто стараго, было какъ разъ истиннымъ; для послѣдняго нужно было, чтобы революціонные классы владѣли господствомъ и достигли высшей степени сознанія. Гдѣ этого не было и пока этого не было, всегда неизбѣжно дѣлались промахи; часто новое оказывалось вполнѣ или частью столь же несостоятельнымъ, какимъ было отжившее старое. Но чѣмъ сильнѣе было давленіе экономическаго развитія, тѣмъ яснѣе становились его требованія и тѣмъ значительнѣе сила революціонныхъ классовъ, необходимая для ихъ проведенія въ жизнь. Тѣ изъ учрежденій, созданныхъ революціонными классами, которыя противорѣчили требованіямъ экономическаго развитія, приходили къ упадку и скоро забывались; тѣ же, напротивъ, которыя вызывались необходимостью, пускали скоро глубокіе корни и приверженцамъ старины уже нельзя было ихъ уничтожить.

Такъ до сихъ поръ возникала каждая новая общественная форма; такъ называемыя революціонныя эпохи отличались отъ другихъ лишь

тѣмъ, что эти событія разыгрывались гораздо быстрѣе и драматичнѣе, чѣмъ въ обычное время.

Ясно, что общественныя формы возникаютъ на свѣтъ не такъ, какъ архитектурныя постройки. Заранѣе приготовленные планы здѣсь не играютъ роли. Зная это, набрасывать „положительные проекты“ для организаціи государства будущаго — было бы почти столь же полезно и глубокомысленно, какъ, напр., писать наперед исторію какой-нибудь предстоящей войны.

Нельзя сказать, чтобы ходъ развитія не зависѣлъ отъ отдѣльныхъ личностей. Всякій, принимающій участіе въ жизни общества, оказываетъ на нее бо́льшее или меньшее вліяніе. Отдѣльныя личности, которыя особенно выдаются своимъ дарованіемъ или соціальнымъ положеніемъ, могутъ оказывать вліяніе на ходъ вещей въ цѣломъ государствѣ, длящееся цѣлыя десятилѣтія; однѣ изъ нихъ оказываютъ это вліяніе, содѣйствуя прогрессу, поскольку проливаютъ новый свѣтъ на общественныя отношенія или объясняютъ ихъ массамъ, или поскольку организуютъ революціонные классы, сплачиваютъ ихъ силы и работаютъ надъ ихъ цѣлесообразнымъ примѣненіемъ; другія же — задерживаютъ прогрессъ, поскольку работаютъ въ противоположномъ направленіи. Первыя дѣйствуютъ въ сторону ускоренія развитія, умепьшенія тѣхъ страданій и жертвъ, которыя оно несетъ съ собой; послѣднія, стараясь задержать это развитіе, умножаютъ страданія и жертвы. Но измѣнить произвольно самое *направленіе развитія* и точно предсказать тѣ *формы*, которыя оно приметъ, — это не по силамъ никому, ни могущественнѣйшему монарху, ни самому глубокому мыслителю.

Поэтому, какъ нельзя болѣе смѣшно требовать отъ насъ, чтобы мы нарисовали планъ того „государства будущаго“, къ которому мы стремимся. Это требованіе, котораго еще не предъявляли ни одной партіи, такъ смѣхотворно, что не стоило бы тратить на него столько словъ, еслибъ при всей его смѣхотворности оно не представляло собой важнѣйшаго изъ возраженій, которыя намъ дѣлаютъ противники. Другія возраженія еще болѣе смѣшны.

Не было еще во всемірной исторіи такой революціонной партіи, которая могла бы предвидѣть — не говорю уже, произвольно опредѣлить — какія формы приметъ новое общество, къ которому она стремится. Для дѣла прогресса было уже большимъ выигрышемъ, если такая партія могла познать *тенденціи*, которыя вели къ возникновенію этого общества. При наличности этого условія политическая дѣятельность революціонной партіи носила не просто инстинктивный, но *сознательный* характеръ. Бо́льшаго нельзя требовать и отъ соціаль-демократіи.

Между тѣмъ, еще никогда не существовало партіи, которая такъ глубоко изслѣдовала бы и такъ точно выяснила себѣ общественныя тенденціи своей эпохи, какъ это сдѣлала соціаль-демократія.

Это не заслуга партіи, это — ея счастье. Она обязана ему тѣмъ, что опирается на буржуазную политическую экономію, которая впервые предприняла научное изслѣдованіе общественныхъ отношеній и которая помогла революціоннымъ классамъ, низвергнувшимъ феодальный способъ производства, гораздо яснѣе понимать свои общественныя задачи и гораздо менѣе перенести разочарованій, чѣмъ то было съ какимъ-либо другимъ революціоннымъ классомъ въ прошломъ. Но мыслители соціаль-демократіи повели изслѣдованіе общественныхъ отношеній еще дальше, они проникли въ ихъ глубь лучше, чѣмъ предшествовавшіе имъ буржуазные экономисты. „Капиталъ“ Маркса, по общему признанію, сдѣлался краеугольнымъ камнемъ нынѣшней экономической наукн, и насколько „Капиталъ“ выше твореній Кенэ, А. Смита и Рикардо, настолько же глубже пониманіе своихъ задачъ соціаль-демократіей по сравненію съ пониманіемъ, достигнутымъ революціонными классами конца 18-го и начала 19-го вѣка. Если соціаль-демократія отказывается представить на усмотрѣніе почтенной публики набросокъ „государства будущаго“, то буржуазные писатели не имѣютъ основанія смѣяться надъ этимъ и выводить

отсюда, что мы не знаемъ, чего мы хотимъ. Соціаль-демократіи будущее представляется болѣе ясно, чѣмъ оно могло представляться въ свое время провозвѣстникамъ современнаго общественнаго строя — буржуазнымъ экономистамъ.

Мы сказали, что если какой-либо мыслитель можетъ познать *тенденціи* экономическаго развитія своей эпохи, то онъ не можетъ предусмотрѣть тѣ *формы*, въ которыя выльются эти тенденціи. Чтобы доказать справедливость этого положенія, достаточно оглянуться на существующія отношенія. Тенденціи капиталистическаго способа производства одинаковы во всѣхъ тѣхъ странахъ, въ которыхъ онъ господствуетъ, и, тѣмъ не менѣе, какъ различныя государственныя и общественныя формы различныхъ капиталистическихъ странъ, какъ онѣ различаются въ Англіи и Франціи, во Франціи и Германіи и какъ совсѣмъ отличны въ Америкѣ! Историческія тенденціи созданнаго современнымъ способомъ производства рабочаго движенія также повсюду однѣ и тѣ же, формы же, которыя принимаетъ это движеніе, носятъ въ каждой странѣ особый характеръ.

Тенденціи капиталистическаго способа производства въ настоящее время точно извѣстны. И все же никто не можетъ сказать, какія формы онъ приметъ въ 10, 20, 30 лѣтъ — предполагая, что онъ протянетъ еще столько времени. А отъ насъ требуютъ, чтобы мы нарисовали тѣ общественныя формы, которыя еще придутъ на смѣну капитализма!

Но если мы отклоняемъ требованіе набросать планъ „государства будущаго“ и тѣхъ постепенныхъ измѣненій, которыя къ нему ведутъ, то этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы вообще считали безполезнымъ или даже вреднымъ всякое размышленіе о соціалистическомъ обществѣ. Это значило бы вмѣстѣ съ водой выплеснуть изъ ванны ребенка. Безполезно и вредно только сочинять опредѣленные положительные *проэкты* организаціи соціалистическаго общества. Проэкты преобразованія общественныхъ отношеній въ опредѣленномъ направленіи можно составлять только для такихъ областей, которыя вполнѣ можно обозрѣть во времени и въ пространствѣ и подвергнуть нашему воздѣйствію. Поэтому, соціальдемократія можетъ составлять *положительные проэкты* только для нынѣшняго, никакъ не для будущаго. Проекты, идущіе далѣе этого, приходится приноровлять не къ *фактическимъ*, но къ *предполагаемымъ* условіямъ, а это придаетъ имъ характеръ фантазій, въ лучшемъ случаѣ безрезультатныхъ. Если авторъ такого рода проектовъ человѣкъ даровитый и способный оказать вліяніе на умы, это вліяніе можетъ проявляться только въ отклоненіи отъ вѣрнаго пути и въ расточеніи силъ.

Съ такими фантазіями, которыя слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть, не нужно смѣшивать попытки изслѣдовать, какое направленіе примутъ тенденціи экономическаго развитія послѣ того, какъ послѣднее будетъ совершаться на базисѣ соціализма. Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ не объ изобрѣтеніи „рецептовъ для кухни будущаго“, а о научной переработкѣ данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ опредѣленныхъ фактовъ. Изслѣдованія этого рода вовсе не безполезны, ибо чѣмъ яснѣе намъ представляется будущее, тѣмъ цѣлесообразнѣе будемъ примѣнять мы свои силы въ настоящемъ. Наиболѣе значительные мыслители соціальдемократіи производили подобныя изслѣдованія. Въ произведеніяхъ Маркса и Энгельса разсѣяны многочленные результаты такихъ изслѣдованій. Синтетическое изложеніе своихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи далъ намъ Бебель въ своей книгѣ „Женщина и соціализмъ“.

Такую работу лично для себя продѣлалъ, навѣрное, каждый мыслящій соціалистъ, ибо всякій, поставившій себѣ какую-либо великую цѣль, испытываетъ потребность отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она можетъ быть достигнута. Сообразно съ различіемъ въ экономическихъ познаніяхъ, въ жизненномъ положеніи, въ темпераментѣ, въ фантазіи, въ знакомствѣ съ другими, не капиталистическими (особенно коммунистическими) общежитіями, образовались и нашли себѣ выраженіе самыя разнообразныя воззрѣнія въ этой области. Это разнообразіе и

противорѣчивость нисколько не подрываютъ единства и сплоченности соціальдемократіи.

Очертанія того будущаго, которое составляетъ нашу цѣль, представляются неодинаковыми различнымъ мыслителямъ, — важно то, чтобы *направленіе*, въ которомъ виднѣется эта цѣль, было одно и тоже — и притомъ, чтобы это направленіе было вѣрное.

На этомъ мы могли-бы закончить главу, ибо различныя представленія отдѣльныхъ соціальдемократовъ о „государствѣ будущаго“ не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о томъ, *чего хотятъ соціальдемократы*. Чего мы хотимъ — это преобразованія государства въ самоуправляющуюся хозяйственную ассоціацію. По этому вопросу между соціальдемократами нѣтъ разногласій. Какъ разовьется эта ассоціація и какія тенденціи создастъ она — размышлять объ этомъ вовсе не лишнее; но результаты этого размышленія представляютъ частное дѣло отдѣльныхъ лицъ, они не являются дѣломъ партіи, ибо на партійную дѣятельность непосредственнаго вліянія не оказываютъ.

Однако, частью какъ результатъ пережитковъ эпохи утопическаго соціализма, частью какъ изобрѣтеніе невѣжественныхъ литераторовъ, въ публикѣ распространено такое обиліе ошибочныхъ мнѣній о томъ, какъ думаютъ соціальдемократы организовать свое „государство будущаго“, что насъ можно было бы заподозрѣть въ отступленіи, еслибы мы не попытались опровергнуть хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ. Поэтому, хотя изъ предыдущаго каждому здравомыслящему уже должно быть ясно, какъ смотрѣть на „государство будущаго“, мы, тѣмъ не менѣе, покажемъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ, въ какія формы могутъ отлиться въ соціалистическомъ обществѣ тенденціи экономическаго развитія.

7. „Разрушеніе семьи.“

Одинъ изъ распространеннѣйшихъ предразсудковъ противъ соціальдемократіи заключается въ томъ мнѣніи, что она желаетъ уничтожить семью. Мы говорили уже объ этомъ во второй главѣ и можемъ, поэтому, быть теперь краткими.

Объ „уничтоженіи“ семьи, т. е. объ ея отмѣнѣ законодательнымъ путемъ и о насильственномъ ея разрушеніи не думаетъ никто въ партіи. Только самое грубое извращеніе можетъ приписать ей такіе взгляды и только глупецъ можетъ вообразить, будто какая-нибудь форма семьи можетъ быть создана или устранена декретами.

Сущности соціалистическаго производства современная семья вовсе не противорѣчитъ. Поэтому, осуществленіе соціалистическаго общества само по себѣ вовсе не требуетъ разрушенія существующей формы семьи.

Не сущность соціалистическаго производства ведетъ къ разрушенію нынѣшней семьи, а ходъ экономическаго развитія. Мы видѣли уже въ предыдущихъ главахъ, какимъ образомъ разлагается семья *въ наши дни*, какъ мужъ, жена и дѣти отрываются другъ отъ друга и какъ безбрачіе и проституція становятся массовыми явленіями. Соціалистическое общество не задержитъ экономическаго развитія; напротивъ, оно дастъ ему новый толчекъ. По прежнему одна за другой функціи домашняго хозяйства будутъ превращаться въ функціи спеціальныхъ промышленныхъ предпріятій, а женщина изъ работницы въ отдѣльномъ домашнемъ хозяйствѣ въ работницу въ крупномъ производствѣ. Но этотъ переходъ уже не будетъ обозначать для женщины замѣну рабства домашняго рабствомъ наемнаго труда, замѣну той защиты, которую даетъ семья, беззащитнымъ положеніемъ слоевъ пролетаріата. Трудъ въ общественномъ крупномъ производствѣ сдѣлаетъ женщину экономически равноправной съ мужчиной и дастъ ей одинаковое право на участіе въ дѣлахъ общества; женщина станетъ свободной подругой мужчины, освобожденной (эмансипированной) не только отъ рабства домашняго хозяйства, но и отъ рабства капитала. Располагая собой свободно, подобно мужчинѣ, она положитъ конецъ всякой проституціи, какъ законной, такъ и незаконной и впервые во

всемірной исторіи одинаковый для мужчины и женщины моногамный бракъ станетъ дѣйствительнымъ, не на бумагѣ лишь существующимъ учрежденіемъ.

Все это не утопическіе проекты, а научныя положенія, обоснованныя опредѣленными фактами. Тотъ, кто желалъ-бы ихъ опровергнуть, долженъ доказать недѣйствительность нашихъ предпосылокъ. А такъ какъ этого еще не удалось сдѣлать, то господамъ обоего пола, не желающимъ считаться съ этимъ процессомъ развитія, не остается для „опроверженія“ ничего больше, какъ выражать нравственное негодованіе и путемъ лжи и извращеній рисоваться своей собственной высокой нравственностью. Конечно, такими средствами они ни на минуту не задержатъ неизбѣжнаго развитія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что разложеніе традиціонной формы семьи создается не соціальдемократіей и не сущностью соціалистическаго производства, но происходящимъ въ теченіе десятилѣтій на нашихъ глазахъ экономическимъ развитіемъ. Соціалистическое общество не можетъ его задержать, но оно лишитъ это развитіе тѣхъ мучительныхъ и унизительныхъ для личности сторонъ, которыми оно сопровождается неизбѣжно въ капиталистическомъ строѣ. И если послѣдній ведетъ къ разложенію всякихъ семейныхъ узъ, всякихъ упорядоченныхъ брачныхъ отношеній, то въ соціалистическомъ обществѣ разложеніе современной формы будетъ совершаться лишь въ той мѣрѣ, въ какой она будетъ вытѣсняться формой высшей.

Таково отношеніе соціальдемократіи къ вопросу объ уничтоженіи брака и семьи.

8. Конфискація собственности.

Наши противники, которымъ наши стремленія извѣстны лучше, чѣмъ намъ самимъ, и которые имѣютъ возможность гораздо обстоятельнѣе нарисовать наше „государство будущаго“, чѣмъ это могли-бы сдѣлать мы сами, выдумали еще, что соціальдемократія не иначе утвердитъ свое господство, какъ путемъ экспропріаціи (лишенія собственности) ремесленниковъ и крестьянъ, у которыхъ будетъ конфисковано (отнято безъ вознагражденія) все ихъ достояніе — не только ихъ дома и земли, но и необходимое движимимое имущество, равно какъ и вклады въ сберегательныя кассы. На ряду съ мнимымъ нашимъ стремленіемъ насильственно разорвать всякія семейныя узы, — это обвиненіе является однимъ изъ главныхъ средствъ, которыя пускаются въ ходъ противъ насъ.

На это приходится отвѣтить, что сущность соціалистическаго строя отнюдь не требуетъ подобной конфискаціи.

Программа соціаль-демократіи ничего не говоритъ о конфискаціи. И это не умолчаніе, вызванное соображеніемъ о томъ, чтобы не оттолкнуть публику. Дѣло въ томъ, что объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Съ опредѣленностью можно утверждать только одно — что тенденція экономическаго развитія дѣлаетъ необходимымъ переходъ *крупныхъ предпріятій* въ общественную собственность и въ область общественнаго хозяйства. Какимъ путемъ совершится этотъ переходъ, приметъ ли непзбѣжная при этомъ экспропріація характеръ конфискаціи или выкупа, пропзойдетъ ли она мирнымъ путемъ или съ помощью насилія, — на всѣ эти вопросы не сможетъ отвѣтить ни одинъ человѣкъ. Этотъ переходъ можетъ совершиться самымъ различнымъ образомъ подобно тому, какъ и отмѣна феодальныхъ повинностей происходила въ разныхъ странахъ самымъ различнымъ образомъ. Характеръ перехода будетъ зависѣть отъ общихъ условій, въ которыхъ онъ совершится, т. е. отъ силы и проницательности каждаго изъ заинтересованныхъ классовъ, и т. д. — т. е. отъ такихъ условій, которыя нельзя разсчитать напередъ. Въ историческомъ развитіи неожиданности играютъ большую роль.

Само собою разумѣется, что соціаль-демократы желаютъ, чтобы ставшая неизбѣжной экспропріація крупныхъ предпріятій произошла какъ

можно болѣе безболѣзненно, мирно и при всеобщемъ одобреніи. Но историческое развитіе столь-же мало опредѣляется нашими желаніями, какъ и желаніями нашихъ противниковъ.

Ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать, чтобы для проведенія соціальдемократической программы требовалась безусловно конфискація той собственности, экспропріація которой станетъ неизбѣжной.

Но за то можно сказать съ увѣренностью, что экономическое развитіе дѣлаетъ необходимой экспропріацію только одной *части* существующей собственности. Оно требуетъ общественной собственности *на средства производства*, что вовсе не затрагиваетъ частной собственности на *предметы личнаго потребленія*. Это относится не только къ съѣстнымъ припасамъ, мебели и т. п. Вспомнимъ то, что мы говорили въ предыдущей главѣ о сберегательныхъ кассахъ. Онѣ представляютъ собой средство, помощью котораго собственность некапиталистическихъ классовъ передается въ распоряженіе капиталистовъ. Каждое небольшое сбереженіе само по себѣ слишкомъ незначительно, чтобы съ его помощью завести капиталистическое предпріятіе. Путемъ ихъ соединенія получается возможность придать имъ функціи капитала. По мѣрѣ того, какъ будетъ совершаться переходъ капиталистическихъ предпріятій въ собственность общества, сократится возможность получать проценты съ вкладовъ въ сберегательныя кассы. Они потеряютъ свой характеръ *капитала* и станутъ простымъ *безпроцентнымъ вкладомъ* или иначе потребительнымъ фондомъ. Но это превращеніе есть нѣчто отличное отъ *конфискаціи* сбереженій.

Подобная конфискація не только является ненужной по *экономическимъ* основаніямъ, она еще невѣроятна по *политическимъ* соображеніямъ. Маленькія сбереженія принадлежатъ въ бо́льшей своей части эксплуатируемымъ классамъ, тѣмъ классамъ, сила которыхъ только и можетъ осуществить переходъ общества къ соціализму. Надо считать эти классы абсолютно-неразсчетливыми, чтобы повѣрить, что они для того, чтобы взять въ свои руки средства производства, начнутъ съ того, что сами себя лишатъ скопленныхъ ими грошей!

Но переходъ къ соціалистическому производству не только не обусловливаетъ экспропріаціи средствъ потребленія, онъ не требуетъ и экспропріаціи всѣхъ владѣльцевъ *средствъ производства*.

Именно *крупное производство* дѣлаетъ необходимымъ соціалистическій строй. Соціалистическое производство невозможно безъ соціалистической же собственности на средства производства. Но подобно тому, какъ частная собственность на средства производства стоитъ въ противорѣчіи съ коллективнымъ трудомъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, такъ точно и ассоціаціонная или соціалистическая собственность на средства производства противорѣчитъ мелкой формѣ производства.

Послѣдняя, какъ мы видѣли, требуетъ для себя частной собственности. Отмѣна ея для мелкихъ предпріятій была бы тѣмъ болѣе безцѣльной, что, вѣдь, тенденція соціализма ведетъ къ предоставленію работникамъ необходимыхъ имъ средствъ производства. Для мелкихъ предпріятій, поэтому, экспропріація означала бы не что иное, какъ отнятіе средствъ производства у теперешнихъ ихъ владѣльцевъ для того, чтобы имъ же возвратить ихъ обратно. А это было бы безсмыслицей.

Поэтому, переходъ къ соціалистическому обществу отнюдь не требуетъ экспропріаціи мелкихъ ремесленниковъ и мелкихъ крестьянъ. Этотъ переходъ не только ничего ихъ не лишитъ, но принесетъ имъ еще извѣстныя выгоды. Дѣло вотъ въ чемъ. Такъ какъ тенденціей соціалистическаго общества будетъ, какъ мы видѣли, превращеніе товарнаго производства въ производство для собственнаго потребленія, то оно будетъ стремиться также и къ тому, чтобы всѣ уплаты обществу — налоги или, напримѣръ, проценты на перешедшія въ собственность общества гипотеки (поскольку послѣднія не будутъ вовсе уничтожены) — изъ формы денежной перешли въ натуральную — въ видѣ хлѣба, вина, скота и т. д. А это принесетъ крестьянамъ значительное облегченіе. Часто уже теперь они стремятся къ такой замѣнѣ. Но послѣдняя немыслима при господствѣ товарнаго

производства. Только соціалистическое общество можетъ ввести ее и тѣмъ устранить одну изъ главныхъ причинъ разоренія крестьянъ.

Какъ мы видѣли, фактически экспріируютъ крестьянъ и ремесленниковъ сами капиталисты. *Этой экспропріаціи положитъ конецъ соціалистическое общество.*

Конечно, экономическое развитіе не остановится съ введеніемъ соціализма. Напротивъ того, соціализмъ только и дастъ возможность этому развитію идти дальше извѣстнаго предѣла. Какъ и въ современномъ обществѣ, въ соціалистическомъ все болѣе будетъ развиваться крупное производство, поглощая мелкое. Но и въ этомъ отношеніи справедливо то, что мы говорили о бракѣ и семьѣ. Направленіе развитія останется тѣмъ же самымъ, но соціализмъ уничтожитъ всѣ тѣ безобразныя и мучительныя явленія, которыми сопровождается это развитіе въ настоящее время; онъ это сдѣлаетъ тѣмъ, что всѣ выгоды этого развитія предоставитъ въ общее пользованіе.

Въ настоящее время превращеніе крестьянина или ремесленника въ рабочаго въ крупномъ производствѣ означаетъ превращеніе его изъ *собственника* въ *пролетарія.* Напротивъ, въ соціалистическомъ обществѣ крестьянинъ или ремесленникъ, переходящій къ труду въ крупномъ предпріятіи, станетъ участникомъ всѣхъ выгодъ крупнаго производства; его переходъ изъ мелкаго производства въ крупное уже не будетъ превращеніемъ имущаго въ пролетарія, но, напротивъ, превращеніемъ малоимущаго въ многоимущаго.

Самостоятельное мелкое производство неизбѣжно обречено на гибель. Но только соціаль-демократія даетъ возможность крестьянамъ и ремесленникамъ въ ихъ совокупности стать работниками крупнаго производства, не превращаясь въ то же время въ пролетаріевъ. Только въ соціалистическомъ обществѣ ставшее неизбѣжнымъ разложеніе крестьянскаго хозяйства и ремесла означаетъ поднятіе положенія крестьянъ и ремесленниковъ.

Движущей силой экономическаго развитія здѣсь уже не будетъ *конкурренція,* истребляющая отсталыя предпріятія и экспропріирующая ихъ владѣльцевъ, но *сила притяженія,* которою болѣе развитыя предпріятія и формы производства будутъ воздѣйствовать на работающихъ въ болѣе отсталыхъ предпріятіяхъ и формахъ производства.

Этотъ процессъ будетъ не только безболѣзненнымъ, но и совершится гораздо быстрѣе, чѣмъ тотъ, который обусловленъ конкурренціей. Нынѣ, когда введеніе новыхъ, высшихъ формъ производства не можетъ совершиться безъ экспропріаціи собственниковъ отсталыхъ предпріятій, безъ лишеній и страданій громадныхъ рабочихъ массъ, становящихся лишними въ производствѣ, — нынѣ каждый шагъ по пути экономическаго прогресса встрѣчаетъ упорное сопротивленіе. Мы видѣли, какъ упорно держатся еще въ очень многихъ случахъ производители за самыя отсталыя формы производства, какъ отчаянно цѣпляются за нихъ до тѣхъ поръ, пока въ нихъ есть еще капля силы. Еще никогда ни одинъ способъ производства не былъ такъ революціоненъ, какъ нынѣшній; еще ни одинъ способъ производства не произвелъ въ теченіе короткаго времени такихъ гигантскихъ переворотовъ во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, и, тѣмъ не менѣе, какъ много еще сохранились руинъ устарѣлыхъ, пережившихъ себя формъ производства! Въ частности, въ земледѣліи мы видѣли, что, хотя крестьянское хозяйство и падаетъ и подчасъ разлагается, но крупное производство далеко не быстро поглощаетъ его.

Какъ только пропадетъ страхъ вмѣстѣ съ отказомъ отъ самостоятельнаго хозяйства впасть въ пролетаріатъ; какъ только выгоды общественнаго крупнаго производства проявятся для всѣхъ его участниковъ въ самыхъ различныхъ сферахъ; какъ только каждому будетъ предоставлена возможность принять участіе въ этихъ выгодахъ, — одни безумцы станутъ тогда стремиться къ сохраненію устарѣлыхъ формъ производства.

То, что не удалось капиталистическому крупному производству въ теченіе цѣлаго столѣтія, то въ короткое время осуществитъ соціалистическое крупное производство: оно поглотитъ отсталыя мелкія хозяйства и

оно достигнетъ этого безъ экспропріаціи, помощью притягательной силы большей выгодности.

Тамъ, гдѣ крестьянское производство еще не стало производствомъ товарнымъ, но является по преимуществу производствомъ для собственнаго потребленія, тамъ крестьянское хозяйство, быть можетъ, еще въ теченіе нѣкотораго времени будетъ существовать и при соціализмѣ. Но, въ концѣ концовъ, и крестьяне поймутъ выгоды крупнаго соціалистическаго производства.

Переходъ отъ мелкаго производства къ крупному въ сельскомъ хозяйствѣ будетъ ускоряться и облегчаться постепеннымъ уничтоженіемъ противоположности между городомъ и деревней, — той тенденціей къ перенесенію промышленности въ деревню, которая будетъ неизбѣжно свойственна соціалистическому обществу. Къ сожалѣнію, мы должны здѣсь ограничиться этимъ указаніемъ, ибо болѣе подробное изложеніе завело бы насъ слишкомъ далеко.

9. Распредѣленіе продуктовъ въ „государствѣ будущаго".

Мы хотимъ коснуться еще только одного пункта, относящагося къ „государству будущаго", именно того, который кажется важнѣйшимъ изъ всѣхъ. Обыкновенно, первый-же вопросъ, который предлагается соціалисту посторонними, гласитъ такъ: „какъ вы будете дѣлить свои богатства? Неужто каждый будетъ получать тоже и въ томъ же количествѣ, какъ и всякій другой?"

Дѣлежъ! отъ этого слова филистера начинаетъ пробирать дрожь. Всѣ его представленія о соціализмѣ исчерпываются словомъ: „дѣлежка".

Не такъ давно еще самые образованные люди въ Германіи предполагали, что коммунисты желаютъ раздѣлить между всѣмъ народомъ всѣ богатства, существующія въ данной странѣ,

Если этотъ взглядъ могъ такъ упорно держаться вопреки всѣмъ протестамъ соціаль-демократіи, тому виною не одна лишь недобросовѣстность нашихъ противниковъ, но — и, быть можетъ, въ еще большей степени, — ихъ неспособность понять отношенія, созданныя развитіемъ крупной промышленности. Ихъ умственный горизонтъ все еще не идетъ дальше тѣхъ понятій, которыя свойственны мелкому производству. Съ точки зрѣнія этого послѣдняго „дѣлежъ" является единственно возможной формой своего рода соціализма. И, дѣйствительно, дѣлежъ понятіе, очень близкое мелкимъ буржуа и крестьянамъ. Со времени возникновенія товарнаго производства въ древности безчисленное множество разъ случалось, что когда немногія семейства — купцовъ или крупныхъ землевладѣльцевъ — накопляли большія богатства и повергали въ нужду ремесленниковъ или крестьянъ, то эти послѣдніе пытались помочь себѣ тѣмъ, что изгоняли богачей и раздѣляли ихъ собственность. Всего только сто лѣтъ назадъ — во время французской революціи, которая такъ рѣзко подчеркивала право частной собственности, — ремесленники и крестьяне совершали дѣлежъ, напримѣръ, церковныхъ имѣній. *Дѣлежъ — это именно соціализмъ мелкихъ производителей, это соціализмъ „консервативныхъ" слоевъ народовъ — „опоръ государства", — это не есть соціализмъ пролетаріата крупной промышленности.*

Много понадобилось для этого времени, но, наконецъ, все же удалось вдолбить даже въ головы нѣмецкихъ мудрецовъ пониманіе того, что соціаль-демократы вовсе не хотятъ *дѣлить*, но что они, напротивъ, хотятъ *соединить* въ рукахъ общества нынѣ раздѣленныя между многими собственниками средства производства.

Но это еще не устранило вопроса о дѣлежѣ. Если средства производства принадлежатъ обществу, то ему же принадлежитъ распоряженіе продуктами, произведенными помощью этихъ средствъ. Какимъ образомъ будетъ оно ихъ распредѣлять между своими членами? По принципу равенства или же соотвѣтственно труду? А въ послѣднемъ случаѣ будетъ ли одинаково вознаграждаться каждая работа, независимо отъ того, пріят-

ная она или нѣтъ, тяжелая или трудная, требующая предварительныхъ знаній или нѣтъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется сущностью всего соціализма. Не только наши противники всего усерднѣе съ нимъ возятся, но и сами прежніе соціалисты дарили наибольшее вниманіе вопросу о распредѣленіи продуктовъ. Отъ Фурье до Вейтлинга и отъ послѣдняго до Беллами идетъ рядъ различныхъ попытокъ рѣшенія этого вопроса, попытокъ, которыя зачастую свидѣтельствуютъ объ удивительномъ остроуміи. Нѣтъ недостатка и въ „положительныхъ проектахъ“, изъ которыхъ многіе столь же просты, какъ и практичны.

Но вопросъ этотъ, въ сущности, вовсе не такъ важенъ, какъ часто это представляется.

Прежде обыкновенно распредѣленіе продуктовъ разсматривали, какъ нѣчто совершенно независимое отъ производства. И такъ какъ противорѣчія и бѣдствія капиталистическаго способа производства ближайшимъ образомъ выступали въ сферѣ свойственнаго ему способа распредѣленія, то было совершенно естественно, что эксплуатируемые и ихъ друзья видѣли корень всего зла въ „несправедливомъ“ распредѣленіи продуктовъ.

Само собой разумѣется, они — соотвѣтственно тѣмъ воззрѣніямъ, которыя господствовали къ началу 19-го вѣка — полагали что это распредѣленіе является результатомъ господствующихъ идей, понятій о правѣ. Чтобы устранить несправедливое распредѣленіе, надо было, слѣдовательно, придумать лучшее и болѣе справедливое и убѣдить міръ въ его выгодности. Но справедливое не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ противоположностью нынѣшняго. Нынче царитъ самое грубое неравенство. Поэтому — такъ разсуждали одни — принципомъ распредѣленія должно быть поставлено *равенство*. Нынѣ бездѣльникъ утопаетъ въ богатствѣ, а рабочій голодаетъ. Поэтому — говорили другіе — *пусть каждый получаетъ сообразно своей работѣ* (или въ новѣйшей редакціи — *каждому — продуктъ его труда*). Но какъ одна, такъ и другая формула встрѣчала возраженія, а потому возникла третья: *каждому по потребностямъ*.

Съ тѣхъ поръ соціалисты пришли къ убѣжденію, что распредѣленіе продуктовъ въ обществѣ обусловлено не господствующими въ немъ правовыми воззрѣніями и формулами, но господствующимъ способомъ производства. Доля землевладѣльцевъ, капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ въ національномъ продуктѣ опредѣляется въ современномъ обществѣ той ролью, которую въ современномъ способѣ производства играютъ земля, предметы капиталистической собственности и рабочая сила. Конечно, въ соціалистическомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ не будетъ уже совершаться по слѣпо-дѣйствующимъ законамъ, которые проявляются помимо сознанія участниковъ производства. Какъ въ настоящее время въ какомъ-нибудь крупномъ промышленномъ предпріятіи производство и уплата заработка регулируются по заранѣе обдуманному плану, такъ будетъ и въ соціалистическомъ обществѣ, которое есть единое, гигантское промышленное предпріятіе. Правила, на основаніи которыхъ совершается распредѣленіе продуктовъ, будутъ вырабатываться самими участниками. Но не отъ ихъ произвола будетъ зависѣть, какія правила они установятъ: эти правила нельзя будетъ выводить произвольно изъ того или иного принципа; они будутъ опредѣляться фактическими отношеніями, господствующими въ обществѣ, и прежде всего — *производственными* отношеніями.

Такъ, напримѣръ, на способъ распредѣленія продукта труда важнѣйшее вліяніе будетъ оказывать степень производительности труда. Можно представить себѣ, что примѣненіе науки къ промышленности создастъ со временемъ столь высокую производительность труда, что люди будутъ имѣть въ избыткѣ все, что имъ понадобится; тогда и формула: каждому по его потребностямъ“ будетъ проведена въ жизнь легко, почти сама собой. Но и самое глубокое убѣжденіе въ справедливости этой формулы не сможетъ ничего сдѣлать, если производительность труда останется

столь незначительной, что нельзя будетъ безъ чрезмѣрной затраты труда произвести болѣе, чѣмъ необходимо.

Формула: „каждому — продуктъ его труда“, во всякомъ случаѣ, столкнется съ потребностями производства. Если эта формула имѣетъ какой-нибудь смыслъ, она должна предполагать, что весь данный продуктъ общественнаго труда распредѣляется между членами соціалистическаго общества. Это воззрѣніе, также какъ и мнѣніе о великомъ раздѣлѣ, съ котораго, якобы, начнется режимъ соціализма, не выходитъ за предѣлы понятій, порожденныхъ нынѣшнимъ способомъ производства. Дѣлить ежегодно весь продуктъ даннаго года — это значило бы дѣлить не только предметы личнаго *потребленія*, но и предметы, служащіе цѣлямъ производства, произведенные въ теченіе даннаго года, — это значило бы способствовать постепенному возстановленію частной собственности на средства производства.

По самой сущности соціалистическаго производства только *извѣстная часть* выработанныхъ въ теченіе даннаго времени продуктовъ подлежитъ распредѣленію. Всѣ тѣ продукты, которые опредѣлены для продолженія и расширенія производства (равно какъ и для покрытія могущихъ быть убытковъ), не подлежатъ, какъ само собой разумѣется, распредѣленію. То же относится и къ тѣмъ продуктамъ, которые предназначены для *общественнаго потребленія*, т. е. для основанія, поддержанія или расширенія общественныхъ учрежденій съ воспитательными, учебными, лечебными и т. п. цѣлями.

Уже въ современномъ обществѣ постоянно растутъ размѣры и число такихъ учрежденій; и въ этихъ сферахъ крупное производство все болѣе вытѣсняетъ мелкое — въ данномъ случаѣ, домашнее. Разумѣется, въ соціалистическомъ обществѣ развитіе пойдетъ еще сильнѣе въ этомъ направленіи.

Поэтому, число продуктовъ, переходящихъ въ частное владѣніе и предназначенныхъ для единоличнаго пользованія, будетъ въ соціалистическомъ обществѣ *относительно* (по сравненію со всей массой продуктовъ) значительно меньшимъ, чѣмъ въ современномъ обществѣ, гдѣ почти всѣ продукты представляютъ собой товары-предметы частной собственности. Не весь продуктъ, какъ это имѣетъ мѣсто теперь, но лишь его остатокъ будетъ распредѣляться между членами общества.

Но и этимъ остаткомъ соціалистическое общество не сможетъ распоряжаться совершенно произвольно; и въ самомъ распредѣленіи его рѣшающую роль будутъ играть потребности расширенія производства. А такъ какъ производство будетъ постоянно развиваться и преобразовываться, то уже по одной этой причинѣ формы распредѣленія продуктовъ въ соціалистическомъ обществѣ будутъ подвергаться многообразнымъ измѣненіямъ.

Совершенно утопично думать, будто-бы нужно выработать какую-то особенную систему распредѣленія, которая затѣмъ будетъ дѣйствовать на вѣчныя времена. И въ этой области, какъ и во всѣхъ остальныхъ, соціалистическое общество не сдѣлаетъ никакого скачка, а возьметъ за исходный пунктъ то, что застанетъ. На долгія времена распредѣленіе благъ въ соціалистическомъ обществѣ должно будетъ происходить въ такихъ формахъ, которыя будутъ представлять собой дальнѣйшее развитіе нынѣшнихъ формъ *заработной платы*. Оно должно будетъ исходить отъ этихъ формъ. И такъ какъ формы заработной платы не только измѣняются съ теченіемъ времени, но и одновременно являются различными для разныхъ областей, — то возможно, что въ соціалистическомъ обществѣ будутъ имѣть мѣсто самыя разнообразныя формы распредѣленія продуктовъ, — въ зависимости отъ различныхъ традицій и обычаевъ, которые сохранятся въ населеніи, и отъ измѣняющихся потребностей производства. Соціалистическое общество слѣдуетъ представлять себѣ не какъ нѣчто неподвижное, не какъ нѣчто однообразное, но какъ нѣчто постоянно развивающееся и одаренное тѣмъ богатствомъ измѣнчивыхъ формъ, которое естественно создается возрастаніемъ раздѣленія труда, міроваго обмѣна и господства науки и искусства въ обществѣ.

Наряду съ „дѣлежомъ“, наши противники много ломаютъ свои головы надъ вопросомъ о „равенствѣ“. Соціаль-демократы, по ихъ словамъ, „желаютъ, чтобы каждый получалъ равную долю въ общемъ продуктѣ. Стало быть, прилежный будетъ получать столько же, сколько лѣнивый, тяжелая и непріятная работа будетъ оплачиваться не лучше, чѣмъ легкая и пріятная; простой механическій трудъ будетъ приравненъ къ самому искусному творчеству, требующему долголѣтней подготовки и т. д. Разумѣется, при такихъ условіяхъ каждый будетъ трудиться какъ можно меньше, никто не станетъ выполнять тяжелыхъ и непріятныхъ работъ, никто не пожелаетъ учиться чему-нибудь новому и въ результатѣ всего этого наступитъ полное разложеніе общества, возвращеніе къ варварству. Отсюда ясно видна невыполнимость стремленій соціаль-демократіи.“

Послѣ сказаннаго нами выше уже не приходится обстоятельно доказывать, насколько безсмысленно это утвержденіе. Мы не такъ проницательны, какъ наши противники, а потому не можемъ съ тою же опредѣленностью рѣшить вопросъ, декретируетъ ли „государство будущаго“ полное равенство всѣхъ доходовъ, или нѣтъ. Но еслибъ какому-либо соціалистическому обществу и пришло въ голову издать подобное постановленіе, и послѣднее привело бы къ столь точно предусмотрѣннымъ нашими противниками роковымъ послѣдствіямъ, то естественнымъ результатомъ этого было бы то, что пришлось бы отказаться не отъ соціалистическаго производства, а только отъ принципа равенства.

Выводить изъ равенства доходовъ неосуществимость соціалистическаго общества наши противники имѣли бы право лишь въ томъ случаѣ, если-бы имъ удалось доказать: 1) что это равенство ни въ какомъ случаѣ несовмѣстимо съ интересами производства. До сихъ поръ они этого не доказали и никогда не смогутъ доказать, ибо дѣятельность человѣка въ производствѣ зависитъ не только отъ его вознагражденія, но и отъ различнѣйшихъ условій, каковы: чувство долга, честолюбіе, соревнованіе, привычка, привлекательность труда и т. д.; а о томъ, какъ проявятся всѣ эти условія въ будущемъ обществѣ, мы не знаемъ ничего вѣрнаго и можемъ строить лишь предположенія, причемъ предположенія эти говорятъ противъ мнѣнія нашихъ противниковъ. Но наши противники сверхъ того должны были бы еще доказать, во 2) что равенство доходовъ необходимо вытекаетъ изъ сущности соціалистическаго производства, такъ что подобное общество немыслимо безъ этого равенства. Но и этого доказать они не могутъ, ибо бѣглый взглядъ на до сихъ поръ существовавшія различныя формы коммунистическаго производства, — отъ самаго примитивнаго коммунизма самыхъ первобытныхъ дикарей вплоть до сельскихъ и семейныхъ общинъ нашихъ крестьянъ — показываетъ, какія разнообразныя формы распредѣленія продуктовъ соединимы съ общей собственностью на средства производства. Всѣ формы нынѣшней системы вознагражденія — постоянное жалованіе, повременная плата, поштучная плата, преміи за работу, превышающую извѣстную норму, различная оплата различныхъ работъ — всѣ эти формы вознагражденія совмѣстимы — разумѣется, въ соотвѣтственно измѣненномъ видѣ, — съ сущностью соціалистическаго общества и каждая изъ нихъ можетъ, соотвѣтственно различнымъ потребностямъ и привычкамъ членовъ общества и соотвѣтственно потребностямъ производства, играть въ различныхъ обществахъ въ то или иное время болѣе или менѣе видную роль.

Этимъ мы, впрочемъ, не хотимъ сказать, что принципъ *равенства* (которое, однако, не должно непремѣнно означать однообразія) доходовъ или матеріальныхъ условій существованія не будетъ играть въ соціалистическихъ обществахъ извѣстной роли. Но это равенство проявится не какъ цѣль какого-нибудь насильственнаго уравненія, вводимаго путемъ прямого принужденія, а какъ цѣль естественнаго процесса развитія, т. е. какъ *извѣстная тенденція*.

Наши противники стараются сбить съ толку рабочихъ и мелкихъ собственниковъ, увѣряя, что уравненіе доходовъ лишь ухудшило бы ихъ положеніе, ибо общаго дохода зажиточныхъ классовъ не хватило бы —

въ случаѣ дѣлежа — для того, чтобы поднять положеніе бѣдствующихъ классовъ до уровня среднихъ доходовъ рабочаго класса. Поэтому, въ интересахъ „равенства“ лучше оплачиваемымъ рабочимъ и мелкимъ собственникамъ придется пожертвовать долей своего дохода. Отъ соціализма они не выиграютъ, а потеряютъ.

Во всемъ этомъ вѣрно лишь то, что число наиболѣе бѣдныхъ и прежде всего босяковъ (люмпенъ-пролетаріевъ) въ настоящее время столь велико, и такъ велика ихъ нужда, что едва ли было бы достаточно раздѣлить между ними громадные доходы богачей, чтобы создать для нихъ положеніе теперешнихъ лучше оплачиваемыхъ рабочихъ. Вопросъ только, можетъ ли это обстоятельство считаться особеннымъ доводомъ въ пользу сохраненія современнаго прекраснаго общественнаго строя. Намъ думается, что простое смягченіе нужды, которое явилось бы результатомъ такого распредѣленія, означало бы шагъ впередъ.

Но, вѣдь, какъ мы знаемъ, дѣло идетъ не о „дѣлежѣ“, но объ измѣненіи самаго *способа производства. Переходъ отъ капиталистическаго способа производства къ соціалистическому долженъ безусловно создать быстрый ростъ массы ежегодно производимыхъ продуктовъ.* Не забудемъ, что капиталистическое товарное производство стало препятствіемъ на пути экономическаго развитія, препятствіемъ полному развитію производительныхъ силъ современнаго общества. Оно не только не въ состояніи поглощать мелкія предпріятія въ той мѣрѣ, въ какой это позволяетъ и даже требуетъ прогрессъ техники, — оно не можетъ даже занять всѣ наличныя рабочія силы. Оно расточаетъ ихъ, бросая все бо́льшую часть ихъ въ ряды безработныхъ, люмпенъ-пролетаріевъ, тунеядцевъ, непроизводительныхъ посредниковъ въ торговлѣ, и отправляя другую ихъ часть въ постоянныя арміи безъ всякой пользы для производства.

Для всѣхъ этихъ рабочихъ силъ соціалистическое общество нашло бы производительную работу; оно значительно увеличило бы число занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, быть можетъ, удвоило бы ихъ, увеличивъ соотвѣтственно массу годичнаго продукта. Одно уже это увеличеніе производства позволило бы повысить доходы всѣхъ рабочихъ, а не только наиболѣе бѣдныхъ изъ нихъ.

Но переходъ къ соціалистическому производству далъ бы также, какъ мы показали выше, сильный толчокъ поглощенію мелкихъ предпріятій крупными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно повысилъ бы производительность труда вообще. Стало бы возможнымъ не только повысить доходъ рабочихъ, но и сократить рабочее время.

Поэтому, совершенно безсмысленно утвержденіе, будто соціализмъ означаетъ равенство нищенской суммы для всѣхъ. Переходъ къ соціалистическому производству неизбѣжно долженъ будетъ принести съ собой повышеніе благосостоянія *всѣхъ трудящихся классовъ*, а въ томъ числѣ и крестьянъ и мелкихъ производителей. Это повышеніе будетъ бо́льшимъ или меньшимъ, въ зависимости отъ тѣхъ обстоятельствъ и экономическихъ отношеній, при которыхъ произойдетъ этотъ переходъ, но во всякомъ случаѣ оно будетъ *замѣтнымъ*. И каждый дальнѣйшій шагъ по пути экономическаго прогресса будетъ уже вести къ увеличенію общаго благосостоянія.

Къ этому присоединяется еще одна важная сторона превосходства соціалистическаго общества надъ капиталистическимъ. Соціализмъ дастъ не только *повышеніе благосостоянія*, но и такую *обезпеченность существованія*, какой нынѣ не можетъ дать даже величайшее богатство. Если увеличеніе благосостоянія затрагиваетъ только нынѣшнихъ эксплуатируемыхъ, то обезпеченіе существованія будетъ желаннымъ подаркомъ даже для нынѣшнихъ эксплуататоровъ, благосостоянію которыхъ не требуется, а подчасъ и не возможно, возрасти. Необезпеченность тяготѣетъ надъ богатымъ, какъ и надъ бѣднымъ, а она, быть можетъ, мучительнѣе, чѣмъ самая нужда; она даетъ *чувствовать* нужду даже тѣмъ, кто ее не испытываетъ физически, она является призракомъ, который заглядываетъ даже во дворцы.

Всѣмъ изслѣдователямъ, знакомившимся съ коммунистическими общежитіями, каковы, напримѣръ, индійскія или русскія сельскія общины (до ихъ разложенія, обусловленнаго товарнымъ производствомъ, давленіемъ государства, денежнымъ хозяйствомъ и выростающимъ на его почвѣ ростовщичествомъ), прежде всего бросалось въ глаза чувство спокойствія, увѣренности, безмятежности, свойственное всѣмъ его членамъ. Совершенно независимо отъ всѣхъ колебаній товарнаго рынка, имѣя въ своемъ полномъ распоряженіи средства производства, они обходятся собственными силами, регулируютъ трудъ по своимъ потребностямъ и заранѣе знаютъ, чего имъ слѣдуетъ ожидать.

И, тѣмъ не менѣе, далеко не полной была обезпеченность, которую создавали эти первобытныя коммунистическія общества. Ихъ господство надъ природой было невелико, сами общины были незначительны. Убытки, причиненные эпизоотіями, неурожаями, наводненіями и т. п. были нерѣдки, и въ такихъ случаяхъ отъ нихъ страдала вся община. Во сколько же разъ будетъ значительнѣе обезпеченность существованія соціалистическаго общества, имѣющаго размѣры современнаго государства и располагающаго всѣми завоеваніями современной науки!

10. Соціализмъ и свобода.

Что соціалистическое общество доставитъ своимъ членамъ благосостояніе и обезпеченность, — это поняли и признали даже многіе изъ нашихъ противниковъ. Но, — возражаютъ они, — эти выгоды будутъ куплены слишкомъ дорогой цѣной, ибо онѣ будутъ оплачены полной потерей *свободы*. Птица въ клѣткѣ можетъ разсчитывать каждый день на достаточный кормъ; она защищена отъ голода, непогоды и вражескаго нападенія. Но ей не достаетъ свободы, а потому она влачитъ жалкое существованіе, стремится въ міръ опасностей и нужды и рвется въ борьбу за существованіе.

Соціализмъ, утверждаютъ они, уничтожитъ экономическую свободу, свободу труда. Онъ ведетъ къ такому деспотизму, въ сравненіи съ которымъ самый безграничный политическій абсолютизмъ представляетъ свободное состояніе, ибо послѣдній держитъ въ плѣну всего лишь *одну* сторону человѣка, деспотизмъ же соціалистическій — *всего* человѣка.

Страхъ передъ рабствомъ соціализма такъ великъ, что имѣются даже соціалисты, которые его раздѣляютъ. Это — анархисты. Они страшатся коммунизма не менѣе, чѣмъ товарнаго производства, и стараются избѣгнуть опасностей того и другого путемъ совмѣщенія того и другого. Они хотятъ коммунизма съ товарнымъ производствомъ. Въ теоріи это абсурдно, на практикѣ же сводится къ уже характеризованнымъ рабочимъ ассоціаціямъ либеральной „самопомощи“.

Вѣрно, что соціалистическое производство несовмѣстимо съ полной свободой труда, то есть съ свободой работника трудиться, когда, гдѣ и какъ онъ хочетъ. Но такая свобода работника несоединима со всякой совмѣстной работой нѣсколькихъ лицъ, въ какой бы формѣ оно ни происходило, на капиталистической ли основѣ или на почвѣ ассоціаціи. Свобода труда возможна только для *мелкаго производства*, да и для него возможна лишь въ извѣстной мѣрѣ. Даже тамъ, гдѣ мелкое производство свободно отъ всякихъ связывающихъ предписаній — принудительный сѣвооборотъ, цеховое принужденіе, — все же отдѣльный рабочій зависитъ отъ воздѣйствій естественныхъ факторовъ — напримѣръ, крестьянинъ отъ погоды, ремесленникъ отъ состоянія рынка и т. д. Во всякомъ случаѣ мелкое производство дѣлаетъ возможной извѣстную свободу труда и эта свобода представляетъ его идеалъ — самый революціонный изъ тѣхъ идеаловъ, на какіе способенъ мелкій буржуа, котораго горизонтъ ограниченъ мелкимъ производствомъ.

Еще сто лѣтъ тому назадъ, ко времени французской революціи, этотъ идеалъ имѣлъ свои основанія въ экономическихъ условіяхъ. Въ настоящее время онъ потерялъ всякую цѣнность и можетъ держаться еще только

въ головахъ людей, которые не видятъ происшедшей съ тѣхъ поръ экономической революціи. Съ гибелью мелкаго производства неизбѣжно связана и гибель свободы труда. Не соціаль-демократы его уничтожаютъ, ее уничтожаетъ неудержимый прогрессъ крупной промышленности. Именно тѣ, кто всего болѣе твердятъ о свободѣ труда, — капиталисты — всего болѣе содѣйствуютъ ея устраненію.

Свободы нѣтъ не только для фабричнаго труда, но и для всякаго труда, при которомъ личность дѣйствуетъ въ качествѣ простой части крупнаго цѣлаго. Этой свободы не существуетъ для исполнителя детальной работы въ мануфактурѣ и домашней промышленности, но ея нѣтъ и для всѣхъ тѣхъ работниковъ изъ интеллигенціи, которые работаютъ не за собственный счетъ, но въ качествѣ служащихъ въ учрежденіяхъ. Госпитальный врачъ, какъ и школьный учитель, желѣзнодорожный чиновникъ, какъ и журналистъ и т. д. — всѣ они не знаютъ свободы труда, такъ какъ связаны опредѣленными правилами и вынуждены работать въ назначенныхъ имъ мѣстахъ въ опредѣленное время и т. д. И такъ какъ, — какъ выше уже замѣчено, — въ сферѣ умственной дѣятельности крупное производство точно также вытѣсняетъ мелкое, какъ и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, то и для „умственныхъ работниковъ“ уже въ современномъ обществѣ все болѣе и болѣе съуживается свобода труда.

Конечно, при господствѣ капиталистической крупной промышленности работникъ все еще сохраняетъ извѣстную свободу. Если ему не нравится работать въ опредѣленномъ предпріятіи, онъ воленъ искать себѣ работы въ другомъ; онъ можетъ отъ одной службы перейти къ другой. Въ соціалистическомъ же обществѣ всѣ средства производства соединены въ *однихъ рукахъ*, въ немъ имѣется только единственный „работодатель“, котораго невозможно перемѣнить. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи нынѣшній наемный рабочій имѣетъ передъ работникомъ соціалистическаго общества преимущество большей свободы, но послѣднюю все же нельзя назвать свободой труда. Какъ бы часто онъ ни переходилъ изъ одной фабрики въ другую, онъ не найдетъ свободы труда ни въ одной; въ каждой работа отдѣльнаго работника точно опредѣлена и регулирована. Этого требуетъ техническая необходимость.

Свобода, потеря которой грозитъ рабочему при соціалистическомъ производствѣ, не есть свобода труда, но всего лишь свобода самому искать себѣ господина. Въ настоящее время эта свобода имѣетъ свое значеніе: она даетъ рабочему нѣкоторую защиту, какъ это хорошо знаетъ всякій, кто былъ занятъ въ какой либо монополизированной отрасли. Но и эту свободу экономическое развитіе дѣлаетъ все болѣе сомнительной; растущая безработица производитъ то, что число освобождающихся мѣстъ гораздо незначительнѣе, чѣмъ число кандидатовъ на нихъ. Обыкновенно безработный долженъ радоваться, если вообще найдетъ себѣ мѣсто. А растущая концентрація средствъ производства въ немногихъ рукахъ приводитъ къ тому, что, въ концѣ концовъ, рабочій находитъ въ каждомъ предпріятіи того же самаго „работодателя“ или, по крайней мѣрѣ, тѣ же условія труда.

То, что наши противники ославили, какъ злой умыселъ враждебныхъ культуръ и свободѣ соціаль-демократовъ, представляетъ естественную тенденцію экономическаго развитія въ современномъ обществѣ. Это вѣрно и въ данномъ случаѣ, какъ и въ прочихъ.

Не благодаря соціаль-демократіи устраняется свобода выбора работы, также какъ свобода во время самой работы — эта свобода устраняется ходомъ экономическаго развитія. Соціаль-демокрвтія не хочетъ, да и не могла бы задержать это развитіе, но, какъ мы уже видѣли по отношенію къ другимъ вопросамъ, и въ этомъ отношеніи она придастъ этому развитію другой, болѣе благопріятный для рабочихъ, видъ. Не въ ея власти устранить зависимость работника отъ хозяйственнаго цѣлаго, въ которомъ онъ образуетъ одно изъ колесъ, но на мѣсто зависимости рабочаго отъ капиталиста, котораго интересы враждебны его собственнымъ, она поста-

витъ зависимость его отъ общества, членомъ котораго онъ является, отъ общества равноправныхъ товарищей, имѣющихъ одни и тѣ же интересы.

Такая зависимость можетъ показаться невыносимой какому нибудь либеральному адвокату или литератору, но она не покажется такою современному пролетарію, какъ свидѣтельствуетъ *профессіональное движеніе.* Профессіональные союзы даютъ намъ уже картину той „тираніи соціалистическаго государства", о которой толкуютъ наши противники. Въ нихъ уже теперь точнѣйшимъ и строжайшимъ образомъ регулируются условія труда отдѣльнаго члена, но до сихъ поръ ни одному члену подобныхъ обществъ не приходило въ голову усмотрѣть въ этомъ невыносимое умаленіе его личной свободы. Если кто признавалъ необходимымъ, въ виду этого „терроризма" защищать „свободу труда", — зачастую силой оружія, съ пролитіемъ крови, — то отнюдь не рабочіе, а ихъ эксплуататоры. Бѣдная свобода, которая не встрѣчаетъ нынѣ иныхъ защитниковъ, кромѣ рабовладѣльцевъ!

Но несвобода труда не только потеряетъ въ соціалистическомъ обществѣ свой нынѣшній характеръ угнетенія, — она станетъ еще и *основаніемъ для высшей свободы*, какая до сихъ поръ была возможна въ человѣческомъ мірѣ.

Это кажется противорѣчіемъ. Но противорѣчіе это мнимое.

Вплоть до возникновенія крупной промышленности трудъ для добыванія и обработки необходимыхъ для жизни продуктовъ, производительный трудъ поглощалъ всѣ силы занятыхъ имъ лицъ; онъ требовалъ напряженія всѣхъ силъ, не только тѣлесныхъ, но и духовныхъ. Это справедливо не только по отношенію къ охотнику и рыболову, но и къ крестьянину, ремесленнику и купцу: жизнь производителя почти исчерпывалась его промысловой дѣятельностью. Именно трудъ закалялъ его чувства и нервы, развивалъ изобрѣтательность его ума и жажду знанія. Но чѣмъ болѣе развивалось раздѣленіе труда, тѣмъ одностороннѣе должно оно было дѣлать производителя. Тѣло и духъ его уже не упражнялись въ самыхъ различныхъ областяхъ, уже не развивались всесторонне. Занятые всецѣло данной детальной работой, производители утрачивали способность къ пониманію окружавшихъ ихъ явленій въ цѣломъ. Гармоническое, всестороннее развитіе духовныхъ и физическихъ силъ, внимательное изученіе обществъ и природы, философское мышленіе, т. е. искапіе высшихъ истинъ ради нихъ самихъ, — все это при такихъ обстоятельствахъ могло быть удѣломъ лишь тѣхъ, которые оставались свободными отъ производительнаго труда. Вплоть до возникновенія машиннаго производства это было возможно только путемъ сваливанія работъ на другихъ, т. е. только при помощи *эксплуатаціи.*

Образцомъ идеалистическаго и философскаго поколѣнія, какое когда либо знала исторія, единственнымъ примѣромъ общества мыслителей и художниковъ, служившихъ наукѣ и искусству ради нихъ самихъ, являлась рабовладѣльческая аѳинская земельная аристократія. Трудъ — не только рабскій трудъ, но и трудъ *свободный* — считался у нея чѣмъ то унизительнымъ, и не безъ основанія. Не были надменнымъ преувеличеніемъ слова Сократа: „Лавочникамъ и ремесленникамъ не хватаетъ образованія уже по недостатку досуга, безъ котораго невозможно хорошее воспитаніе. *Они учатся лишь тому, что требуетъ ихъ профессія,* наука сама по себѣ не имѣетъ для нихъ никакой прелести. Такъ, ариѳметику они изучаютъ лишь ради торговли, а не для того, чтобы ознакомиться съ природой чиселъ. Они не способны стремиться къ чему либо высшему. Промышленникъ говоритъ: удовольствіе, доставляемое славой и наукой, не имѣетъ цѣнности по сравненію съ денежнымъ барышемъ. Какъ бы ни были искусны въ своемъ ремеслѣ кузнецы, плотники и сапожники, они въ большинствѣ рабскія души, они не знаютъ, что есть красота, добро и справедливость." Съ тѣхъ поръ экономическое развитіе подвинулось впередъ, раздѣленіе труда достигло невѣроятной высоты, а господство товарнаго производства ввело эксплуататоровъ и образованныхъ людей въ сферу промышленности. Подобно ремесленникамъ и крестьянамъ въ наши

дни богатые люди совершенно поглощены своей промышленной дѣятельностью. Не въ гимназіяхъ и академіяхъ собираются они, но на биржахъ и рынкахъ; спекуляціи, которыя ихъ занимаютъ, относятся не къ понятіямъ объ истинѣ и справедливости, но къ шерсти, водкѣ, русскимъ займамъ и португальскимъ купонамъ. Ихъ духовныя силы истощаются этими спекуляціями. Послѣ своей „работы“ они находятъ въ себѣ силы и интересъ лишь для возможно легкихъ удовольствій.

Что же касается людей образованныхъ, то для нихъ, какъ мы видѣли, образованіе стало товаромъ. И у нихъ нѣтъ ни времени, ни стремленія къ безкорыстному исканію истины, къ идеалу. Каждый зарывается въ свою спеціальность и считаетъ потерянной каждую минуту, отданную имъ на изученіе чего нибудь, что онъ не можетъ примѣнить на практикѣ. Отсюда нынѣшнее стремленіе изгнать изъ среднихъ учебныхъ заведеній латынь и греческій. Противъ нихъ говорятъ не столько педагогическія соображенія, сколько стремленіе ограничить воспитаніе молодежи изученіемъ того только, что сможетъ когда нибудь ей „пригодиться“, т. е. быть обращеннымъ въ деньги.

И у людей науки, какъ и у людей искусства, точно также утрачивается стремленіе къ цѣлостности, къ всестороннему, гармоническому развитію. Повсюду только односторонняя спеціализація. Наука и искусство опускаются до ремесла. Къ нимъ примѣнимо то, что Сократъ говорилъ о ремесленныхъ занятіяхъ. Философскій духъ угасаетъ, — т. е. угасаетъ среди упомянутыхъ классовъ.

Но съ теченіемъ времени возникъ новый видъ труда, трудъ при машинѣ, и новый классъ — пролетаріатъ.

Машина лишаетъ трудъ всякаго духовнаго содержанія. Работнику при машинѣ не требуется размышлять, его дѣло — пассивно подчиняться машинѣ. Она предписываетъ, что ему дѣлать, онъ становится придаткомъ къ ней.

То же, что и съ трудомъ при машинѣ, — хотя обыкновенно и въ меньшей степени — происходитъ и съ детальной работой въ мануфактурѣ и домашней промышленности. Разложеніе труда ремесленника, создающаго нѣчто цѣльное, на рядъ детальныхъ работъ, изъ которыхъ каждая — посредствомъ одной или нѣсколькихъ операцій — создаетъ лишь часть цѣлаго продукта, составляетъ, какъ извѣстно, введеніе къ машинизму.

Первымъ слѣдствіемъ однотонности и безъидейности работъ для пролетарія является видимое угасеніе его духа.

Но дальнѣйшій результатъ состоитъ въ томъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ возмущеніе противъ чрезмѣрной продолжительности труда. Для него работа уже не тождественна съ жизнью. Жизнь для него начинается лишь тогда, когда работа пришла къ концу. Когда для работника работа и жизнь сливаются воедино, то и *свобода труда* для него обозначаетъ *свободную жизнь*. Но тотъ работникъ, который живетъ лишь, когда не работаетъ, можетъ достигнуть *свободной жизни* лишь посредствомъ *освобожденія отъ работы*. Разумѣется, стремленіе этой категоріи рабочихъ не можетъ идти до требованія освобожденія отъ всякой работы. Вѣдь, трудъ есть необходимая предпосылка жизни. Но ихъ стремленія неизбѣжно направляются къ такому ограниченію необходимой работы, при которомъ останется время для жизни.

Эти стремленія представляютъ одно изъ самыхъ прочныхъ основаній борьбы современныхъ пролетаріевъ за сокращеніе рабочаго времени; борьбы, передъ которой крестьяне и ремесленники стараго толка стоятъ въ недоумѣніи. Это не борьба за мелкія экономическія выгоды, какъ, напримѣръ, за повышеніе платы, за уменьшеніе числа безработныхъ; всѣ эти цѣли играютъ свою роль въ борьбѣ за рабочее время, но въ основѣ своей эта борьба есть *борьба за жизнь*.

Между тѣмъ, изъ того факта, что машина лишила трудъ его духовнаго содержанія, вытекаетъ еще одно слѣдствіе: духовныя силы пролетарія не истощаются, подобно силамъ другихъ производителей, отъ производительной дѣятельности; онѣ спятъ въ теченіе этой дѣятельности. Тѣмъ

сильнѣе стремленіе пролетаріевъ къ проявленію своей духовной жизни внѣ работы, если послѣдняя хоть сколько-нибудь позволяетъ это. Одно изъ самыхъ характерныхъ явленій современнаго общества, — это жажда знаній у пролетаріата. Въ то время, какъ всѣ другіе классы стараются убить свой досугъ, насколько только возможно безъидейно, пролетаріатъ съ истинной жадностью стремится къ образованію. Лишь тотъ, кто имѣлъ случай дѣйствовать среди пролетаріевъ, можетъ вполнѣ измѣрить силу этого стремленія къ знанію и просвѣщенію. Но ее можетъ представить себѣ и посторонній, если сравнитъ газеты и брошюры рабочихъ съ той литературой, которая въ ходу среди другихъ классовъ общества.

И это стремленіе къ знанію вполнѣ безкорыстно. Работнику при машинѣ знаніе не можетъ помочь повысить доходъ. Если онъ ищетъ истины, то ищетъ ее ради ея самой, не ради какой-либо матеріальной выгоды. Поэтому онъ не ограничивается какой-нибудь частной, узкой областью; взоръ его обращенъ къ цѣлому; онъ хочетъ понять все общество, весь міръ. Самыя трудныя задачи привлекаютъ его болѣе всего, съ особенной любовью онъ обращается къ вопросамъ философіи, метафизики и часто трудно бываетъ свести его обратно съ небесъ на землю.

Не обладаніе знаніемъ, но стремленіе къ нему дѣлаетъ философа. Въ презрѣнныхъ, невѣжественныхъ пролетаріяхъ вновь возрождается философскій духъ блестящихъ мыслителей аѳинской аристократіи. Но свободное развитіе этого духа невозможно въ современномъ обществѣ. Вѣдь, пролетаріи не имѣютъ средствъ учиться; не подготовленные къ систематическому изученію, они предоставлены всѣмъ случайностямъ и трудностямъ безсистемнаго самообразованія и, прежде всего, они не имѣютъ достаточнаго досуга: наука и искусства остаются для нихъ обѣтованной страной, на которую они смотрятъ издалека, за обладаніе которой они борятся, но въ которую они не могутъ вступить.

Только побѣда соціализма откроетъ пролетаріату всѣ источники образованія; только побѣда соціализма сдѣлаетъ для него возможнымъ сократить время труда, необходимаго для поддержанія жизни настолько, что рабочему будетъ данъ нужный досугъ для того, чтобы пріобрѣсти достаточное знаніе. Капиталистическій способъ производства пробуждаетъ въ пролетаріяхъ жажду знанія, но только соціалистическій способъ производства можетъ ее утолить.

Не свобода труда, но освобожденіе отъ труда, которое станетъ вполнѣ возможнымъ, благодаря машинизму въ соціалистическомъ обществѣ, принесетъ человѣчеству *радость бытія, свободу художественной и научной дѣятельности, свободу благороднѣйшаго наслажденія.*

То счастливое гармоническое образованіе, которое всего лишь однажды до сихъ поръ встрѣчалось въ міровой исторіи, какъ привилегія маленькой кучки избранныхъ аристократовъ, станетъ общимъ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; что́ для первыхъ дѣлали рабы, то для послѣднихъ сдѣлаютъ машины, и они испытаютъ всѣ благотворныя вліянія освобожденія отъ производительнаго труда, не испытывая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣхъ его вредныхъ вліяній, посредствомъ которыхъ рабовладѣніе въ концѣ концовъ привело къ вырожденію аѳинской аристократіи. И насколько современныя средства науки и искусства могущественнѣе тѣхъ, которыя были извѣстны 2 тысячи лѣтъ назадъ; насколько современный культурный міръ превосходитъ маленькую Грецію, настолько же и соціалистическое общество будетъ превосходить нравственнымъ величіемъ и матеріальнымъ благосостояніемъ самое блестящее общество, какое только извѣстно исторіи.

Счастливъ тотъ, кому выпадетъ на долю приложить свои силы къ дѣлу борьбы за осуществленіе этого прекраснаго идеала!

V.

Классовая борьба.

1. Соціализмъ и имущіе классы.

Какъ было подробно показано выше, замѣна капиталистическаго производства соціалистическимъ отвѣчаетъ интересамъ не однихъ неимущихъ и эксплуатируемыхъ, а всего общественнаго развитія, т. е., въ извѣстномъ смыслѣ, и интересамъ самихъ имущихъ и эксплуататоровъ. Отъ противорѣчій современнаго способа производства страдаютъ и они: одни изнываютъ отъ бездѣлья, другіе губятъ силы въ неустанной погонѣ за наживой, и надъ всѣми вѣчно виситъ дамокловъ мечъ банкротства, низверженія въ ряды пролетаріевъ.

Но оглянитесь вокругъ себя — и вы убѣдитесь, что огромное большинство имущихъ и эксплуататоровъ относится къ соціализму не только недовѣрчиво и подозрительно, а крайне враждебно.

Нельзя предположить, чтобы одно незнаніе или недостаточная вдумчивость были тому причиной. Запѣвалами у противниковъ соціализма являются какъ разъ тѣ, кому по самому положенію ихъ въ государствѣ, обществѣ или наукѣ всего легче понять общественныя отношенія въ ихъ цѣломъ и разглядѣть направленіе общественнаго развитія. А состояніе общества настолько вопіюще, что никто уже изъ людей, серьезно занимающихся политикой или наукой, не рѣшается болѣе отрицать правильности соціалистической критики. Просвѣщеннѣйшіе люди всѣхъ несоціалистическихъ партій признаютъ, наоборотъ, что она заключаетъ въ себѣ „зерно правды“. Нѣкоторые объявляютъ даже побѣду соціализма неизбѣжной, — правда, лишь въ томъ случаѣ, если общество не поспѣшитъ исправиться, что вовсе не трудно сдѣлать — стоитъ только удовлетворить спеціальныя вожделѣнія той партіи, къ которой принадлежитъ совѣтчикъ.

Такимъ образомъ, отдѣлываются посредствомъ логическаго скачка отъ выводовъ, вытекающихъ изъ соціалистической критики, даже тѣ изъ сторонниковъ несоціалистическихъ партій, которые всего лучше понимаютъ эту критику.

Причину этого страннаго явленія найти нетрудно.

Дѣло въ томъ, что, если нѣкоторые значительные интересы самихъ собственниковъ говорятъ противъ частной собственности на средства производства, то другіе гораздо болѣе близкіе и понятные интересы этихъ людей требуютъ, наоборотъ, ея сохраненія.

Само собой понятно, что прежде всего это относится къ крупнымъ собственникамъ, къ *богачамъ*. Непосредственныхъ выгодъ отъ уничтоженія частной собственности на средства производства они не получатъ; благотворныя для общества послѣдствія этого уничтоженія, конечно, принесутъ и имъ пользу, но она сравнительно далека, ущербъ-же заранѣе ясенъ какъ на ладони: помимо утраты власти и почета кое-кому изъ богатыхъ придется, пожалуй, испытать еще и уменьшеніе комфорта — въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ совершится соціальная революція.

Другое дѣло низшіе, эксплуатируемые слои собственниковъ — мелкіе ремесленники, мелкіе крестьяне и т. д. Имъ нечего бояться за вліяніе или почетъ, а ихъ житейская обстановка отъ введенія и развитія соціалистическаго способа производства можетъ только выиграть. Но чтобы

понять это, имъ нужно выйти за предѣлы кругозора своего класса. Съ ограниченной точки зрѣнія мѣщанина или мелкаго крестьянина непонятенъ и капиталистическій способъ производства, послѣдствія котораго они испытываютъ на собственной шкурѣ, но еще непонятнѣе современный соціализмъ. А что для нихъ само собою разумѣется, такъ это необходимость ихъ частной собственности на тѣ средства производства, которыми они владѣютъ.

Пока ремесленникъ чувствуетъ себя ремесленникомъ, крестьянинъ — крестьяниномъ, мелкій торговецъ — мелкимъ торговцемъ, пока ихъ классовое сознаніе сильно, они цѣпляются за частную собственность на средства производства, и недоступны соціализму какъ бы плохо ни жилось имъ.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы видѣли, какъ частная собственность на средства производства приковываетъ гибнущихъ мѣщанъ и мелкихъ крестьянъ къ ихъ отсталому хозяйству, даже въ томъ случаѣ, когда оно перестаетъ обезпечивать имъ сколько-нибудь сносное существованіе, и ихъ положеніе могло-бы только улучшиться, сдѣлайся они наемными рабочими. Такъ власть частной собственности приковываетъ къ нынѣшнему способу производства всѣ классы собственниковъ, даже эксплуатируемые, даже тѣ, чье имущество представляетъ лишь злую каррикатуру понятія „собственности“.

Среди мелкихъ буржуа и мелкихъ крестьянъ только тѣ и способны обратиться къ соціализму, которые уже отчаялись въ будущности своего класса, и свыклись съ мыслью о гибели тѣмъ формъ производства, отъ которыхъ зависитъ и ихъ промыслъ. Но невѣжество и узость кругозора — естественныя послѣдствія условій существованія мелкой буржуазіи и крестьянъ — сильно мѣшаютъ имъ сознать всю безнадежность своего классоваго положенія. Нужда и судорожные поиски средствъ выбиться изъ нея до сихъ поръ чаще всего дѣлали ихъ легкой добычей всякаго рода нахальныхъ демагоговъ, не скупившихся на блестящія обѣщанія.

Средніе слои собственническихъ классовъ образованнѣе, въ ихъ средѣ чаще встрѣчается болѣе широкій кругозоръ. Кое въ комъ изъ образованныхъ людей еще замѣчаются остатки стараго идеализма временъ просвѣщенія и революціонной борьбы поднимавшейся буржуазіи. Но горе тому буржуа, который заинтересуется соціализмомъ и станетъ работать для него! Ему скоро придется выбирать между своими идеями и своими общественными связями, которыя, правда, стѣсняютъ его, но въ то же время и поддерживаютъ. Немногіе обладаютъ достаточнымъ мужествомъ и самостоятельностью, чтобы дойти до такого выбора, и только небольшая доля этихъ немногихъ въ силахъ рѣшительно порвать со своимъ классомъ. Но и изъ этихъ избранныхъ большинство скоро утомляется, „умнѣетъ“ и смотритъ свысока на свои „юношескія увлеченія“. Въ средѣ зажиточной буржуазіи только *идеалисты* и могутъ становиться на сторону соціализма. Но огромное большинство этихъ идеалистовъ, дойдя до болѣе глубокаго пониманія общественныхъ отношеній и пораждаемыхъ ими задачъ, бьется въ безплодныхъ поискахъ „мирнаго“ рѣшенія „соціальнаго вопроса“, такого рѣшенія, которое примирило-бы требованія ихъ болѣе или менѣе соціалистическаго сознанія и совѣсти съ классовыми интересами буржуазіи; иначе говоря, они ищутъ мокраго огня или горящей воды. Только тѣ изъ буржуазныхъ идеалистовъ и становятся истинными соціалистами, которые не довольствуются необходимымъ для этого теоретическимъ сознаніемъ, но, порвавъ внутренно съ буржуазіей, не останавливаются и предъ внѣшнимъ разрывомъ съ нею.

Итакъ, отъ имущихъ классовъ дѣлу соціализма ждать нечего. Единичные члены этихъ классовъ могутъ становиться на его сторону, но въ этомъ случаѣ по своему сознанію они уже не принадлежатъ къ классу, въ которомъ числятся по своему экономическому положенію. Такихъ всегда будетъ ничтожное меньшинство, исключая революціонный періодъ, когда вѣсы начнутъ видимо склоняться на сторону соціализма. Тогда несомнѣнно ряды подъ знаменами имущихъ классовъ сильно порѣдѣютъ. Пока же единственной плодотворной почвой для вербованія соціалистической

арміи были и остаются не тѣ классы, которымъ еще есть что терять, какъ бы мало ни было это нѣчто, а тѣ, которымъ „нечего терять кромѣ своихъ цѣпей, завоюютъ же они весь міръ“.

2. Подмастерья и прислуга.

Далеко не всѣ слои неимущихъ представляютъ, однако, благодарную почву для соціаль-демократической вербовки.

Мы не можемъ, конечно, излагать здѣсь естественной исторіи пролетаріата; ея важнѣйшіе пункты мы уже отмѣтили во II-ой главѣ, говоря о роли пролетаріата въ современномъ способѣ производства. Ограничимся лишь нѣсколькими дополнительными замѣчаніями, необходимыми для выясненія роли различныхъ слоевъ пролетаріата въ экономической и политической борьбѣ нашего времени.

Мы уже знаемъ, что хотя излюбленное филистерское изрѣченіе, будто всегда были бѣдные, и лживо, тѣмъ не менѣе приходится признать, что бѣдность такъ же стара, какъ старо товарное производство. Правда, въ прежнія времена она обыкновенно составляла лишь единичное явленіе. Въ средніе вѣка, напримѣръ, число тѣхъ, кто не имѣлъ средствъ для самостоятельнаго производства, было невелико, и большинству изъ нихъ легко было поступить въ какую-нибудь имущую семью въ качествѣ помощниковъ, подмастерьевъ, рабочихъ, прислуги; въ большинствѣ случаевъ это были молодые люди, которымъ еще улыбалась надежда завести со временемъ собственное производство и зажить своимъ домкомъ. Работать во всякомъ случаѣ имъ приходилось вмѣстѣ съ хозяйномъ или хозяйкой и за общимъ столомъ пользоваться вмѣстѣ съ ними плодами своихъ трудовъ. Въ качествѣ членовъ хозяйской семьи они не были пролетаріями, они чувствовали себя участниками ея благосостоянія и страдали, когда послѣднее страдало. Кое-гдѣ въ глухихъ мѣстахъ еще и до сихъ поръ уцѣлѣли подобныя патріархальныя отношенія. Гдѣ работникъ еще принадлежитъ къ хозяйской семьѣ, тамъ онъ стоитъ за собственность, хотя самъ и лишенъ ея, тамъ для соціализма нѣтъ почвы.

Въ подобномъ же положеніи находились и ремесленные подмастерья (ср. гл. II, 1).

Наряду съ рабочими и подмастерьями образовался особый классъ слугъ. Часть неимущихъ поступала на службу къ крупнымъ эксплуататорамъ, которыми въ средніе вѣка и въ началѣ новыхъ были дворяне и князья, высшее духовенство и купечество. Къ нимъ пролетаріи принимались не для того, чтобы помогать въ работѣ, а чтобы охранять ихъ и служить ихъ прихотямъ въ качествѣ солдатъ и лакеевъ. Здѣсь отсутствовали патріархальныя отношенія, общая работа и трапеза, отсутствовала и вытекающая изъ нихъ солидарность господъ и слугъ. Зато развилась солидарность иного рода. Гдѣ держатъ много слугъ, тамъ между ними существуютъ *іерархическія различія* и можно разсчитывать на повышеніе, увеличеніе жалованья, власти и почета. Все это зависитъ отъ прихоти господина, и чѣмъ лучше слуга умѣетъ приноровиться къ ней и обойти своихъ товарищей, тѣмъ выше его шансы. Поэтому ловкій слуга чувствуетъ себя солидарнымъ съ господиномъ, а во всѣхъ товарищахъ видитъ тайныхъ враговъ. Есть между господиномъ и слугой солидарность и другого рода. Чѣмъ больше доходы, власть и почетъ перваго, тѣмъ больше перепадаетъ и на долю второго. Особенно вѣрно это по отношенію къ тѣмъ слугамъ, все дѣло которыхъ — выставлять на показъ роскошь своего господина, показывать, какъ много у него лишнихъ денегъ, и помогать ему проматывать ихъ возможно быстрѣе и пріятнѣе, безстрашно и „вѣрно“ служа всѣмъ его причудамъ и порокамъ. Поэтому слуга чувствуетъ себя солидарнымъ съ эксплуататоромъ и угнетателемъ по отношенію къ эксплуатируемымъ и угнетаемымъ, часто обращается съ ними даже безцеремоннѣе самого господина. Послѣдній, если онъ хоть сколько-нибудь уменъ, не станетъ рѣзать курицы, несущей ему золотыя

яйца, онъ желаетъ сохранить ее не только для себя, но и для своихъ потомковъ, для слуги подобныхъ соображеній не существуетъ.

Неудивительно, что въ народѣ нѣтъ бо́льшей ненависти, чѣмъ къ этимъ слугамъ, что ихъ раболѣпство по отношенію къ высшимъ и грубость съ низшими вошли въ пословицу. Подъ „лакейской душей“ принято понимать сочетаніе всѣхъ гнусностей.

Натурально, это воздѣйствіе профессіи на характеръ сказывается не только на неимущихъ изъ низшихъ сословій, но и на неимущихъ или малоимущихъ изъ высшихъ сословій, напримѣръ, на обѣднѣвшихъ дворянахъ, которые ищутъ счастья въ качествѣ прислуги высшаго сорта — придворныхъ.*)

Впрочемъ, здѣсь намъ приходится имѣть дѣло только съ низшими разрядами прислуги и потому оставимъ въ сторонѣ заманчивое сравненіе ихъ съ челядью изъ дворянъ. Читатель легко сдѣлаетъ его самъ. Намъ надо было только показать, почему классъ слугъ, несмотря на полное отсутствіе собственности, является совсѣмъ неподходящей средой для вербовки сторонниковъ соціализма. Онъ представляетъ скорѣе оплотъ существующаго порядка.

Ростъ эксплуатаціи, ростъ массы производимой за годъ прибавочной стоимости и вытекающее отсюда увеличеніе роскоши благопріятствуютъ постоянному умноженію класса слугъ. Къ счастью для общественнаго развитія, военная разновидность этого класса — *наемная солдатчина* — со времени переворота въ военномъ дѣлѣ, вызваннаго французской революціей и начала комплектованія армій посредствомъ всеобщей воинской повинности, постепенно исчезаетъ. Правда, она еще далеко не исчезла, и ея пережитки въ современныхъ арміяхъ въ значительной степени отвѣтственны за то, что „вооруженный народъ“ до сихъ поръ оказывался въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не демократическимъ учрежденіемъ.

Но и умноженіе прислуги въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ и вообще всякой челяди тоже встрѣчаетъ, несмотря на возрожденіе роскоши, сильное противодѣйствіе въ другой тенденціи: старыя формы семьи разлагаются и раздѣленіе труда все болѣе и болѣе превращаетъ различныя работы по хозяйству и личному услуженію въ отдѣльныя самостоятельныя профессіи (цирюльники, половые, посыльные, извозчики и т. д.). Эти обособившіяся профессіи, правда, еще долго сохраняютъ черты своего происхожденія, но мало-по-малу усвоиваютъ характеръ и взгляды промышленнаго пролетаріата.

3. Нищій пролетаріатъ (лумпенъ-пролетаріатъ).

Какъ бы велико ни было по временамъ число прислуги, подмастерьевъ и наемныхъ солдатъ, все же эти профессіи не были въ состояніи поглощать всѣхъ неимущихъ. Онѣ никогда не могли, конечно, прокормить тѣхъ изъ неимущихъ, которые неспособны къ труду — дѣтей, стариковъ, больныхъ, калѣкъ. Но, какъ мы видѣли, съ началомъ новаго времени къ прежнимъ безработнымъ присоединилась въ лицѣ крестьянъ, согнанныхъ съ земли или бѣжавшихъ отъ притѣсненій, такая масса ищущихъ работы, что множество людей, способныхъ къ труду, оказалось въ одинаковомъ положеніи съ неспособными. У нихъ не было другого выхода кромѣ нищенства, воровства или проституціи. Имъ приходилось выбирать между голодомъ и нарушеніемъ всѣхъ установившихся понятій о стыдѣ, чести и пристойности. Они могли кое-какъ существовать лишь, постоянно ставя удовлетвореніе своихъ ближайшихъ нуждъ выше заботы о добромъ имени. Ясно, что подобное положеніе должно было дѣйствовать въ высшей степени развращающимъ образомъ.

---

*) Какъ близко подходятъ другъ къ другу слуга и придворный, показано въ забавной формѣ Лесажемъ въ его романѣ: „Жиль Блясъ“, этой классической естественной исторіи челяди. Съ другой стороны слуга имѣетъ нѣчто общее съ босякомъ-пролетаріемъ безъ опредѣленной работы. Жиль Блясъ изъ самаго послѣдняго челядинца возвышается до положенія секретаря и любимца перваго министра испанскаго двора, нисколько не мѣняясь въ характерѣ.

Это развращеніе усиливалось и усиливается еще тѣмъ, что обществу безработные бѣдняки совершенно ненужны, составляютъ для него нежелательную обузу. А всякій классъ, который сталъ лишнимъ, который не выполняетъ никакихъ нужныхъ обществу функцій, опускается; это одинаково вѣрно какъ для самыхъ высшихъ, такъ и для самыхъ низшихъ классовъ.

И нищіе не могутъ даже подняться въ своихъ собственныхъ глазахъ посредствомъ самообмана, не могутъ увѣрить себя въ своей необходимости; въ прошломъ ихъ класса нѣтъ воспоминаній о какой-нибудь общественной заслугѣ; не могутъ они также, положившись на свою силу, навязать обществу свой паразитизмъ. Ихъ только терпятъ, поэтому смиреніе — первый долгъ нищаго, первая добродѣтель бѣдняки. Подобно слугамъ, и этотъ разрядъ пролетаріевъ раболѣпенъ предъ власть имущими; онъ не становился въ оппозицію къ существующему общественному строю. Напротивъ, онъ живетъ крохами, падающими со стола богача, какъ же ему желать исчезновенія богачей? Самъ онъ эксплуатаціи не подвергается, а чѣмъ выше эксплуатація рабочихъ, тѣмъ выше доходъ богача, тѣмъ щедрѣе послѣдній, тѣмъ больше отъ него могутъ ждать нищіе. Подобно слугамъ, они имѣютъ свою долю въ эксплуатаціи, зачѣмъ же имъ бороться съ нею? Въ началѣ реформаціи въ Германіи, когда католическую церковь возненавидѣли всѣ классы, потому что она эксплуатировала всѣхъ ихъ, именно эти пролетаріи оставались ей вѣрны, потому что получали отъ нея болѣе щедрую милостыню, чѣмъ отъ скупыхъ горожанъ или ограбленныхъ крестьянъ.

По собственному почину *нищій пролетаріатъ* еще никогда не выступалъ противъ эксплуатаціи. Но, конечно, онъ не является и ея оплотомъ, какимъ когда-то была военная челядь. Лѣнивый и безпечный, онъ оставляетъ на произволъ судьбы тѣхъ, чью милостыню подбиралъ, какъ только ихъ богатство и сила исчезли. Онъ никогда не стоялъ въ авангардѣ революціоннаго движенія, но не клалъ охулки на руку при смутахъ. Иногда онъ наносилъ послѣдній ударъ падавшему господствующему классу, обыкновенно же при революціяхъ довольствовался тѣмъ, что эксплуатировалъ и компрометировалъ ихъ, чтобы предать при первомъ же случаѣ.

Капиталистическій способъ производства сильно пріумножилъ безработный пролетаріатъ и продолжаетъ давать ему все новыхъ и новыхъ рекрутовъ. Въ большихъ городахъ въ особенности онъ составляетъ значительную часть населенія. Къ этому нищему пролетаріату весьма близка по своему характеру и воззрѣніямъ обнищавшая часть мелкаго крестьянства и мелкой буржуазіи, отчаявшаяся въ собственныхъ силахъ и коекакъ удерживающая свое положеніе лишь при помощи милостыни, которая перепадаетъ ей отъ высшихъ классовъ.

4. Начало наемнаго пролетаріата.

Именно изъ этихъ послѣднихъ слоевъ особенно охотно вербовало свои рабочія руки зарождавшееся капиталистическое производство и въ частности *крупная промышленность*. Ей нужны были не столько *искусные*, сколько *терпѣливые, покорные* рабочіе, отдающіе себя въ полное распоряженіе гигантскаго механизма современной фабрики, который только тогда и работаетъ гладко, когда каждое изъ его безчисленныхъ колесъ выполняетъ въ точности и безостановочно назначенныя ему движенія. И такъ какъ возникавшая капиталистическая крупная промышленность бо́льшую часть своихъ рабочихъ брала изъ слоевъ населенія, наиболѣе близкихъ къ нищетѣ и отчасти и изъ самихъ нищихъ, то и за норму обращенія капиталистовъ съ рабочими вообще послужило обращеніе, на которое соглашались эти слои. Самъ трудъ, объ облагораживающемъ вліяніи котораго такъ охотно говорятъ буржуазные экономисты и моралисты, былъ для пролетаріевъ прежде всего источникомъ дальнѣйшаго униженія, а не

возвышенія. Безпомощность рабочихъ позволяла капиталистамъ удлинять рабочее время до крайнихъ предѣловъ. Какъ сильны мотивы, которые побуждаютъ къ этому удлиненію въ капиталистической крупной промышленности, — мы уже видѣли во II-ой главѣ. Капиталъ не даетъ пролетарію досуга ни жить, ни учиться, если не вынужденъ къ тому. Гдѣ ему не поставлено предѣловъ, тамъ онъ заставляетъ работать до полнаго изнеможенія. Если у рабочаго еще и остается короткій промежутокъ времени между работой и сномъ, его хватаетъ развѣ на то, чтобы заглушить сознаніе нужды алкоголемъ или половыми сношеніями. Совмѣстная работа мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей, которая для здоровыхъ, свободныхъ и сознательныхъ людей была бы источникомъ духовной бодрости и нравственнаго облагороживанія, только усиливала сперва на капиталистической фабрикѣ опасность ея деморализующей и обезсиливающей обстановки и вела къ ранней испорченности.

Неудивительно, что въ начальный періодъ капиталистической крупной промышленности рабочій пролетарій едва отличался отъ нищаго. Какъ глубоко онъ погрязалъ въ порокахъ, пьянствѣ, грубости и грязи, физической и духовной, объ этомъ всего лучше можно судить по классическому описанію положенія рабочихъ классовъ Англіи въ первыя десятилѣтія XIX в., сдѣланному *Фридрихомъ Энгельсомъ*.

5. Подъемъ рабочаго пролетаріата.

Понятіе „пролетарій“, казалось, было синонимомъ крайней испорченности. Еще и теперь встрѣчаются „передовые“ люди, которые держатся именно такого взгляда. Однако, уже тогда, когда рабочій пролетарій съ внѣшней стороны имѣлъ еще такъ много общаго съ нищимъ и босякомъ, между ними образовывалась уже глубокая пропасть.

Нищенство, въ сущности, всегда одинаково, гдѣ бы и когда бы оно ни выступало, какъ массовое явленіе. Лумпенъ-пролетаріи современнаго Берлина или Лондона не слишкомъ отличаются отъ босяковъ древняго Рима. Напротивъ, современный рабочій пролетаріатъ есть явленіе совершенно своеобразное, какого не знала раньше міровая исторія.

Колоссальное, основное отличіе лумпенъ-пролетаріата отъ рабочаго пролетаріата, занятаго въ капиталистическомъ производствѣ, — то, что первый паразитъ, а рабочій пролетаріатъ — кормилецъ общества, при томъ главный его кормилецъ, который въ концѣ концовъ становится *единственнымъ*. Рабочій пролетаріатъ лишенъ собственности, но онъ не живетъ *подаяніемъ*. Онъ содержитъ общество своимъ трудомъ, а не общество его. Правда, въ началѣ капиталистическаго производства рабочій пролетарій еще видитъ въ себѣ лишь бѣдняка, а въ капиталистѣ-эксплуататорѣ своего благодѣтеля, который даетъ ему работу, а, значитъ, и хлѣбъ. Такія „патріархальныя“ отношенія, разумѣется, очень пріятны капиталистамъ. Еще и теперь они требуютъ отъ нанятыхъ рабочихъ не только выполненія условленной работы, но и почтенія и признательности.

Но капиталистическое производство нигдѣ не можетъ долго просуществовать безъ того, чтобы эти прекрасныя патріархальныя отношенія не пошли прахомъ. Какъ бы порабощены и забиты ни были рабочіе, все-же рано или поздно они замѣчаютъ, что даютъ хлѣбъ капиталисту, а не получаютъ его отъ капиталиста. Они остаются бѣдняками или же впадаютъ въ еще большую бѣдность, въ то время какъ капиталистъ все богатѣетъ, а когда они просятъ фабриканта, этого мнимаго патріарха, о прибавкѣ, то вмѣсто хлѣба получаютъ камень.

Отъ слугъ и нищихъ рабочіе пролетаріи отличаются тѣмъ, что не живутъ эксплуатаціей эксплуататоровъ; отъ рабочихъ, панимающихся помогать во хозяйству, и ремесленныхъ подмастерьевъ тѣмъ, что работаютъ и живутъ не вмѣстѣ съ своимъ эксплуататоромъ, что всякія личныя отношенія между эксплуататоромъ и ими исчезли. Живутъ они въ жалкихъ трущобахъ, а эксплуататору строятъ дворцы и голодаютъ, чтобы онъ могъ

ѣсть изысканныя яства. Они надрываются надъ работой до полнаго изнеможенія, чтобы онъ и его присные сорили деньгами, тоскуя отъ бездѣлья.

Это противорѣчіе — совсѣмъ иного сорта, чѣмъ между богачемъ и „мелкимъ людомъ", бѣдняками докапиталистическаго періода. Послѣднія завидовали богачамъ, удивлялись имъ, видѣли въ нихъ свой идеалъ, хотѣли бы быть на ихъ мѣстѣ, такими же эксплуататорами. „Маленькому человѣку" и въ голову не приходила мысль объ устраненіи эксплуатаціи. Рабочій пролетарій не завидуетъ богачу, не желалъ бы быть на его мѣстѣ, *ненавидитъ и презираетъ его:* ненавидитъ, какъ эксплуататора и презираетъ, какъ трутня. Сперва ненавидитъ только того капиталиста, съ которымъ непосредственно имѣетъ дѣло, но скоро убѣждается, что всѣ они ведутъ себя по отношенію къ нему на одинъ ладъ, и его первоначальная личная ненависть развивается въ сознательную вражду ко всему классу капиталистовъ.

Эта вражда къ эксплуататорамъ, какъ цѣлому, — одна изъ раннихъ характерныхъ чертъ рабочаго пролетаріата. Классовая борьба вовсе не плодъ соціалистической пропаганды, она замѣчалась задолго до послѣдней. У слуги, рабочаго, помогающаго по хозяйству, и ремесленнаго подмастерья высокая степень классовой ненависти невозможна. При тѣсныхъ личныхъ отношеніяхъ членовъ этихъ профессій и ихъ „господами" подобная ненависть сдѣлала бы немыслимой всякую совмѣстную работу. И въ этихъ профессіяхъ бываетъ немало стычекъ у наемныхъ рабочихъ съ хозяевами, но ссоры всегда оканчиваются примиреніемъ. При капиталистическомъ способѣ производства рабочіе могутъ питать самую ожесточенную вражду къ предпринимателю, но производство тѣмъ не менѣе можетъ не останавливаться, а предприниматель можетъ этой вражды вовсе не замѣчать.

Эта ненависть сначала выражается робко и прорывается только спорадически. Если пролетаріи не сразу замѣчаютъ, что фабрикантъ даетъ имъ работу вовсе не по благородству души, то тѣмъ болѣе нужно времени, чтобы найти въ себѣ *отвагу* вступить съ „хозяиномъ" въ открытое столкновеніе.

Нищій пролетаріатъ пассивенъ и унылъ, потому что чувствуетъ себя лишнимъ и лишенъ всякой матеріальной опоры. Вначалѣ подобныя же качества обнаруживаетъ и рабочій пролетаріатъ, поскольку онъ вербуется изъ обнищавшаго босяцкаго и близкихъ къ послѣднему слоевъ населенія. Разумѣется, онъ чувствуетъ всѣ пинки, которые выпадаютъ на его долю; но протестуетъ только про себя. Возмущеніе особенно энергичныхъ и страстныхъ натуръ находитъ себѣ исходъ въ тайныхъ преступленіяхъ.

Сознаніе собственной силы и духъ отпора развиваются въ данныхъ слояхъ наемныхъ рабочихъ лишь тогда, когда они пришли къ сознанію общности своихъ интересовъ, своей *солидарности*. Съ пробужденіемъ чувства солидарности начинается нравственное возрожденіе пролетаріата, подъемъ его изъ той трясины, въ которой погрязло нищенство.

Сама обстановка работы при капиталистическомъ производствѣ указываетъ пролетаріямъ на необходимость согласованныхъ дѣйствій, подчиненія единицы цѣлому. Между тѣмъ какъ въ ремеслѣ въ его классической формѣ каждая единица сама по себѣ составляетъ цѣлое, капиталистическая промышленность основана на работѣ совмѣстной, на *коопераціи*. Единичный рабочій тутъ ничто безъ своихъ товарищей. Зато планомѣрная совмѣстная работа удваиваетъ и утраиваетъ производительность труда каждой единицы. Такимъ образомъ, сама работа приводитъ къ сознанію мощи соединенія, развиваетъ въ рабочихъ добровольную дисциплину, которая является предварительнымъ условіемъ какъ всякой успѣшной борьбы противъ эксплуатаціи при капиталистическомъ производствѣ, такъ и самого товарищескаго, соціалистическаго производства. Итакъ, капитализмъ самъ воспитываетъ пролетаріатъ для своего собственнаго низверженія и для работы въ соціалистическомъ обществѣ.

Равенство условій труда содѣйствуетъ пробужденію въ пролетаріатѣ чувства солидарности, пожалуй, еще могущественнѣе, чѣмъ совмѣстная работа. На фабрикѣ нѣтъ вовсе или почти нѣтъ раздѣленія рабочихъ по

рангамъ, іерархіи. Высшіе посты обыкновенно или недоступны рабочимъ, или же ихъ такъ мало, что для массы они не имѣютъ значенія. Лишь небольшое число рабочихъ можно развратить этими теплыми мѣстечками, для огромнаго же большинства условія труда одинаковы, и единичный рабочій безсиленъ добиться лучшихъ; его положеніе улучшается только тогда, когда улучшается положеніе всей совокупности его товарищей. Правда, фабриканты стараются посѣять рознь между рабочими, вводя искусственное неравенство въ условіяхъ работы. Но уравнительное дѣйствіе современной крупной промышленности слишкомъ сильно, чтобы ихъ уловки (поштучная плата, преміи и т. п.) могли надолго заглушить въ рабочихъ сознаніе солидарности интересовъ. Чѣмъ дольше существуетъ капиталистическое производство, тѣмъ сильнѣе развивается пролетаріатская солидарность, тѣмъ глубже пускаетъ она корни, тѣмъ больше и больше становится самой отличительной чертой пролетаріата.

Достаточно сослаться на сказанное нами выше о слугахъ, чтобы показать, какъ сильно отличается отъ нихъ въ этомъ отношеніи пролетаріатъ. Да и не только слуги и рабочіе, нанимающіеся помогать по хозяйству — даже ремесленные подмастерья отстаютъ въ солидарности отъ пролетаріевъ.

Солидарность подмастерьевъ остановилась на опредѣленной ступени, черезъ которую перешагнула солидарность пролетаріевъ. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ солидарность не ограничивается кругомъ рабочихъ, занятыхъ въ одномъ и томъ же предпріятіи. Ремесленные подмастерья, какъ и пролетаріи, доходили уже до сознанія, что рабочіе всюду имѣютъ однихъ враговъ и одни интересы. Подмастерья, принадлежащіе къ одной и той же профессіи, устраивали національныя организаціи тогда, когда буржуазія еще не выходила изъ провинціальной и городской обособленности. Современный пролетаріатъ по своимъ чувствамъ и поведенію вполнѣ интернаціоналенъ; среди самой ожесточенной междуплеменной вражды, среди разгара военныхъ приготовленій господствующихъ классовъ пролетаріи всѣхъ странъ объединились.

Зачатки международныхъ организацій были уже и у ремесленныхъ подмастерьевъ. И они были способны покинуть національную ограниченность. Но они не могли выйти изъ рамокъ *профессіи*. Германскій шляпочникъ или мѣдникъ находилъ гостепріимство у своихъ товарищей въ Швеціи или Швейцаріи, но сапожникъ или столяръ его собственной страны, его родного города были ему чужіе. Въ ремеслѣ профессіи были строго разграничены. Ученикъ цѣлые годы долженъ былъ учиться, прежде чѣмъ стать подмастерьемъ, а затѣмъ всю жизнь оставался вѣренъ своему ремеслу. Процвѣтаніе и мощь послѣдняго были и его процвѣтаніемъ, и его мощью. Если подмастерье питалъ извѣстную вражду къ хозяину, то вражда его къ хозяевамъ и подмастерьямъ другихъ ремеслъ была не меньше. Въ эпоху процвѣтанія ремесла мы встрѣчаемъ заклятую вражду и ожесточенную борьбу между союзами подмастерьевъ разныхъ ремеслъ.

Капиталистическое производство, напротивъ, связываетъ воедино различныя профессіи. Въ большинствѣ капиталистическихъ предпріятій работаютъ рядомъ и вмѣстѣ рабочіе разныхъ профессій ради общей цѣли. Съ другой стороны, капиталистическое производство стремится уничтожить самое понятіе профессіи. Машина сокращаетъ до нѣсколькихъ недѣль, а то и дней, время выучки, которая раньше поглощала годы. Она позволяетъ рабочему безъ особенныхъ затрудненій переходить отъ одной работы къ другой; зачастую даже принуждаетъ его къ тому. Сдѣлавъ его прежнюю работу излишней, она выбрасываетъ рабочаго на улицу и заставляетъ искать другого занятія. Свобода выбора профессіи, которую филистеръ боится потерять въ „государствѣ будущаго“, въ настоящее время уже утратила для рабочаго всякій смыслъ.

При такихъ обстоятельствахъ пролетарію легко перешагнуть предѣлъ, на которомъ останавливается ремесленный подмастерье. Солидарность современнаго пролетаріата, помимо того, что она интернаціональна, распространяется *на рабочій классъ въ его цѣломъ*.

Наемный трудъ въ разныхъ формахъ существовалъ и въ древности, и въ средніе вѣка. Борьба наемныхъ рабочихъ съ ихъ эксплуататорами тоже не представляетъ ничего новаго. Но лишь при господствѣ капиталистической крупной промышленности мы видимъ возникновеніе единаго класса наемныхъ рабочихъ, которые хорошо сознаютъ общность своихъ интересовъ и подчиняютъ крупнымъ общимъ интересамъ *класса* не только свои личные, но и мѣстные интересы, а также особенные профессіональные, поскольку они ещё существуютъ. Только въ XIX в. борьба рабочихъ противъ эксплуатаціи принимаетъ характеръ *классовой борьбы*. И только благодаря послѣднему обстоятельству эта борьба могла поставить себѣ иную, болѣе высокую цѣль, чѣмъ устраненіе непорядковъ даннаго момента, а рабочее движеніе — могло сдѣлаться движеніемъ *революціоннымъ*.

Само понятіе „рабочій классъ“ становится все шире и шире. Все только что сказанное относится прежде всего къ рабочему пролетаріату, занятому въ крупной промышленности. Но параллельно тому, какъ промышленный капиталъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе рѣшающее значеніе для капитала во всей его совокупности, для всѣхъ хозяйственныхъ предпріятій капиталистическихъ націй, — также точно мысли и чувства занятаго въ крупной промышленности пролетаріата все болѣе и болѣе опредѣляютъ собою мышленіе и настроеніе наемныхъ рабочихъ вообще. Сознаніе общности интересовъ овладѣваетъ и рабочими капиталистической мануфактуры и ремесла, послѣдними тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше ремесло теряетъ свой первоначальный характеръ и приближается къ мануфактурѣ или же опускается до капиталистически эксплуатируемой домашней промышленности.

Къ нимъ мало по малу присоединяются наемные рабочіе непромышленныхъ городскихъ профессій, какъ торговля, пути сообщенія, рестораны и гостинницы. Сельскіе рабочіе тоже начинаютъ приходить къ сознанію общности своихъ интересовъ съ интересами всѣхъ наемныхъ рабочихъ, какъ только капиталистическое производство начинаетъ разлагать старинное патріархальное сельское хозяйство и дѣлать его промышленностью, которая производитъ съ помощью пролетаріевъ, не имѣющихъ ничего общаго съ семьей хозяина, въ которую входилъ прежній батракъ. Въ концѣ концовъ чувство общей солидарности начинаетъ охватывать и тѣхъ изъ самостоятельныхъ ремесленниковъ, положеніе которыхъ наименѣе благопріятно, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ заражаетъ и крестьянъ. Такъ трудящіеся классы все болѣе и болѣе сливаются въ единый *рабочій классъ*, душу котораго составляетъ пролетаріатъ крупной промышленности, все возрастающій въ числѣ и экономическомъ значеніи. Въ немъ, этомъ рабочемъ классѣ, все больше и больше распространяется отличающій крупнопромышленный пролетаріатъ духъ товарищества, товарищеской дисциплины, духъ вражды къ капиталу, а также ненасытная жажда знанія, на которую мы указывали въ концѣ предыдущей главы.

Такъ изъ презираемаго, угнетеннаго, пропащаго пролетаріата постепенно встаетъ новая міровая сила, предъ которой начинаютъ дрожать старыя силы; выростаетъ новый классъ, съ новой моралью и новой философіей, классъ, численность, сплоченность, экономическое значеніе, самосознаніе и прозорливость котораго изо дня въ день увеличиваются.

6. Борьба между возвышающими и подавляющими пролетаріатъ тенденціями.

Подъемъ пролетаріата съ его низкаго уровня — процессъ естественно необходимый и неизбѣжный, но это вовсе не мирный процессъ, и совершается онъ не равномѣрно. Какъ мы видѣли во II-ой главѣ, капиталистическій способъ производства имѣетъ тенденцію понижать жизненный уровень рабочаго населенія. Нравственное возрожденіе пролетаріата совершается лишь путемъ *борьбы* съ этой тенденціей и ея носителями — капиталистами. Оно становится возможнымъ, когда въ нѣдрахъ проле-

таріата достаточно окрѣпнутъ противодѣйствующія силы и противоположныя тенденціи, порождаемыя новыми условіями, при которыхъ онъ живетъ и работаетъ. Но принижающія пролетаріатъ тенденціи капиталистическаго способа производства въ разныя времена, въ разныхъ странахъ и въ разныхъ отрасляхъ промышленности далеко неодинаковы; онѣ зависятъ отъ состоянія рынка, напряженности конкурренціи между отдѣльными предпріятіями, отъ распространенности машинъ въ данной отрасли промышленности, отъ степени пониманія капиталистами ихъ прочныхъ интересовъ, и т. д. Равнымъ образомъ и противоположныя тенденціи, развивающіяся въ отдѣльныхъ слояхъ пролетаріата, зависятъ отъ весьма разнообразныхъ условій: отъ привычекъ и потребностей тѣхъ слоевъ населенія, откуда преимущественно вербуются пролетаріи, отъ того, какая степень ловкости или силы требуется отъ рабочаго въ данной отрасли промышленности; отъ размѣровъ примѣненія женскаго и дѣтскаго труда; отъ численности запасной промышленной арміи, далеко неодинаковой въ разныхъ отрасляхъ; отъ степени сознательности рабочихъ; наконецъ, отъ того, ведетъ ли данная работа къ разбросанности и обособленности, или же къ соединенію и сплоченности рабочихъ, и т. д.

Каждое изъ этихъ условій, весьма различныхъ для разныхъ отраслей промышленности и различныхъ слоевъ рабочаго класса, безпрерывно измѣняется, такъ какъ технической и экономическій прогрессъ идетъ безостановочно. Съ каждымъ днемъ все новыя страны и новыя профессіи подвергаются капиталистической эксплуатаціи и пролетаризаціи. каждый день создаются новыя отрасли производства и непрерывно измѣняются старыя. Какъ въ началѣ капиталистическаго способа производства, такъ и теперь все новые слои населенія пролетаризуются, нищаютъ, погружаются въ среду лумпенъ-пролетаріата, и отсюда снова карабкаются на поверхность новыя группы; въ самомъ рабочемъ пролетаріатѣ наблюдается постоянное движеніе вверхъ и внизъ разныхъ его слоевъ въ зависимости отъ перевѣса повышающихъ или понижающихъ тенденцій.

Къ счастью для дальнѣйшаго развитія человѣческаго общества, въ большинствѣ слоевъ пролетаріата рано или поздно наступаетъ моментъ, когда повышающія тенденціи пріобрѣтаютъ рѣшительный перевѣсъ и ведутъ за собой пробужденіе самосознанія; а разъ въ данномъ слоѣ пролетаріевъ развилось классовое самосознаніе, разъ онъ узналъ солидарность, связывающую всѣхъ его членовъ другъ съ другомъ и со всѣмъ рабочимъ классомъ, и почувствовалъ, какую силу порождаетъ это тѣсное единеніе; разъ онъ понялъ свою необходимость въ экономической жизни, выработалъ въ себѣ самоуваженіе и проникся убѣжденіемъ, что рабочій классъ идетъ къ лучшему будущему; тогда тотъ слой пролетаріата, который поднялся такъ высоко, безконечно трудно принизить до уровня тупой и жалкой массы, способной, правда, ненавидѣть, но неспособной соединяться для долгой борьбы, отчаявшейся въ себѣ и въ своемъ будущемъ, ищущей забвенія въ винѣ и почерпающей въ своихъ страданіяхъ не чувство возмущенія и протеста, а только робкую покорность. Когда классовое самосознаніе овладѣло какимъ-нибудь слоемъ пролетаріата, искоренить его здѣсь почти невозможно. Какъ бы ни давили потомъ понижающія тенденціи капиталистическаго способа производства, онѣ придавливаютъ такой слой пролетаріата только *экономически*, а не *морально*, — развѣ что давленіе будетъ не понижающимъ только, а прямо уничтожающимъ, какъ это происходитъ въ нѣкоторыхъ погибающихъ отрасляхъ домашней промышленности. Во всѣхъ другихъ случаяхъ гнетъ только вызоветъ отпоръ; онъ будетъ скорѣе ожесточать, чѣмъ оказывать ослабляющее дѣйствіе; пролетарій не опустится благодаря ему до уровня нищаго босяка, а возвысится до уровня мученика.

7. Филантропія и законодательная охрана труда.

Если бы каждому слою пролетаріевъ приходилось полагаться только на собственныя силы, то процессъ подъема, въ большинствѣ случаевъ,

начался бы гораздо позже и протекалъ гораздо медленнѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Всякое начало трудно, а тѣмъ болѣе начало подъема изъ трясины, куда завела пролетаріатъ капиталистическая эволюція, и безъ посторонней помощи многіе разряды пролетаріата, теперь занимающіе почетное мѣсто, не справились бы съ затрудненіями. Имъ помогли выше нихъ стоявшіе общественные слои — какъ рабочаго *пролетаріата*, такъ и *имущихъ классовъ*.

Помощь послѣднихъ имѣла особенное значеніе въ начальный періодъ капиталистической крупной промышленности.

Въ средніе вѣка бѣдность была такъ мало распространена, что общественная (а именно церковная) и частная благотворительность успѣшно справлялась съ нею. Никакого затруднительнаго „вопроса“ она тогда изъ себя не представляла и если давала поводъ къ размышленіямъ, то лишь назидательнаго свойства: въ ней видѣли нѣчто вродѣ педагогическаго пріема господа бога; постигая людей порочныхъ, она считалась бичемъ божіемъ, а если бѣднѣли люди благочестивые, — это было испытаніе, ниспосланное имъ для того, чтобы восторжествовала надъ нимъ ихъ вѣра въ божіе милосердіе. Богатымъ бѣдность давала арену для упражненія въ добродѣтели, казавшуюся столь же необходимою для спасенія ихъ души, какъ были необходимы турниры для закаливанія тѣла.

Но когда развитіе товарнаго производства разрушило старое феодальное сельское хозяйство, когда начался наплывъ обезземеленныхъ крестьянъ въ города, а съ нимъ „перенаселеніе“ и безработица, когда бѣдность приняла массовый характеръ, — это явленіе, новое и грозное, привлекло къ себѣ вниманіе всѣхъ мыслящихъ и отзывчивыхъ людей. Противъ массовой бѣдности средневѣковая благотворительность была безсильна, къ тому же реформація отрѣзала самый важный источникъ милостыни — благотворительность католической церкви. Призрѣніе всѣхъ бѣдныхъ казалось обществу непосильной задачей; возникла новая проблема: уничтоженіе бѣдности. Въ зависимости отъ вдумчивости и гуманности изобрѣтателей, придумывались самыя различныя средства — отъ наиболѣе удобнаго способа устраненія бѣдности вмѣстѣ съ бѣдняками посредствомъ висѣлицъ и ссылки до глубоко продуманныхъ плановъ новаго, коммунистическаго общественнаго устройства. Послѣдніе встрѣтили большое сочувствіе среди ученыхъ, но правителямъ и государственнымъ людямъ были понятны только простые и удобные методы. Однако, чѣмъ больше вѣшали или подвергали клейменію пролетаріевъ, тѣмъ больше головъ выростало у бѣдности.

Постепенно въ бѣдности стали видѣть другую сторону. Народился, сталъ распространяться все шире и шире и пріобрѣтать господство въ обществѣ капиталистическій способъ производства, и вмѣстѣ съ тѣмъ задача устраненія бѣдности перестала существовать для буржуазныхъ мыслителей. Капиталистическое производство зиждется на пролетаріатѣ; устранить послѣдній — значитъ сдѣлать капиталистическое производство невозможнымъ. Массовая бѣдность — основа капиталистическаго массоваго богатства, кто осуждаетъ массовую бѣдность, тотъ нападаетъ на богатство. Кто въ наше время хочетъ положить конецъ обездоленности рабочихъ, тотъ хоронитъ собственность, тотъ разрушитель, врагъ общества.

Правда, состраданіе и страхъ — вѣдь бѣдность опасна для всего общества, порождая эпидеміи и преступленія — по прежнему дѣйствуютъ въ буржуазныхъ кругахъ и возбуждаютъ въ болѣе отзывчивыхъ и болѣе дальновидныхъ членахъ буржуазіи стремленіе сдѣлать кое-что для пролетаріевъ; но для большинства этихъ буржуа, не имѣющихъ ни силъ, ни смѣлости порвать со своимъ классомъ, задача уже не можетъ заключаться въ *уничтоженіи пролетаріата*, а лишь въ *улучшеніи положенія пролетаріевъ*. Надо, чтобы пролетаріи сохраняли трудоспособность и были довольны своимъ положеніемъ, но они должны оставаться довольными пролетаріями. Изъ этихъ рамокъ буржуазное человѣколюбіе не выходитъ.

Въ указанныхъ предѣлахъ филантропія проявляется самымъ разнообразнымъ образомъ. Большинство ея методовъ или совершенно не при-

носитъ никакой пользы, или же, самое большее, можетъ доставить временное облегченіе отдѣльнымъ личностямъ. Но когда въ первыя десятилѣтія XIX вѣка капиталистическое крупное производство вторглось въ Англію (прежде всего въ прядильноткацкую промышленность), вызывая всѣ тѣ ужасы, на какіе только оно способно, болѣе проницательные филантропы пришли къ убѣжденію, что противъ полнаго вырожденія рабочихъ крупной промышленности остается только одно средство: *государственная охрана рабочихъ*, — по крайней мѣрѣ, самой беззащитной ихъ части — женщинъ и дѣтей.

Въ то время крупные предприниматели-капиталисты не были еще такой вліятельной частью имущихъ классовъ, какъ теперь. Въ пользу ограниченія ихъ власти надъ рабочими говорили различные экономическіе и политическіе интересы другой части имущихъ классовъ — землевладѣльцевъ и мелкихъ буржуа; далѣе, говорило то соображеніе, что безъ такого ограниченія погибнетъ основа промышленнаго процвѣтанія Англіи — ея рабочій классъ, соображеніе, которое должно было располагать въ пользу охраны труда всякаго мыслящаго члена имущихъ классовъ, способнаго возвыситься надъ минутными интересами; говорили, наконецъ, особые интересы отдѣльныхъ крупныхъ фабрикантовъ, которые располагали достаточными средствами, чтобы легко перенести ограниченія и приспособить къ нимъ производство, тогда какъ ихъ болѣе мелкіе конкуренты, которые съ трудомъ держались съ помощью самой худшей эксплуатаціи рабочихъ, были бы разорены. Но несмотря на все это и на могучее движеніе въ пользу охраны труда, возникшее среди самого рабочаго класса, введеніе самыхъ жалкихъ охранительныхъ законовъ, а затѣмъ расширеніе сферы ихъ дѣйствія, стоило долгой и суровой борьбы.

Впрочемъ, какъ бы ничтожны ни были въ началѣ достигнутые результаты, они уже послужили тѣмъ разрядамъ пролетаріевъ, которымъ пошли на пользу, толчкомъ, пробудившимъ ихъ изъ неподвижности и вызвавшимъ къ жизни тенденцію къ повышенію ихъ соціальнаго положенія. Болѣе того: самая борьба, еще раньше какой бы то ни было побѣды, уже показывала пролетаріямъ, какъ необходимы они обществу и какая въ нихъ сила. Уже самая борьба будила ихъ, вызывала въ нихъ самосознаніе и самоуваженіе, выводила изъ отчаянія и ставила предъ ними цѣль, выходившую изъ рамокъ ближайшихъ повседневныхъ заботъ.

Другимъ изъ этихъ средствъ къ повышенію положенія рабочаго класса, которое поддерживается также и буржуазіей, является *народная школа*. Подробно говорить здѣсь объ этомъ предметѣ было бы, однако, неумѣстно. Школа имѣетъ важное значеніе, котораго не слѣдуетъ умалять, но для подъема пролетаріата какъ *класса* это средство менѣе дѣйствительно, чѣмъ энергичная законодательная охрана труда.

Чѣмъ дальше развивается капиталистическій способъ производства, чѣмъ больше крупная промышленность вытѣсняетъ или радикально преобразуетъ другія формы производства, тѣмъ необходимѣе становится постоянное усиленіе и распространеніе охраны труда не только на всѣ отрасли крупной промышленности, но и на ремесленную и домашнюю промышленность, а также на сельское хозяйство. Но соразмѣрно развитію капитализма, растетъ и вліяніе промышленныхъ капиталистовъ въ буржуазномъ обществѣ — некапиталистическіе представители имущихъ классовъ, мелкіе буржуа и землевладѣльцы — заражаются капиталистическимъ настроеніемъ, и мыслители и государственные люди буржуазіи изъ дальновидныхъ ея вождей превращаются въ простыхъ наемниковъ, готовыхъ биться за каждый изъ ея интересовъ минуты.

Опустошенія, производимыя капиталистическимъ производствомъ среди рабочихъ, такъ ужасны, что противъ нѣкоторой — очень слабой — законодательной охраны труда возражаютъ развѣ самые алчные и безстыдные капиталисты и друзья капитала. Но за болѣе широкую охрану труда, напримѣръ, за восьмичасовой рабочій день, который въ настоящее время значитъ то же, что значилъ въ 40-хъ гг. для англійскаго промышленнаго пролетаріата десятичасовой, въ рядахъ имущихъ найдется немного

борцовъ. Буржуазная филантропія становится все осторожнѣе и осмотрительнѣе. Вести борьбу за достаточную охрану труда она все болѣе и болѣе предоставляетъ самимъ рабочимъ. Борьба эта все больше и больше становится чисто *классовой борьбой между пролетаріатомъ и буржуазіей.* На континентѣ Европы, гдѣ борьба за законодательную охрану труда началась гораздо позже, чѣмъ въ Англіи, она съ самаго начала носила такой характеръ. Въ своемъ стремленіи къ соціальному подъему пролетаріату уже не приходится разсчитывать на содѣйствіе имущихъ классовъ. Онъ всецѣло предоставленъ своимъ собственнымъ усиліямъ, т. е. прежде всего усиліямъ тѣхъ его слоевъ, которые сохранили или пріобрѣли способность къ борьбѣ и боевой пылъ.

8. Профессіональное движеніе.

Борьба наемныхъ рабочихъ со своими эксплуататорами вовсе не новое явленіе. Мы встрѣчаемъ ее уже въ концѣ среднихъ вѣковъ; именно, между подмастерьями и хозяевами, когда послѣдніе подъ вліяніемъ происходившаго тогда развитія товарнаго производства и міровой торговли начали обнаруживать капиталистическія наклонности. Многіе изъ нихъ уже въ XV в. пробовали увеличить число своихъ подмастерьевъ настолько, чтобы жить, не трудясь, насчетъ ихъ труда, или, по крайней мѣрѣ, пытались взвалить на подмастерьевъ львиную долю работы. Стали сказываться стремленія къ удлиненію рабочаго дня, ограниченію числа праздниковъ и даже къ работѣ по воскресеньямъ. Вмѣстѣ съ этимъ хозяева старались обособляться отъ подмастерьевъ, заставляли ихъ довольствоваться худшими харчами, чѣмъ ѣли сами и т. п. Связь съ подмастерьями, какъ членами семьи, была разорвана. Наконецъ, цѣховые мастера стали замыкать доступъ въ свою среду подмастерьямъ; кто не былъ сыномъ или зятемъ мастера, тому было крайне трудно, а зачастую и прямо невозможно, самому стать мастеромъ. Такимъ образомъ, званіе подмастерья переставало быть простой переходной ступенью отъ ученика къ мастеру и пріобрѣтало постепенно характеръ отдѣльнаго сословія.

Разъ мастера стали разыгрывать изъ себя капиталистовъ, то естественнымъ послѣдствіемъ этого было обостреніе отношеній между ними и ихъ рабочими, заставлявшее предвкушать позднѣйшія отношенія между капиталистами-предпринимателями и наемными пролетаріями. Но подмастерья были не то, что смиренные и покорные пролетаріи начала крупной промышленности. Стойкіе и смѣлые, они не только отражали каждый ударъ, но и старались, гдѣ только было можно, отвѣтить на него болѣе вѣскимъ ударомъ. Города были малы, число подмастерьевъ въ каждомъ сравнительно невелико. Объединиться было тѣмъ легче, что заведенія одного промысла обыкновенно находились на одной и той же улицѣ. *Работа* обособляла, правда: у одного хозяина рѣдко работало болѣе одного-двухъ подмастерьевъ, но работа не наполняла ихъ жизни. Праздниковъ было чрезвычайно много, общественная жизнь занимала каждаго индивидуума ничуть не меньше чѣмъ его работа, а эта жизнь объединяла подмастерьевъ. Мѣста ихъ пирушекъ были центрами ихъ организацій; здѣсь задумывались битвы, которыя подмастерья давали хозяевамъ. Кто держался въ сторонѣ, на того смотрѣли косо. При обособленности профессій исключеніе изъ товарищества значило то же, что исключеніе изъ общества. Поэтому организаціи подмастерьевъ охватывали *всю совокупность* подмастерьевъ даннаго ремесла. Запасная промышленная армія была почти неизвѣстна, взять рабочихъ изъ посторонніхъ профессій было для хозяевъ по разнымъ причинамъ невозможно, неудивительно, что подмастерья были поставлены сравнительно очень благопріятно по отношенію къ хозяевамъ. Ихъ орудіемъ были стачки и бойкотъ, и они ими щедро пользовались. У фантазеровъ, мечтающихъ о воскрешеніи средневѣковаго ремесла ради установленія мира между рабочими и ихъ эксплуататорами, волоса стали бы дыбомъ, будь стачки теперь такъ же часты и упорны, какъ въ XV и XVI вв. въ соотвѣтствующихъ ремеслахъ.

Лишь усилившемуся современному государству удалось образумить подмастерьевъ. Приниженіе рабочихъ было одною изъ первыхъ дружескихъ услугъ, оказанныхъ новѣйшей государственной властью буржуазіи и до сихъ поръ остается одною изъ ея главныхъ задачъ. Начался періодъ таксаціи заработной платы, т. е. установленія ея максимума, періодъ запрещенія или, по крайней мѣрѣ, полицейскаго притѣсненія всѣхъ организацій наемныхъ рабочихъ. Однако, вполнѣ сладить съ подмастерьями не удалось и государству. Они не хуже своихъ враговъ знали всю силу своего объединенія и всю свою беззащитность при разъединеніи и всюду упорно отстаивали свои организаціи. Гдѣ открытые союзы не могли дольше держаться, тамъ заводились тайные. Свирѣпыя кары и преслѣдованія, которымъ подвергались подмастерья, были безсильны разрушить ихъ солидарность. Лишенія и страданія, причиненныя германскимъ рабочимъ закономъ противъ соціалистовъ 1878 г., были пустякомъ въ сравненіи съ тѣмъ, что́ пришлось вынести рабочимъ въ разныхъ странахъ въ новые вѣка вплоть до половины XIX в. И все же рабочіе вышли побѣдителями изъ всѣхъ преслѣдованій.

Большинство рабочихъ возникавшей капиталистической *мануфактуры* было неспособно на такой отпоръ, какой оказывали своимъ притѣснителямъ подмастерья. Мы уже говорили, что въ мануфактурѣ различныя операціи, необходимыя для изготовленія продукта, раздѣлены между разными рабочими, и каждому приходится выполнять всего одну или нѣсколько простыхъ манипуляцій. Благодаря этому, время выучки сокращается, начинаютъ пользоваться женскимъ и дѣтскимъ трудомъ. Далѣе, при господствѣ мануфактуры мы находимъ въ промышленныхъ городахъ большія арміи рабочихъ. Тутъ отдѣльному рабочему невозможно знать лично всѣхъ другихъ, какъ знали въ средневѣковыхъ небольшихъ городахъ другъ друга подмастерья. Конечно, съ развитіемъ крупныхъ городовъ пострадали отчасти и подмастерья, но не такъ сильно, потому что съ увеличеніемъ ихъ численности увеличилась также многоголовость, а, слѣдовательно, и разъединенность ихъ враговъ — мастеровъ. Напротивъ, въ капиталистическихъ предпріятіяхъ многочисленные рабочіе имѣютъ дѣло съ небольшимъ числомъ предпринимателей, которымъ легко столковаться между собою.

Кромѣ того, господство цѣховъ стѣсняло развитіе мануфактуръ въ старыхъ городахъ, и потому мануфактурныя предпріятія основывались внѣ сферы дѣйствія цѣховой системы, большею частью, въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ за рабочими легче было слѣдить, гдѣ они не находили поддержки въ другихъ слояхъ рабочаго населенія, а работу могли найти только на мануфактурѣ.

Наконецъ, благодаря уничтоженію средневѣковыхъ праздниковъ, сильно сократилось время, удѣлявшееся товарищескимъ собраніямъ, этому важному средству объединенія. Правда, мануфактура соединяетъ большія массы рабочихъ и принуждаетъ ихъ къ совмѣстному труду, къ кооперація. Но благодѣтельныя послѣдствія отъ этого для сплоченія рабочихъ уравновѣшиваются какъ тѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ, что рабочіе вербуются въ самыхъ различныхъ слояхъ населенія, такъ и тѣмъ въ особенности, что различныя операціи въ мануфактурѣ оплачиваются весьма различно; тутъ среди рабочихъ существуетъ цѣлая іерархія, какъ среди челяди въ богатомъ домѣ, и хотя принадлежность рабочаго къ тому или другому рангу опредѣляется преимущественно его умѣлостью, а не личной пронырливостью, и такимъ образомъ іерархія не развиваетъ въ рабочихъ лакейскихъ качествъ, но все же интересы отдѣльныхъ группъ рабочихъ даннаго предпріятія настолько несходны, что къ сознанію своей солидарности они приходятъ съ большимъ трудомъ.

При мануфактурѣ, однако, у рабочихъ остается еще одно большое преимущество: если время выучки и гораздо короче, чѣмъ въ ремеслѣ, то сноровка, ловкость въ работѣ пріобрѣтаются здѣсь только долгимъ упражненіемъ. Поэтому рабочихъ замѣнить нелегко. И какъ ни велико число безработныхъ пролетаріевъ на той ступени промышленнаго развитія, о ко-

торой идетъ рѣчь, но искусныхъ рабочихъ среди нихъ еще мало. Запасная промышленная армія, въ общемъ, еще мало вліяетъ на положеніе рабочихъ въ мануфактурный періодъ. Только машина измѣняетъ все это, дѣлая всю массу безработныхъ пригодною для промышленности и привлекая на рабочій рынокъ новыя толпы женщинъ и дѣтей. Мы уже видѣли, какъ это ослабляетъ силу сопротивленія рабочихъ.

Со введеніемъ машинъ процессъ превращенія всей промышленности въ капиталистическую принимаетъ необычайно быстрый темпъ. Но не во всѣхъ отрасляхъ капиталистическія предпріятія сразу обращаются въ фабрики, работающія съ помощью машинъ. Въ иныхъ, напримѣръ, въ наборномъ дѣлѣ, мануфактура удержалась еще до сихъ поръ. Есть даже такія, гдѣ и при капиталистическомъ хозяйствѣ можетъ долго держаться ремесленное производство, портняжное, напримѣръ, поскольку оно не служитъ для массоваго производства готоваго платья. Капиталистическая эксплуатація промысла, который стоитъ еще на ступени ремесла, обыкновенно ведетъ не къ крупному, а къ самому мелкому, домашнему производству. А рабочіе, работающіе на дому, самые беззащитные.

И при господствѣ крупной капиталистической промышленности, работающей машинами, остаются еще отрасли, — правда, число ихъ съ каждымъ годомъ убываетъ, — гдѣ нельзя обойтись безъ обученныхъ рабочихъ, пріобрѣвшихъ извѣстную сноровку. Крупная промышленность сама создаетъ рядъ новыхъ отраслей труда или расширяетъ уже существующія, гдѣ нужны особенно сильные, ловкіе или же обладающіе спеціальными знаніями рабочіе, которымъ нечего бояться конкурренціи необученныхъ рабочихъ или же женщинъ и дѣтей. Такими были и въ значительной степени остаются еще и теперь различныя отрасли труда по добычѣ и обработкѣ металловъ.

Сообразно съ этимъ, рабочій пролетаріатъ дѣлится на два большіе разряда, высшій и низшій. Высшій составляютъ обученные, искусные рабочіе *(квалифицированные)*, положеніе которыхъ сравнительно болѣе благопріятно. Ниже находится съ каждымъ днемъ возрастающая масса рабочихъ, принадлежащихъ къ профессіямъ, гдѣ не нужно особенныхъ знаній, способностей или ловкости: какими бы способными, умѣлыми и знающими свое дѣло ни были иные изъ такихъ рабочихъ, они причисляются къ рангу необученныхъ, неискусныхъ, *неквалифицированныхъ* рабочихъ; ихъ легко замѣнить, съ ними незачѣмъ церемониться, они не могутъ оказать слишкомъ сильнаго отпора.

Лучше поставленные, квалифицированные рабочіе являются авангардомъ рабочаго класса въ его стремленіи къ подъему. Они представляютъ самые воинственные элементы пролетаріата, тѣ, которые раньше всѣхъ другихъ въ состояніи дать отпоръ капиталу. И свою готовность къ борьбѣ они доказали въ многочисленныхъ столкновеніяхъ.

Положеніе ихъ представляетъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ цѣховыхъ подмастерьевъ, традиціи которыхъ они во многихъ отношеніяхъ сохранили въ своей средѣ, взявъ за образецъ ихъ методы борьбы и организаціи. Новыя экономическія организаціи борьбы рабочихъ — и притомъ сперва однихъ только квалифицированныхъ рабочихъ — *профессіональные союзы* являются иногда прямымъ продолженіемъ старыхъ *товариществъ подмастерьевъ* и часто, по крайней мѣрѣ, въ началѣ профессіональнаго движенія, возникаютъ по традиціи, завѣщанной цѣховыми товариществами наемнымъ рабочимъ.

Первоначальное родство профессіональнаго движенія съ цѣховымъ движеніемъ подмастерьевъ обнаруживается не только въ боевомъ духѣ и силѣ сопротивленія профессіональныхъ союзовъ. Въ нихъ проявляется иной разъ также и цѣховой духъ подмастерьевъ, стремленіе къ кастовой замкнутости, къ одностороннему преслѣдованію узкихъ, чисто профессіональныхъ интересовъ безъ вниманія къ общимъ интересамъ рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло заходитъ такъ далеко, что союзы квалифицированныхъ рабочихъ не только забываютъ о долгѣ солидарности со всѣмъ рабочимъ классомъ, но и пытаются создать себѣ выгоды на счетъ

остальныхъ рабочихъ, — напримѣръ, посредствомъ ограниченія числа учениковъ въ своей профессіи. Этимъ они достигаютъ уменьшенія предложенія труда въ своей отрасли, но лишь насчетъ рабочихъ тѣхъ отраслей, безсильныхъ провести подобныя же ограниченія, куда устремляется теперь больше рабочихъ, чѣмъ прежде.

Въ иныхъ случаяхъ лишь въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности организованные рабочіе обособляются въ качествѣ „аристократовъ труда“ отъ „черни“, стараясь повыше подняться на ея же плечахъ. Такъ поступало еще недавно большинство наборщиковъ въ Германіи. Но въ Англіи вся совокупность квалифицированныхъ рабочихъ обособилась отъ неквалифицированныхъ. Къ первымъ присоединились еще рабочіе тѣхъ отраслей производства, на которыя распространилось дѣйствіе фабричныхъ законовъ, благодаря чему ихъ положеніе сравнительно улучшилось. Эти лучше поставленные рабочіе составляли до недавняго времени, а отчасти составляютъ и теперь, рабочую аристократію, держащуюся особнякомъ отъ всей массы наемнаго пролетаріата.

Гдѣ профессіональное движеніе приводитъ къ аристократической замкнутости лучше поставленныхъ рабочихъ и къ укорененію въ нихъ духа касты, тамъ оно не только не содѣйствуетъ общему подъему пролетаріата *какъ класса*, но можетъ даже ослаблять его и *задерживать*, притомъ несравненно успѣшнѣе тѣхъ грубыхъ и безсмысленныхъ мѣръ притѣсненія, къ которымъ любитъ прибѣгать рутинная государственная мудрость. Такія мѣры, направленныя противъ профессіональныхъ союзовъ, являются, наоборотъ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ объединить квалифицированныхъ рабочихъ съ неквалифицированными въ общемъ отпорѣ притѣсненію.

Теперь уже только самые тупые и невѣжественные изъ государственныхъ людей разсчитываютъ обуздывать пролетаріатъ такими мѣрами. Наиболѣе опасные враги пролетаріата выступаютъ теперь, наоборотъ, въ качествѣ его друзей и стараются посредствомъ развитія профессіональнаго движенія въ только что описанномъ нами духѣ разъединить рабочихъ и превратить наиболѣе способные къ отпору элементы пролетаріата изъ передовыхъ борцовъ въ угнетателей своихъ же болѣе беззащитныхъ собратьевъ. Эти ложные друзья рабочаго класса „работаютъ“ и въ Германіи, — пока, впрочемъ, по преимуществу, въ университетахъ; но пробуютъ вліять и прямо на самихъ рабочихъ. Къ счастью, господствующія партіи слишкомъ недальновидны, германскіе рабочіе слишкомъ смѣтливы и экономическія отношенія слишкомъ развились, чтобы подобные господа могли основательно повредить.

Какъ бы ни кичился и ни обособлялся отъ массы пролетаріата тотъ или другой разрядъ рабочихъ, сравнительно благопріятно поставленный, онъ не можетъ не поддаться съ теченіемъ времени дѣйствію экономической эволюціи, которая толкаетъ его къ соединенію со всѣмъ рабочимъ классомъ. Много ли, мало ли времени уйдетъ на сокрушеніе аристократическихъ тенденцій даннаго слоя рабочихъ, зависитъ отъ степени ихъ сознательности, отъ высоты экономическаго развитія той отрасли промышленности, въ которой они заняты, отъ ея роли на внутреннемъ и міровомъ рынкѣ; но рано ли, поздно ли, а эти тенденціи будутъ сокрушены.

Ни одна отрасль промышленности не застрахована отъ технической революціи, которая ставитъ на мѣсто обученнаго рабочаго необученнаго и создаетъ мужчинѣ конкурренцію со стороны женщинъ и дѣтей. Но и помимо этого въ каждой организованной профессіи постепенно растетъ число обученныхъ рабочихъ, вынужденныхъ оставаться внѣ организаціи, потому что не зарабатываютъ достаточно, чтобы войти въ нее, и капиталисты могутъ употребить ихъ противъ организованныхъ рабочихъ. Даже наилучше организованные рабочіе, союзныя кассы которыхъ находятся въ наилучшемъ состояніи, вынуждены постепенно убѣждаться, что отдѣльныя профессіональныя организаціи безсильны противъ угнетающаго дѣйствія капитализма, а о полномъ преодолѣніи капитализма и подавно для

нихъ не можетъ быть рѣчи. Они вынуждены признать, что, чѣмъ слабѣе пролетаріатъ въ своей совокупности, тѣмъ и они слабѣе, чѣмъ сильнѣе — тѣмъ и они сильнѣе. Они должны прійти къ убѣжденію, что валѣзать, ради собственнаго возвышенія, на плечи людей, тонущихъ въ трясинѣ, и тѣмъ самымъ толкать ихъ въ глубину — плохая политика. Чтобы подняться на высоту и удержаться на ней, нужно имѣть твердую почву подъ ногами. А для этого надо помочь ниже стоящимъ слоямъ вылѣзть изъ болота.

Такъ „аристократическіе“ слои рабочихъ одинъ за другимъ начинаютъ видѣть въ своей борьбѣ противъ эксплуатаціи не свою особую борьбу за свои особые интересы, а часть великой классовой борьбы, которую ведетъ весь пролетаріатъ. Они убѣждаются, что борьба другихъ слоевъ пролетаріата имѣетъ и для нихъ значеніе, что она ведется также и за ихъ дѣло, что они обязаны поэтому по мѣрѣ возможности принимать въ ней участіе. Они убѣждаются, что имъ слѣдуетъ, гдѣ только возможно, защищать интересы также и тѣхъ слоевъ пролетаріата, которые не могутъ еще защищаться собственными силами, оставаясь пока внѣ области рабочаго движенія.

Въ то же время и неквалифицированные рабочіе поднимаются слой за слоемъ. Уже одинъ видъ борьбы квалифицированныхъ рабочихъ дѣйствуетъ ободряюще и возбуждающе на многихъ изъ ихъ „неквалифицированныхъ“ собратьевъ. О подобномъ же дѣйствіи борьбы за рабочее законодательство мы уже упоминали. Рядъ другихъ причинъ тоже поощряетъ тамъ и сямъ отдѣльные слои рабочихъ вступать въ ряды борющагося пролетаріата.

Непосредственные экономическіе результаты борьбы неквалифицированныхъ пролетаріевъ обыкновенно ничтожны. Ея исторія — это „длинный рядъ пораженій, изрѣдка прерываемый единичными побѣдами“ (Энгельсъ). Но пролетаріи, точно великанъ Антей греческой миѳологіи, черпаютъ при борьбѣ новыя силы изъ каждаго пораженія. Сама борьба, каковъ бы ни былъ ея исходъ, нравственно поднимаетъ рабочихъ, будитъ и укрѣпляетъ въ нихъ всѣ тѣ свойства, на которыя мы указывали выше какъ на характерные для пролетаріата. Борьба ведетъ его къ нравственному и соціальному возрожденію, даже тогда, когда вовсе не улучшаетъ его экономическаго положенія, или даже ухудшаетъ его.

Такъ изъ квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ рабочихъ постепенно слагается слой рабочаго класса, находящійся въ движеніи, слагается рабочее движеніе. Это — борющаяся за совокупные интересы своего класса часть пролетаріата, его ecclesia militans (воинствующая церковь). Этотъ слой все ростетъ, насчетъ какъ кичливыхъ, погрязшихъ въ ограниченномъ эгоизмѣ „аристократовъ труда“, такъ и насчетъ несознательной „черни“ низшихъ слоевъ пролетаріата, прозябающихъ въ безнадежности и безсиліи. Мы видѣли, что рабочій пролетаріатъ все увеличивается численно; мы знаемъ далѣе, что онъ начинаетъ задавать тонъ другимъ трудящимся классамъ, которые все болѣе и болѣе усвоиваютъ его образъ жизни, его настроеніе и взгляды; теперь мы видимъ, что въ этой все увеличивающейся численно массѣ ея боевая доля растетъ не только абсолютно, но и относительно. Какъ бы быстро ни возросталъ пролетаріатъ, его *борющаяся часть* растетъ еще быстрѣе.

9. Политическая борьба.

Подобно тому какъ, создавая свои первыя организаціи сопротивленія, пролетаріатъ подражаетъ формамъ организацій подмастерьевъ-ремесленниковъ, такъ и его первоначальныя средства борьбы всюду, гдѣ онъ выступаетъ сомкнутыми массами, тѣ же, что примѣнялись подмастерьями: бойкотъ и, въ особенности, стачка.

Но одними этими средствами борьбы пролетаріатъ не можетъ ограничиться. Чѣмъ болѣе отдѣльные слои его сплачиваются въ единый рабочій

классъ, тѣмъ болѣе его борьба должна принимать *политическій характеръ*, всякая классовая борьба есть борьба политическая, какъ это было сказано уже въ коммунистическомъ манифестѣ.

Уже потребности чисто профессіональной борьбы заставляютъ рабочихъ выставлять политическія требованія. Какъ мы раньше видѣли современное государство поставило своей главной задачей по отношенію къ насмнымъ рабочимъ сдѣлать ихъ организацію невозможной. Тайная организація можетъ быть лишь суррогатомъ организаціи явной тѣмъ менѣе пригоднымъ, чѣмъ многочисленнѣе тѣ массы, которыя надо сплотить въ единое цѣлое. Поэтому чѣмъ далѣе развивается пролетаріатъ, тѣмъ необходимѣе ему свобода организацій, свобода союзовъ.

Однако, одной этой свободы недостаточно для того, чтобы пролетаріатъ получилъ возможность въ полной мѣрѣ развить свои организаціи и возможно болѣе цѣлесообразно примѣнять ихъ. Мы уже указывали, какъ легко было ремесленнымъ подмастерьямъ объединяться. Въ каждомъ городѣ въ одномъ и томъ же ремеслѣ работало сравнительно мало народа, при томъ ремесло обыкновенно было сосредоточено на одной какой-либо улицѣ, такъ что ремесленники находились въ постоянномъ личномъ общеніи другъ съ другомъ. По большей части одна комната въ кабачкѣ вмѣщала всѣхъ подмастерьевъ любого ремесла. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ хозяйственномъ отношеніи городъ представлялъ собой болѣе или менѣе замкнутое цѣлое. Средства сообщенія были плохи, и сношенія города съ городомъ незначительны. Немногихъ странствующихъ подмастерьевъ было вполнѣ достаточно, при такихъ условіяхъ, чтобы поддерживать связь между ихъ организаціями въ отдѣльныхъ городахъ.

Въ настоящее время въ крупныхъ центрахъ промышленности трудятся тысячи рабочихъ и каждый изъ нихъ находится въ болѣе тѣсномъ общеніи не со всей широкой массой товарищей по ремеслу, а лишь съ немногими работающими вмѣстѣ съ нимъ. Чтобы связать эти массы, чтобы пробудить въ нихъ пониманіе широкой общности ихъ интересовъ и привлечь ихъ въ ряды организацій, отстаивающихъ эти интересы, необходима возможность обращаться къ массамъ съ свободнымъ словомъ, необходима свобода собраній и печати. Ремесленнымъ подмастерьямъ печать была ненужна. При тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какихъ они жили, достаточно было личнаго общенія.

Объединить же въ организаціи громадныя массы современныхъ наемныхъ рабочихъ и заставить ихъ единодушно дѣйствовать невозможно безъ содѣйствія прессы.

И это тѣмъ невозможнѣе, чѣмъ шире развиваются современныя средства сообщенія. Развитіе этихъ средствъ даетъ въ руки капиталистовъ могучее оружіе въ борьбѣ съ рабочими. Современные пути сообщенія позволяютъ предпринимателямъ быстро передвигать большое количество рабочихъ на значительное разстояніе. Вступивъ въ борьбу со своими рабочими, хозяинъ можетъ легко замѣстить ихъ рабочими изъ иныхъ мѣстностей разъ между тѣми и другими не существуетъ никакой связи. Развитіе сношеній между отдѣльными мѣстностями дѣлаетъ все болѣе и болѣе необходимой организацію отдѣльныхъ мѣстныхъ движеній въ единое рабочее движеніе, охватывающее всю борющуюся рабочую массу цѣлой страны, а затѣмъ и объединеніе рабочихъ организацій всѣхъ промышленныхъ странъ. Въ дѣлѣ такого національнаго и международнаго объединенія промышленныхъ рабочихъ еще болѣе, чѣмъ въ мѣстной организаціонной работѣ, необходима помощь *печати*.

Такимъ образомъ всюду, гдѣ рабочій классъ начинаетъ шевелиться, всюду, гдѣ онъ дѣлаетъ первыя попытки добиться улучшенія своего положенія, всюду мы видимъ на ряду съ чисто экономическими требованіями также и требованія политическія: свободы союзовъ, собраній, печати. Эти права имѣютъ для рабочаго класса громадное значеніе; они относятся къ тѣмъ жизненнымъ условіямъ, которыя безусловно необходимы для его развитія. Они для пролетаріата то же, что свѣтъ и воздухъ; кто урѣзываетъ или не даетъ ихъ, или старается удержать рабочихъ отъ борьбы

за ихъ достиженіе и расширеніе — принадлежитъ къ наихудшимъ врагамъ рабочаго класса, какую бы не выражалъ онъ при этомъ притворную или искреннюю любовь къ нему и какъ бы ни назывался: анархистомъ, христіанскимъ соціалистомъ или еще какъ-нибудь иначе. Такой человѣкъ, подобно явнымъ врагамъ приноситъ вредъ пролетаріату и дѣлаетъ ли онъ это изъ злокозненности или по недомыслію, съ нимъ надо одинаково бороться, какъ и съ признанными противниками рабочаго класса.

Часто противопоставляли политическую борьбу — борьбѣ экономической и говорили о необходимости для пролетаріата отдавать свои силы исключительно той или другой. На самомъ дѣлѣ, невозможно раздѣлять ихъ. Для борьбы экономической необходимы политическія права, о которыхъ мы только что говорили; но они не съ неба падаютъ и, чтобы добиться и отстоять эти права необходима напряженная политическая дѣятельность. Сама политическая борьба есть въ конечномъ счетѣ, иногда же и прямо, какъ, напримѣръ, въ вопросахъ таможенныхъ, объ охранѣ труда и тому подобныхъ — борьба экономическая. Политическая борьба есть только особая, наиболѣе широко и глубоко захватывающая форма экономической борьбы.

Не только законы, непосредственно касающіеся рабочаго класса, но и большинство другихъ законовъ, такъ или иначе затрагиваютъ его интересы. Подобно всѣмъ другимъ классамъ, рабочій классъ долженъ стремиться къ политическому вліянію и политической власти, долженъ стремиться заставить правительство служить своимъ цѣлямъ.

Въ *современномъ* государствѣ къ этому ведутъ два пути. Во-первыхъ, вліяніе на личность главы государства. Въ самодержавныхъ государствахъ оно было (и есть) единственно возможный способъ вліять на управленіе страной. Поэтому сохраненіе такой государственной формы правленія лежитъ въ интересахъ классовъ, члены которыхъ имѣютъ доступъ къ главѣ государства, могутъ добиться его расположенія, поставить его въ зависимость отъ себя или доказать свою полезность для него. Эти-то классы, придворная знать, высшіе чины арміи и бюрократіи, наконецъ, крупные кредиторы-заправилы финансоваго міра — являются естественными защитниками самодержавія.

Всѣ другіе классы населенія въ современномъ крупномъ государствѣ могутъ лишь съ помощью избираемаго ими парламента добиться вліянія на управленіе страной. Парламентъ опредѣляетъ тѣ условія, на которыхъ классы, имъ представленные, готовы разрѣшить необходимые для выполненія государственнаго бюджета налоги. Право и возможность отказа въ уплатѣ налоговъ есть та основа, изъ которой выросли права принятія и отклоненія законовъ, а также сверженія министерства. Эти права имѣются у каждаго парламента, дѣйствительно заслуживающаго такое названіе, а не являющагося, согласно чьему-то выраженію, лишь фиговымъ листкомъ абсолютизма.

О прямомъ народномъ законодательствѣ намъ нѣтъ надобности говорить здѣсь. Оно не можетъ сдѣлать излишнимъ парламентъ; по крайней мѣрѣ, въ современномъ крупномъ государствѣ, а только о такомъ здѣсь и идетъ рѣчь. Самое большее, что оно можетъ сдѣлать это дѣйствовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ дополненіе къ парламенту. Совершенно немыслимо проводить всѣ законы черезъ прямое народное законодательство и также немыслимо съ его помощью слѣдить за исполнительной властью и, когда надо, вліять на нее. Пока существуютъ современныя крупныя государства, центромъ тяжести ихъ политической жизни будутъ ихъ парламенты.

Послѣднимъ словомъ парламентаризма является парламентарная республика; остается ли при томъ монархія въ качествѣ декораціи, какъ у англичанъ, или нѣтъ — довольно безразлично. На дѣлѣ во всякой странѣ съ парламентарнымъ образомъ правленія государственная власть попадаетъ въ полную зависимость отъ парламента, потому что у него въ рукахъ денежный мѣшокъ — это душа современнаго государства, какъ и

всякаго современнаго предпріятія. Въ настоящее время королю безъ денегъ приходится еще хуже, чѣмъ королю безъ земли.

Въ современномъ государствѣ всѣ классы, живущіе сильной и самостоятельной политической жизнью и не надѣющіеся легче достигнуть своихъ цѣлей вліяніемъ на личность главы государства, стремятся къ тому, чтобы усилить могущество парламента и свою собственную силу въ парламентѣ. Власть парламента зависитъ отъ силы и энергіи стоящихъ за нимъ классовъ, а также отъ силы и мужества тѣхъ классовъ, которымъ онъ навязываетъ свою волю. Сила даннаго класса въ парламентѣ зависитъ прежде всего отъ организаціи избирательнаго права. Классы, не пользующіеся избирательнымъ правомъ, конечно не могутъ и быть представлены въ парламентѣ. А затѣмъ, сила представленнаго въ парламентѣ класса зависитъ отъ вліянія, какимъ оно пользуется среди избирателей и, наконецъ, отъ способности этого класса къ парламентской дѣятельности.

Первые два пункта не требуютъ разъясненія и только послѣднему не мѣшаетъ удѣлить нѣсколько словъ. Не всякій пригоденъ къ парламентской дѣятельности. Она предполагаетъ наличность извѣстнаго опыта, пріобрѣтаемаго только болѣе или менѣе продолжительнымъ участіемъ, особенно въ качествѣ оратора, въ общественной жизни. Затѣмъ для нея требуется извѣстный кругозоръ, широта взгляда, способнаго охватить вопросы общенаціональнаго и международнаго значенія. Крестьяне, а также и большинство мелкой буржуазіи не обладаютъ этими необходимыми для парламентской дѣятельности качествами. Какъ мы уже видѣли, добываніе средствъ существованія поглощаетъ ихъ всецѣло. При этомъ работа разъединяетъ ихъ членовъ, отдѣляетъ другъ отъ друга, ограничиваетъ сношенія каждаго небольшимъ кругомъ лицъ. Ихъ кругозоръ необходимо крайне ограниченъ, поэтому вопросы самаго общаго значенія измѣряются ими масштабомъ личныхъ нуждъ или, самое большее, мѣстныхъ нуждъ данной минуты. Условія ихъ существованія препятствуютъ не только образованію въ этой средѣ парламентскихъ политическихъ дѣятелей, они также препятствуютъ объединенію этихъ классовъ въ національныя партіи (въ смыслѣ партіи охватывающей весь классъ въ предѣлахъ данной націи). Эти классы образуютъ народныя массы безъ внутренней связи, поддающіяся настроеніямъ минуты; они не только не въ состояніи посылать въ парламентъ представителями людей изъ среды своего класса, они даже не могутъ строго контролировать своихъ представителей. Ремесленникъ или настоящій крестьянинъ встрѣчается въ парламентѣ не чаще бѣлаго ворона. Своими представителями эти слои населенія выбираютъ людей не изъ своей среды, а будучи либерально настроены, они посылаютъ въ парламентъ адвокатовъ или профессоровъ, и выбираютъ крупныхъ землевладѣльцевъ, священниковъ или чиновниковъ съ положеніемъ, если настроены консервативно. Ясно, что подобный представитель, даже при самыхъ честныхъ намѣреніяхъ, не можетъ быть вѣрнымъ выразителемъ интересовъ ремесленниковъ или крестьянъ. Но часто онъ выступаетъ совсѣмъ не съ честными намѣреніями. А разъ попавъ въ парламентъ, такой представитель можетъ дѣлать, что ему угодно, у его избирателей нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ вліять на него. Самое большее, что они могутъ сдѣлать, это — провалить на слѣдующихъ выборахъ измѣнника и... избрать на его мѣсто новаго такого же.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что такіе избиратели очень плохо отзываются о парламентаризмѣ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ буржуазіей. Въ ея распоряженіи всѣ матеріальныя и духовныя средства, чтобы охранять свои интересы, какъ въ избирательной, такъ и въ парламентской борьбѣ. У буржуазіи достаточно не только денежныхъ средствъ; въ ея рядахъ находится много образованныхъ людей, людей со знаніемъ свѣта, людей, привыкшихъ управлять крупными общественными организаціями, людей, сдѣлавшихъ своимъ призваніемъ изученіе законовъ и ораторское искусство, адвокатовъ и профессоровъ. Ни одинъ классъ не стоялъ до сихъ поръ въ этомъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ буржуа-

зіей. До самаго послѣдняго времени она властвовала въ парламентахъ, и парламентаризмъ являлся наиболѣе подходящимъ и дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы обезпечить ей власть въ государствѣ и заставить низшіе классы политически служить буржуазіи.

Поэтому радикальные элементы мелкой буржуазіи, которымъ хотѣлось бы свернуть шею капиталу, склонны видѣть въ парламентаризмѣ основную силу, поддерживающую и увѣковѣчивающую угнетенное положеніе низшихъ классовъ. Такіе радикалы не хотятъ ничего слышать о парламентаризмѣ и увѣрены, что лишь вполнѣ отстранившись отъ него можно свергнуть власть буржуазіи. Поэтому одни изъ нихъ требуютъ полной замѣны парламента прямымъ народнымъ законодательствомъ, другіе идутъ еще дальше и видя, что въ современномъ государствѣ политика и парламентаризмъ связаны неразрывными узами, отвергаютъ вообще всякую политическую дѣятельность. Все это, хотя и звучитъ очень революціонно, на дѣлѣ — ничто иное, какъ объявленіе политическаго банкротства низшихъ классовъ.

Пролетаріатъ занимаетъ по отношенію къ парламентаризму болѣе выгодное положеніе, чѣмъ крестьяне и мелкая буржуазія. Мы уже видѣли, какъ современный способъ производства расширяетъ кругозоръ пролетарія, пробуждаетъ въ немъ жажду знанія, пониманіе связи явленій и интересъ къ великимъ общимъ вопросамъ. Это одно уже ставитъ его, какъ политика, выше крестьянина и мелкаго буржуа. Пролетарію легче проникнуться партійными принципами, онъ склоненъ къ принципіальной политикѣ, независимой отъ настроеній минуты, отъ личныхъ или мѣстныхъ интересовъ. Въ то же время условія жизни пролетарія заставляютъ его соединяться со своими товарищами и дѣйствовать большими массами. Условія его жизни воспитываютъ въ немъ строгую дисциплину и отъ своихъ руководителей онъ требуетъ такой же дисциплины, какая требуется отъ него. Поэтому дѣятельность на пользу пролетарскихъ организацій, какъ и дѣятельность внутри ихъ, являются превосходной школой парламентаризма. Она пріучаетъ къ парламентскимъ формамъ, вырабатываетъ ораторовъ, знатоковъ законовъ и организаторовъ.

Вотъ почему пролетаріатъ въ состояніи создать — и онъ это уже прекрасно доказалъ, въ особенности въ Германіи — свою собственную, отъ другихъ классовъ независимую партію. Ни крестьянамъ, ни мелкой буржуазіи не удавалось, да и въ будущемъ не можетъ удастся, создать такую партію. Пролетаріатъ умѣетъ очень хорошо контролировать своихъ представителей, заставлять ихъ служить своимъ интересамъ;*) наконецъ, онъ находитъ въ своихъ собственныхъ рядахъ все болѣе людей, способныхъ успѣшно представлять его въ парламентѣ.

Всюду, гдѣ достигшій классоваго самосознанія пролетаріатъ принимаетъ участіе какъ въ избирательной борьбѣ, такъ и въ борьбѣ внутри парламента, самъ парламентаризмъ начинаетъ измѣнять свою сущность. Онъ перестаетъ быть простымъ орудіемъ господства въ рукахъ буржуазіи. Именно этотъ родъ борьбы оказался самымъ могучимъ средствомъ для того, чтобы пробудить еще индифферентные слои пролетаріата, влить въ нихъ вѣру въ себя и надежду на будущее; онъ оказался самымъ могучимъ средствомъ все крѣпче и крѣпче сливать отдѣльные слои пролетаріата въ единый рабочій классъ. Наконецъ, изъ всѣхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи пролетаріата, парламентская борьба есть самое могучее, чтобы оказывать на государственную власть давленіе въ свою пользу и отвоевывать отъ нея тѣ уступки, какія могутъ быть отвоеваны. Коротко говоря, парламентская борьба является самымъ сильнымъ рычагомъ, чтобы поднять пролетаріатъ изъ его экономической, общественной и моральной приниженности.

---

*) Можетъ быть этому утвержденію противопоставять дѣятельность англійскихъ „рабочихъ представителей“, столь часто предававшихъ въ парламентѣ интересы рабочаго класса; но эти господа обязаны своимъ избраніемъ не вліянію всего рабочаго класса, а вліянію замкнувшейся въ цеховыхъ рамкахъ высокомѣрной рабочей аристократіи, стремящейся подняться въ своемъ положеніи надъ пролетаріатомъ. Господа Бродгёрстъ и компанія всегда дѣйствовали именно въ смыслѣ этихъ своихъ довѣрителей.

Поэтому не только нѣтъ никакихъ основаній рабочему классу чуждаться парламентаризма, но онъ, наоборотъ, имѣетъ всѣ основанія всюду дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу расширенія правъ парламента насчетъ исполнительной власти и заботиться объ усиленіи своего представительства въ парламентѣ. На ряду со свободой союзовъ и свободой прессы всеобщее избирательное право является однимъ изъ жизненныхъ условій успѣшнаго развитія пролетаріата.

10. Рабочая партія.

Далеко не во всѣхъ странахъ пролетаріатъ пользуется этими условіями свободнаго развитія и почти нигдѣ онъ не пользуется ими въ достаточной степени; почти всюду существуетъ стремленіе урѣзывать то, что имъ уже отвоевано. Рабочему классу необходима долгая, полная жертвъ борьба, чтобы добиться и обезпечить за собой необходимыя политическія права.

Въ началѣ его политической борьбы задача пролетаріата облегчается борьбой, происходящей внутри самихъ имущихъ классовъ. Промышленные капиталисты, купцы, землевладѣльцы, придворные и другіе слуги абсолютизма и. т. п. приходятъ очень часто въ рѣзкое столкновеніе другъ съ другомъ. Въ такихъ случаяхъ каждый изъ этихъ классовъ ищетъ себѣ союзниковъ и старается небольшими уступками склонить ихъ присоединиться къ себѣ. Часто послѣ побѣды союзникъ оказывается обманутымъ при дѣлежѣ добычи; съ другой стороны не разъ случалось, что политическая партія бывала вынуждена дать одному изъ низшихъ классовъ важныя политическія права, чтобы этимъ сдѣлать его способнымъ оказывать себѣ существенныя услуги.

Господствующія партіи не разъ апеллировали къ пролетаріату; онѣ сами вытащили его на арену политической борьбы. До тѣхъ поръ, пока онъ *не началъ* вести самостоятельной политики, онѣ считали его простой голосующей „скотиной“, которая такъ же легко, какъ крестьяне и мелкая буржуазія даетъ своимъ же собственнымъ эксплуататорамъ пользоваться собою въ качествѣ вспомогательнаго отряда. И пролетаріатъ не разъ, дѣйствительно, оказывалъ имъ такія услуги. Однако, интересы пролетаріата и буржуазіи настолько противоположны, что стремленія этихъ двухъ классовъ не могутъ быть объединены на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ каждой странѣ съ капиталистическимъ способомъ производства участіе рабочаго класса въ политикѣ рано или поздно приводитъ къ тому, что онъ отдѣляется отъ буржуазныхъ партій и образуетъ самостоятельную *рабочую партію*. Это лежитъ въ природѣ вещей и послѣ всего нами уже сказаннаго объ интересахъ, стремленіяхъ и взглядахъ обоихъ классовъ не требуетъ никакихъ разъясненій.

Моментъ, когда пролетаріатъ въ той или другой странѣ приходитъ къ этому рѣшительному шагу и разрѣзаетъ пуповину, связывающую его съ буржуазнымъ обществомъ, въ нѣдрахъ котораго онъ зародился, зависитъ прежде всего отъ высоты экономическаго развитія страны, потому что ею, главнымъ образомъ, опредѣляются распространеніе, сила и сплоченность пролетаріата. Есть, однако, еще цѣлый рядъ условій, имѣющихъ важное значеніе для болѣе или менѣе ранняго наступленію момента политической самостоятельности рабочаго класса. Въ особенности, надо указать на два условія: высоту пониманія рабочимъ классомъ политическихъ и экономическихъ отношеній, и позицію, занятую по отношенію къ нему буржуазными партіями. Оба эти условія были въ Германіи до сихъ поръ особенно благопріятны для политическаго отдѣленія рабочаго класса отъ буржуазіи, гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было изъ другихъ крупныхъ государствъ; вотъ почему въ Германіи рабочее движеніе въ смыслѣ самостоятельности отъ буржуазныхъ партій далеко опередило рабочее движеніе другихъ странъ.

Однако, какъ бы ни было подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ различно время, когда рабочее движеніе въ отдѣльныхъ капиталистиче-

скихъ странахъ сплачивается въ самостоятельныя рабочія партіи. въ каждой изъ этихъ странъ экономическое развитіе силой естественной необходимости приводитъ къ этому.

Каждая политическая партія необходимо ставитъ своей цѣлью политическое господство. Она должна стремиться къ тому, чтобы заставить власть служить себѣ, т. е. интересамъ того класса, который эта партія представляетъ, она должна стремиться сдѣлаться господствующей партіей. Рабочій классъ, организуясь въ самостоятельную партію, съ естественной необходимостью ставитъ себѣ эту цѣль, и съ той же естественной необходимостью экономическое развитіе приводитъ пролетаріатъ къ ея осуществленію. Здѣсь, какъ и въ отдѣленіи рабочихъ отъ буржуазныхъ партій, моментъ наступленія этого событія зависитъ не отъ одной только высоты экономическаго развитія страны; наряду съ этимъ оказываетъ вліяніе цѣлый рядъ условій національнаго и международнаго характера. Точно также формы, въ какихъ это произойдетъ, могутъ быть очень различны. Но, что для всякаго, слѣдившаго за экономическимъ и политическимъ развитіемъ современнаго общества за послѣднее столѣтіе, должно быть несомнѣнно — это *естественная неизбѣжность конечной побѣды пролетаріата.* Распространеніе, нравственная и политическая сила, и экономическая необходимость пролетаріата все растетъ, классовая борьба воспитываетъ въ немъ солидарность и дисциплину и расширяетъ его кругозоръ; непрерывно растутъ широта и сплоченность организацій пролетаріата, и въ области капиталистическаго производства онъ все болѣе дѣлается главнымъ, а въ концѣ концовъ и единственнымъ работающимъ классомъ, отъ дѣятельности котораго зависитъ существованіе всего общества. Въ то же самое время классы, враждебные пролетаріату, все болѣе уменьшаются въ числѣ, видимо, теряютъ нравственную и политическую силу и дѣлаются не только излишними, но даже вредными для дальнѣйшаго развитія производства, которое подъ ихъ руководствомъ все болѣе и болѣе запутывается и дѣлаетъ положеніе вещей все невыносимѣе.

Въ виду всего этого не можетъ быть сомнѣнія, на чьей сторонѣ будетъ въ концѣ концовъ побѣда. Уже давно смятеніе передъ приближающимся концомъ охватило господствующіе классы. Но они не хотятъ признаться себѣ во всемъ ужасѣ своего положенія, они стремятся обмануть себя ложью и напускнымъ торжествомъ; они завязываютъ себѣ глаза лишь бы не видѣть пропасти, къ которой несутся и не замѣчаютъ, что этимъ самоослѣпленіемъ ускоряютъ и ухудшаютъ свое паденіе.

Пролетаріатъ, этотъ низшій изъ эксплуатируемыхъ классовъ — лумпенъ-пролетаріатъ не эксплуатируется, онъ самъ принадлежитъ къ числу паразитовъ — не можетъ воспользоваться, какъ это дѣлали до него другіе классы, завоеванной властью для того, чтобы сбросить тяжесть эксплуатаціи на чужія плечи, а самому сдѣлаться классомъ эксплуатирующимъ. Онъ неизбѣжно долженъ будетъ воспользоваться властью для того, чтобы положить конецъ своей эксплуатаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякой эксплуатаціи въ буржуазномъ обществѣ. Но корень эксплуатаціи — это частная собственность на средства производства. И если свобода пролетаріата отъ собственности даетъ возможность склонить его въ пользу уничтоженія права собственности на средства производства, то эксплуатація заставляетъ его выполнить это уничтоженіе и на мѣсто капиталистическаго способа производства ввести кооперативное производство.

Но мы уже видѣли, что при господствѣ товарнаго способа производства кооперативное производство не можетъ сдѣлаться общей формой производства. Для общей замѣны капиталистическаго производства кооперативнымъ необходимо, чтобы мѣсто товарнаго производства — производства для рынка — заняло производство для общества. Поэтому соціалистическое производство является естественно необходимымъ слѣдствіемъ побѣды пролетаріата. Логика фактовъ вызвала бы его къ жизни даже въ томъ случаѣ, если бы пролетаріатъ сознательно не захотѣлъ воспользоваться своей властью въ государствѣ для того, чтобы съ помощью этой

власти овладѣть средствами производства и на мѣсто капиталистическаго товарнаго производства ввести производство соціалистическое; но въ послѣднемъ случаѣ это произошло бы, по всему вѣроятію, послѣ многихъ ошибокъ, блужданій и ненужныхъ жертвъ, послѣ безполезной растраты многихъ силъ и времени. Но время соціалистическаго производства придетъ и придетъ неизбѣжно. Его побѣда сдѣлалась неизбѣжной съ того момента, какъ сдѣлалась неизбѣжной побѣда пролетаріата. Пролетаріатъ не можетъ не стремиться воспользоваться своей побѣдой для устраненія своей эксплуатаціи и онъ *не можетъ* достичь этой цѣли иначе, какъ организовавъ производство соціалистически. Экономическое и политическое развитіе само даетъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, синдикатахъ, государственномъ хозяйствѣ исходныя точки для этого, оно само дѣлаетъ безуспѣшной всякую попытку побѣдоноснаго пролетаріата какой-либо страны двигаться въ другомъ направленіи, и поэтому пролетаріату придется вступить на путь соціализма даже въ томъ случаѣ, если бы сначала онъ и относился къ этому враждебно.

Нѣтъ, однако, основаній думать, чтобы пролетаріатъ какой-либо страны, разъ достигнувъ господства, сталъ въ такое отрицательное отношеніе къ соціализму. Вѣдь, это значило бы, что его сознаніе и знанія остановились на младенческой ступени, въ то время какъ онъ созрѣлъ экономически, политически и нравственно и въ силахъ побѣдить и подчинить своей волѣ своихъ могущественныхъ противниковъ. У пролетаріата подобное несоотвѣтствіе въ развитіи въ высшей степени невѣроятно. Мы уже не разъ указывали, что, благодаря машинѣ, въ пролетаріатѣ, разъ онъ выбился изъ своего первоначальнаго униженія, растетъ теоретическій смыслъ, способность понимать великія задачи и цѣли, выходящія за предѣлы интересовъ минуты, — чего было бы напрасно искать у другихъ трудящихся и производительныхъ классовъ, стоящихъ впереди и выше него. Въ то же время экономическое развитіе современнаго общества подвигается такъ быстро и выражается такими разительными массовыми явленіями, которыя очевидны даже невѣжественнымъ людямъ, когда имъ на нихъ указываютъ. А въ указаніяхъ нѣтъ недостатка, такъ какъ въ то же время чрезвычайно расширилось и углубилось пониманіе хода экономическаго развитія и всѣхъ движущихъ силъ общественнаго хозяйства, благодаря завершенію *Карломъ Марксомъ* труда, начатаго буржуазной классической политической экономіей.

Все ведетъ къ тому, чтобы сдѣлать борющійся пролетаріатъ крайне воспріимчивымъ къ соціалистическому ученію. Соціализмъ несетъ ему не печальную, а радостную вѣсть, новое евангеліе. Господствующимъ классамъ нельзя признать соціализмъ, не совершая моральнаго самоубійства, пролетаріатъ же почерпаетъ изъ него новую жизнь, новыя силы, воодушевленіе и радостныя надежды. Много ли вѣроятія въ томъ, чтобы онъ неопредѣленно долгое время оставался равнодушнымъ или даже враждебнымъ къ такому ученію? Гдѣ дошло до образованія самостоятельной рабочей партіи, послѣдняя рано или поздно должна съ естественной необходимостью усвоить соціалистическія тенденціи, если не одушевлена ими съ самаго начала, должна въ концѣ концовъ стать *соціалистической* рабочей партіей, т. е. *соціаль-демократіей.*

Теперь мы ясно видимъ, гдѣ преимущественно вербуетъ своихъ сторонниковъ соціаль-демократія. Вкратцѣ все вышесказанное сводится къ слѣдующему: борющіеся, достигшіе политическаго самосознанія слои промышленнаго пролетаріата — вотъ кто носители соціалистическаго движенія, Но, чѣмъ болѣе растетъ вліяніе пролетаріата на ближайшіе къ нему общественные слои, чѣмъ больше его вліяніе на ихъ настроеніе и мысли, тѣмъ больше втягиваются въ соціалистическое движеніе и они.

Классовая борьба пролетаріата имѣетъ своей естественной цѣлью — соціалистическое производство; она не можетъ закончиться раньше его введенія. Побѣда соціализма такъ же несомнѣнна, какъ несомнѣнно то, что въ концѣ концовъ пролетаріатъ станетъ господствующимъ классомъ въ государствѣ.

11. Рабочее движеніе и соціализмъ.

Соціалисты не знали напередъ той роли, какую призванъ играть въ соціалистическомъ движеніи борющійся пролетаріатъ, да и не могли, конечно, знать, пока борющаго пролетаріата не было вовсе. Соціализмъ древнѣе классовой борьбы пролетаріата. Онъ зародился вмѣстѣ съ возникновеніемъ пролетаріата въ качествѣ массоваго явленія. А послѣднее долго существовало, не подавая никакихъ признаковъ самостоятельной жизни и движенія. Первымъ и единственнымъ тогда источникомъ соціализма было *состраданіе* филантроповъ высшихъ классовъ къ бѣднымъ и страдающимъ людямъ. Соціалистами были самые смѣлые и дальнозоркіе изъ этихъ друзей человѣчества, всѣхъ яснѣе разглядѣвшіе, что корень, изъ котораго растетъ пролетаріатъ, заключается въ частной собственности на средства производства и не побоявшіеся сдѣлать отсюда самые крайніе выводы. Соціализмъ былъ самымъ мужественнымъ, самымъ глубокимъ и самымъ великодушнымъ выраженіемъ буржуазной филантропіи. Въ то время не было такого классоваго интереса, во имя котораго соціалисты могли бы звать къ борьбѣ за свои цѣли; они могли только взывать къ энтузіазму и состраданію идеалистовъ высшихъ классовъ; они старались привлечь эти классы на свою сторону заманчивыми описаніями соціалистическаго строя, съ одной стороны, яркими картинами царящей нужды, — съ другой. Не борьбою, а мирнымъ убѣжденіемъ надо было склонить богатыхъ и могущественныхъ особъ дать средства для радикальнаго излѣченія нужды, для введенія идеальнаго общественнаго устройства. Какъ извѣстно, соціалисты этого періода упорно и напрасно ожидали тѣхъ милліонеровъ и князей, великодушіе которыхъ должно было спасти человѣчество.

Въ первое десятилѣтіе XIX в. пролетаріатъ началъ подавать признаки самостоятельной жизни. Въ тридцатыхъ годахъ во Франціи и особенно въ Англіи мы находимъ уже сильное рабочее движеніе.

Но соціалисты не понимали его. Они считали невозможнымъ, чтобы бѣдные, грубые, невѣжественные пролетаріи когда-либо пріобрѣли ту нравственную высоту и общественную силу, которыя необходимы для осуществленія соціалистическихъ стремленій. И не одно только простое недовѣріе чувствовали они къ рабочему движенію. Оно безпокоило ихъ, хотя бы уже тѣмъ однимъ, что грозило лишить ихъ одного изъ главныхъ ихъ аргументовъ. Буржуазные соціалисты могли надѣяться втолковать чувствительнымъ буржуа необходимость соціализма лишь въ томъ случаѣ, если бы имъ удалось показать, что это единственное средство борьбы съ бѣдностью, что всякія попытки смягчить нужду, поднять пролетаріатъ въ современномъ обществѣ безнадежны, подняться же собственными усиліями пролетаріатъ не можетъ. А рабочее движеніе исходило изъ предпосылокъ, которыя противорѣчили такой аргументаціи. Къ этому прибавилось еще одно обстоятельство. Классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей, естественно, ожесточала послѣднюю противъ поднимавшихся пролетаріевъ. Изъ жалкихъ бѣдняковъ, нуждающихся въ помощи, они превратились въ глазахъ буржуазіи въ испорченную сволочь, которую надо подавлять и держать въ покорности. Главный источникъ соціализма въ буржуазныхъ кругахъ, состраданіе къ бѣднымъ, сталъ изсякать. Испуганной буржуазіи соціалистическія ученія казались уже не невинной игрушкой, а крайне опаснымъ орудіемъ, которое могло попасть въ руки черни и произвести несказанныя бѣды. Короче, чѣмъ сильнѣе росло рабочее движеніе, тѣмъ труднѣе шла соціалистическая пропаганда въ господствующихъ классахъ, тѣмъ враждебнѣе относились послѣдніе къ соціализму.

И пока соціалисты держались того взгляда, что средства для достиженія ихъ цѣлей могутъ дать только высшіе классы, они должны были относиться къ рабочему движенію не только скептически, но зачастую рѣшительно враждебно, должны были думать, что ничто не вредитъ дѣлу соціализма больше, чѣмъ классовая борьба.

Отрицательное отношеніе буржуазныхъ соціалистовъ къ рабочему движенію, естественно, не осталось безъ вліянія также и на отношеніе рабочихъ къ соціализму. Разъ пробивающаяся вверхъ часть пролетаріата не только не находила поддержки въ своей борьбѣ, а даже встрѣчала отрицательное отношеніе со стороны соціалистовъ, разъ ихъ ученія могли скорѣе лишать ее бодрости, чѣмъ воспламенять, развившееся въ ней недовѣріе и отвращеніе къ соціалистическому ученію во всей его совокупности, а не къ одному только его приложенію къ текущей борьбѣ, было вполнѣ естественно въ пролетаріатѣ. Этому еще способствовало крайнее невѣжество и неспособность мыслить, которыя въ началѣ рабочаго движенія преобладали даже въ массѣ борющихся пролетаріевъ. Узость ихъ кругозора затрудняла имъ пониманіе конечныхъ цѣлей соціализма, къ тому же имъ недоставало яснаго сознанія общественнаго положенія и задачъ ихъ класса; они ощущали въ себѣ только глухой *классовой инстинктъ*, и онъ училъ ихъ относиться съ недовѣріемъ ко всему исходящему отъ буржуазіи, слѣдовательно, и къ тогдашнему соціализму, какъ и вообще къ буржуазной филантропіи.

Въ нѣкоторыхъ слояхъ рабочихъ — особенно въ Англіи — недовѣріе къ соціализму пустило тогда глубокіе корни. Отчасти этимъ — наряду со многими другими причинами, конечно — объясняется, почему Англія вплоть до послѣднихъ десятилѣтій была почти недоступна соціалистическимъ стремленіямъ, хотя современный соціализмъ относится къ рабочему движенію совсѣмъ иначе, чѣмъ буржуазные утописты.

Но какъ ни велика была временная пропасть между борющимся пролетаріатомъ и соціализмомъ, послѣдній настолько отвѣчаетъ потребностямъ наиболѣе мыслящей части пролетаріевъ, что даже тамъ, гдѣ массы относились къ соціализму враждебно, лучшія головы рабочаго класса охотно усвоивали его, разъ имѣли возможность ознакомиться съ нимъ. Но усвоивъ ученія буржуазныхъ соціалистовъ, они подвергли ихъ значительной передѣлкѣ. Рабочимъ незачѣмъ было считаться съ буржуазіей, которую они ненавидѣли и противъ которой ожесточенно боролись; мирный соціализмъ буржуазныхъ утопистовъ, желавшихъ спасти человѣчество съ помощью лучшихъ элементовъ высшихъ классовъ, у рабочихъ обратился въ насильственный, революціонный соціализмъ, объ осуществленіи котораго должны были позаботиться кулаки пролетаріевъ.

Однако, и этотъ первоначальный рабочій соціализмъ не относился съ пониманіемъ къ рабочему движенію; и онъ сталъ во враждебное отношеніе къ классовой борьбѣ, по крайней мѣрѣ, въ ея самой высшей формѣ, къ борьбѣ политической, хотя, конечно, въ силу другихъ основаній, чѣмъ буржуазные утописты. Взглянуть шире мѣшала теоретическая неподготовленность рабочихъ. Пролетарій можетъ, въ лучшемъ случаѣ, усвоить часть знаній, выработанныхъ буржуазной ученостью, и приспособить ихъ къ своимъ цѣлямъ и нуждамъ, но пока онъ остается пролетаріемъ, у него нѣтъ досуга и средствъ самостоятельно разработывать науку дальше предѣла, достигнутаго буржуазными мыслителями. Поэтому и самобытный рабочій соціализмъ долженъ былъ носить всѣ существенные признаки утопизма: онъ и не предчувствовалъ экономическаго развитія, которое создаетъ матеріальные элементы соціалистическаго производства и воспитываетъ путемъ классовой борьбы тотъ классъ, который призванъ завладѣть этими элементами и развить изъ нихъ новое общество. Подобно буржуазнымъ утопистамъ, и эти пролетаріи вѣрили, что общественная форма — это зданіе, которое можно построить по напередъ начертанному плану, лишь бы имѣть матеріалы и мѣсто для постройки. Энергичные и отважные, но наивные, утописты-пролетаріи уже считали себя въ силахъ возвести зданіе — все дѣло было лишь въ томъ, чтобы получить нужное мѣсто и нужныя средства. Они, конечно, не разсчитывали для этого на какихъ-либо милліонеровъ или государей. *Революція* — вотъ кто дастъ все необходимое, разрушитъ старое зданіе, *сокрушитъ* старыя власти и вручитъ изобрѣтателю или горсти изобрѣтателей новаго плана диктатуру, которая позволитъ современнымъ мессіямъ построить соціалистическое общество.

Въ этомъ ходѣ мысли классовой борьбѣ не было отведено никакого мѣста. Утописты-пролетаріи слишкомъ живо чувствовали всѣ тѣ бѣдствія, среди которыхъ жили, чтобы не желать нетерпѣливо ихъ моментальнаго устраненія. Если бы они даже считали возможнымъ, что классовая борьба постепенно подниметъ пролетаріатъ и сдѣлаетъ его способнымъ преобразовать общество, подобный путь все же показался бы имъ слишкомъ окольнымъ. Но въ такой подъемъ пролетаріата они не вѣрили. Рабочее движеніе еще только начиналось, принимавшіе въ немъ участіе слои пролетаріевъ были незначительны, да и среди этихъ немногихъ борющихся пролетаріевъ развѣ единичныя личности имѣли въ виду нѣчто большее, чѣмъ интересы данной минуты. Воспитать въ соціалистическомъ мышленіи массу населенія казалось дѣломъ безнадежнымъ. Единственное, что, казалось, могла дать эта масса, былъ взрывъ отчаянія, который снесъ бы весь существующій строй и расчистилъ путь соціалистамъ. Чѣмъ хуже становится жить массамъ, тѣмъ ближе моментъ, когда невыносимое положеніе заставитъ ихъ взорвать гнетущее ихъ соціальное зданіе — думали эти рабочіе-соціалисты. На ихъ взглядъ борьба за постепенный подъемъ рабочаго класса была не только безнадежной, но и прямо вредной, потому что незначительныя и мимолетныя улучшенія, получаемыя благодаря ей, дѣлаютъ массы болѣе терпѣливыми и тѣмъ отсрочиваютъ моментъ ихъ возстанія и краха существующихъ порядковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и моментъ радикальнаго устраненія бѣдности. Всякая форма классовой борьбы, не направленная на немедленное и полное разрушеніе существующаго, слѣдовательно, всякая серьезная, успѣшная форма классовой борьбы была поэтому въ глазахъ такихъ соціалистовъ ни болѣе, ни менѣе какъ *измѣной дѣлу человѣчества*.

Больше полувѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ рабочемъ классѣ появился такой взглядъ, геніальнѣйшимъ выразителемъ котораго слѣдуетъ считать *Вейтлинга*. Онъ не исчезъ еще и до сихъ поръ. Къ этимъ взглядамъ склоняется каждый слой пролетаріевъ, впервые вступающій въ ряды борющагося пролетаріата, они возрождаются въ каждой странѣ, гдѣ пролетаріатъ начинаетъ сознавать свое унизительное и невыносимое положеніе и проникаться соціалистическими стремленіями, но не имѣетъ еще яснаго пониманія общественныхъ отношеній и не видитъ въ себѣ силы для упорной классовой борьбы; и такъ какъ все новые и новые слои пролетаріевъ выбираются изъ трясины, куда загнало ихъ экономическое развитіе, и все новыя и новыя страны подпадаютъ подъ власть капиталистическаго способа производства и пролетаризаціи, то и этотъ первоначальный ходъ мыслей рабочихъ соціалистовъ-утопистовъ снова и снова является на сцену. Это болѣзнь роста, грозящая каждому юному пролетарско-соціалистическому движенію, еще не переросшему утопизма.

Подобнаго рода соціалистическія воззрѣнія называютъ обыкновенно *анархизмомъ*, но они вовсе не необходимо связаны съ послѣднимъ. Возникая не изъ яснаго пониманія, а изъ инстинктивнаго отрицанія существующаго, они могутъ быть связаны съ самыми различными теоретическими принципами. Но, конечно, грубый и насильственный соціализмъ пролетарія-самоучки и зачастую весьма сентиментальный, нѣжно настроенный и мирный анархизмъ образованнаго мелкаго буржуа въ наше время охотно объединяются, потому что при всѣхъ глубокихъ различіяхъ имъ обще одно: отвращеніе и даже ненависть къ неустанной классовой борьбѣ, особенно же ея высшей формѣ — политической борьбѣ.

Утопическій пролетарскій соціализмъ такъ же мало могъ разрѣшить противорѣчіе между соціализмомъ и рабочимъ движеніемъ, какъ и соціализмъ буржуазный. Правда, иногда утописты-пролетаріи принимали въ силу обстоятельствъ участіе въ классовой борьбѣ, но это участіе при своей теоретической необоснованности приводило не къ окончательному соединенію соціализма съ рабочимъ движеніемъ, а къ вытѣсненію перваго послѣднимъ. Какъ извѣстно, всюду гдѣ анархическое движеніе (понимая подъ нимъ пролетарскій утопизмъ) дѣйствительно проникало въ массы и становилось классовымъ, оно всегда рано или поздно, несмотря на свой

кажущійся радикализмъ, кончало тѣмъ, что обращалось въ самое узкое чисто-профессіональное движеніе.

12. Соціаль-демократія — соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ.

Для примиренія соціалистическаго и рабочаго движенія и сліянія ихъ воедино требовалось, чтобы соціализмъ вышелъ за предѣлы кругозора утопизма. Это всемірноисторическое дѣло было выполнено *Марксомъ* и *Энгельсомъ*, которые своимъ „Коммунистическимъ Манифестомъ“ 1847 г. заложили научный фундаментъ современнаго соціализма или соціаль-демократіи. Они дали соціализму твердую опору, сдѣлали его изъ прекраснаго сна благожелательныхъ мечтателей предметомъ серьезной борьбы, доказали, что онъ — естественно необходимый результатъ экономическаго развитія. А борющемуся пролетаріату они дали ясное сознаніе его историческихъ задачъ и показали, какъ всего быстрѣе и съ наименьшими жертвами идти къ своей великой цѣли. Теперь соціалистамъ уже не приходится *изобрѣтать* новаго общества, а надо только *открывать* его элементы въ существующемъ обществѣ; не приходится уже нести сверху спасеніе пролетаріату, а надо поддерживать его классовую борьбу, повышать его сознательность и содѣйствовать росту его экономической и политической организованности, чтобы тѣмъ скорѣе и съ наименьшими страданіями достичь того времени, когда пролетаріатъ будетъ въ состояніи спасти себя самъ. *Сдѣлать классовую борьбу пролетаріата возможно болѣе сознательной и планомѣрной — такова задача соціаль-демократіи.*

Намъ не нужно подробнѣе излагать здѣсь ученія Маркса и Энгельса, такъ какъ вся эта книга основана на немъ и представляетъ не болѣе какъ его изложеніе и разъясненіе.

Благодаря этому ученію классовая борьба пролетаріата получаетъ новый характеръ. Пока соціалистическое производство не является сознанной цѣлью этой борьбы, пока стремленія борющагося пролетаріата не выходятъ изъ рамокъ существующаго способа производства, классовая борьба какъ бы вращается въ колесѣ, не двигаясь съ мѣста, и усилія пролетаріата создать себѣ сносную жизнь походятъ на работу Сизифа. Тенденціи капиталистическаго способа производства къ пониженію жизненнаго уровня пролетаріата не устраняются классовой борьбой и ея завоеваніями, а въ самомъ лучшемъ случаѣ лишь нѣсколько сдерживаются. Пролетаризація среднихъ общественныхъ слоевъ продолжаетъ безостановочно идти впередъ, отдѣльныя единицы и цѣлые слои рабочихъ постоянно низвергаются въ ряды лумпенпролетаріевъ, алчность капиталистовъ къ наживѣ не перестаетъ грозить всѣмъ завоеваніямъ лучше поставленныхъ слоевъ рабочихъ. Всякое сокращеніе рабочаго дня, достигнуто ли оно экономической борьбой или же политической, побуждаетъ капиталистовъ вводить сберегающія трудъ машины и тѣмъ повышать напряженность труда; на каждое улучшеніе рабочихъ организацій капиталисты отвѣчаютъ улучшеніемъ своихъ организацій, и т. д. А безработица обостряется, кризисы становятся глубже и шире, мучительная необезпеченность существованія все увеличивается. Съ помощью классовой борьбы пролетаріатъ поднимается скорѣе морально, чѣмъ экономически. Экономическое положеніе пролетаріата въ общемъ и цѣломъ улучшается, благодаря классовой борьбѣ и ея завоеваніямъ, лишь слабо и медленно, если только вообще улучшается. Но зато въ пролетаріатѣ растетъ чувство самоуваженія, и растетъ уваженіе къ нему другихъ классовъ общества. Пролетаріи начинаютъ чувствовать себя равноправными съ своими господами и сравнивать свою долю съ ихъ долей; они становятся требовательнѣе относительно одежды, жилищъ, знанія, образованія дѣтей и т. д., хотятъ пользоваться всѣми благами культуры. Повышается и чувствительность ихъ ко всякому униженію и угнетенію.

Этотъ нравственный подъемъ пролетаріата тождественъ съ пробужденіемъ и постояннымъ ростомъ его „требовательности“. А послѣдняя

растетъ гораздо быстрѣе улучшеній въ его экономическомъ положеніи, совмѣстимыхъ съ нынѣшней эксплуататорской системой. Всѣ эти улучшенія, отъ которыхъ одни съ радостью, а другіе съ боязнью ожидаютъ, что они сдѣлаютъ рабочихъ довольными, неизбѣжно отстаютъ отъ требовательности рабочихъ, естественно возрастающей вмѣстѣ съ ихъ нравственнымъ подъемомъ. Поэтому результатомъ классовой борьбы можетъ быть только увеличеніе въ пролетаріатѣ недовольства своей долей. Это недовольство всего сильнѣе сказывается тамъ, гдѣ экономическій подъемъ особенно отсталъ отъ моральнаго, но нигдѣ ростъ его не можетъ остановиться надолго. Въ концѣ концовъ классовая борьба, разъ она въ своихъ стремленіяхъ не выходитъ изъ рамокъ существующаго способа производства, кажется безцѣльной и безплодной. Чѣмъ выше поднимаетъ она рабочаго, тѣмъ дальше видитъ онъ себя отъ цѣли своихъ стремленій — такого существованія, которымъ онъ могъ бы удовлетворяться, которое соотвѣтствовало бы его воззрѣнію и его человѣческому достоинству.

Только соціалистическое производство сможетъ устранить несоотвѣтствіе между требованіями рабочихъ отъ жизни и средствами ихъ удовлетворенія, уничтоживъ эксплуатацію и раздѣленіе на классы, благодаря чему исчезнетъ такой могущественный стимулъ къ недовольству рабочихъ своей долей, какъ роскошь эксплуататоровъ. Съ устраненіемъ этого раздражающаго примѣра соразмѣрность притязаній рабочихъ съ наличными средствами ихъ удовлетворенія придетъ сама собою. А мы уже видѣли, какъ будутъ увеличиваться эти средства при соціалистическомъ производствѣ.

Мучительная неудовлетворенность, „ненасытность“ невѣдома коммунистическимъ обществамъ. Но она съ естественной необходимостью выростаетъ изъ классовыхъ противорѣчій и эксплуатаціи тамъ, гдѣ эксплуатируемые почувствовали себя нравственно равноправными съ эксплуататорами. Разъ дошло до этого, „ненасытность“ эксплуатируемаго класса исчезнетъ не прежде, чѣмъ будетъ положенъ конецъ эксплуатаціи.

Пока классовая борьба пролетаріата была въ разладѣ съ соціализмомъ, пока она была направлена только на созданіе пролетаріату удовлетворительнаго положенія въ рамкахъ существующаго общества путемъ вынужденія отъ послѣдняго уступокъ, — она задавалась недостижимой цѣлью, уподобляясь безконечному винту. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло послѣ сліянія рабочаго движенія съ соціалистическимъ: теперь оно имѣетъ цѣль, къ которой явственно приближается; теперь всѣ проявленія борьбы, даже тѣ, которыя не даютъ непосредственныхъ практическихъ результатовъ, получаютъ значеніе, разъ только они развиваютъ въ пролетаріатѣ самоуваженіе и усиливаютъ въ немъ товарищескую солидарность и дисциплину. Теперь даже проигранная битва обращается въ побѣду, теперь неудачная стачка, провалившій законопроектъ, составленный въ интересахъ пролетаріата, означаютъ шагъ впередъ на пути къ достиженію достойнаго человѣка существованія. Съ этихъ поръ всѣ экономическія и политическія мѣры относительно пролетаріата, какъ дружественныя, такъ и враждебныя, какъ удачныя, такъ и неудачныя, обращаются ему на пользу, разъ только онѣ будятъ его и поднимаютъ его нравственно. Съ этихъ поръ пролетаріатъ уже не походитъ какъ прежде на войско, которое не движется впередъ, и лишь съ великимъ трудомъ и съ большими потерями удерживаетъ занятыя позиціи; теперь самому слѣпому глазу становится ясно, что пролетаріатъ — завоеватель, противъ котораго ничего не устоитъ, побѣда котораго неотвратима.

13. Международный характеръ соціаль-демократіи.

Новый соціализмъ, основанный Марксомъ и Энгельсомъ, получилъ начало въ Германіи. Оба его основателя были нѣмцы, ихъ первыми учениками были нѣмцы, первыя сочиненія, въ которыхъ былъ изложенъ новый соціализмъ, вышли на нѣмецкомъ языкѣ. Уже одно это можетъ служить объясненіемъ, хотя и не является, конечно, единственной причи-

ной того факта, что слiяніе соціализма съ рабочимъ движеніемъ произошло прежде всего въ Германіи, что здѣсь именно соціаль-демократія впервые пустила корни (подъ Германіей здѣсь понимается не Германская имперія, а всѣ мѣстности, гдѣ живетъ значительное число говорящихъ по-нѣмецки рабочихъ).

Но распространеніе соціаль-демократіи не ограничилось одной Германіей. Основатели современнаго соціализма съ самаго начала признавали международный характеръ, свойственный современному рабочему движенію и поэтому съ самаго начала старались поставить свою пропаганду на международную основу.

Развитіе международныхъ сношеній стоитъ въ естественно-необходимой связи съ капиталистическимъ способомъ производства. Его развитіе изъ простого товарнаго производства самымъ тѣснымъ образомъ связано съ развитіемъ міровой торговли. А послѣдняя невозможна безъ мирныхъ сношеній между націями; для развитія ея надо, чтобы купецъ находилъ въ чужой странѣ такую же безопасность, какъ у себя на родинѣ. Ростъ міровой торговли сильно поднимаетъ купца на соціальной лѣстницѣ. Его образъ мыслей начинаетъ оказывать большое вліяніе на образъ мыслей всего общества. А купцы всегда были самымъ подвижнымъ элементомъ населенія: ихъ девизомъ издревне было ubi bene, ibi patria — гдѣ хорошо, т. е. гдѣ есть нажива, тамъ и отечество.

Такъ по мѣрѣ роста міровой торговли и капиталистическаго производства въ буржуазномъ обществѣ развиваются космополитическія тенденціи, желаніе вѣчнаго мира и братства между народами.

Но капиталистическій способъ производства порождаетъ самыя странныя противорѣчія; и, подобно тому, какъ ему одновременно присущи тенденціи къ увеличенію равенства и неравенства, къ низведенію пролетаріата до самаго низкаго уровня и къ возвышенію его до господства въ обществѣ, къ полной свободѣ личности и къ полному порабощенію ея, — точно такъ же тенденція къ братству народовъ идетъ при немъ рука объ руку съ тенденціей къ усиленію международной вражды. Торговыя сношенія требуютъ мира, но конкурренція подстрекаетъ къ войнѣ. Если въ каждой странѣ идетъ вѣчная война между отдѣльными капиталистами и отдѣльными классами, то идетъ она и между капиталистами и капиталистическими классами отдѣльныхъ націй. Каждая нація старается расширить рынокъ для своихъ товаровъ и вытѣснить съ него другія націи. Чѣмъ развитѣе международный обмѣнъ, чѣмъ необходимѣе всеобщій миръ, тѣмъ ожесточеннѣе конкурренція, тѣмъ больше опасность международныхъ столкновеній. Чѣмъ тѣснѣе международныя сношенія, тѣмъ сильнѣе желаніе національной замкнутости. Чѣмъ сильнѣе потребность въ мирѣ, тѣмъ грознѣе опасность войны... Эти съ виду нелѣпыя противорѣчія совершенно отвѣчаютъ характеру капиталистическаго способа производства. Въ скрытомъ видѣ они присущи уже простому товарному производству, но лишь капиталистическое чудовищно увеличиваетъ ихъ и дѣлаетъ невыносимыми. Что оно въ той же мѣрѣ повышаетъ тенденцію къ войнѣ, въ какой дѣлаетъ необходимымъ миръ, — это только одно изъ многихъ противорѣчій, о которыя капиталистическое производство должно разбиться.

Пролетаріатъ не участвуетъ въ томъ противорѣчивомъ положеніи, которое вытекаетъ отсюда для другихъ классовъ общества. Чѣмъ больше онъ развивается и становится самостоятельнымъ классомъ, тѣмъ очевиднѣе становится въ самыхъ различныхъ областяхъ то явленіе, что изъ каждыхъ двухъ противоположныхъ тенденцій капиталистическаго способа производства его захватываетъ только *одна*, другая же все больше и больше теряетъ надъ нимъ власть. Такъ, напримѣръ, нынѣшній способъ производства порождаетъ тенденцію къ сплоченію производителей въ большіе союзы для совмѣстной дѣятельности и одновременно къ самой ожесточенной войнѣ всѣхъ (производителей) противъ всѣхъ. Въ пролетаріатѣ вторая тенденція перестаетъ дѣйствовать. Вмѣсто противорѣчія между *монополіей* и *конкурренціей*, которое разрозняетъ и раскалываетъ буржуа-

зію, въ пролетаріатѣ мы замѣчаемъ все большее и большее усиленіе тенденціи, ведущей къ укрѣпленію и расширенію пролетарской *солидарности*. Какъ естественное послѣдствіе этой „односторонности“, тенденція къ тѣсному *международному сплоченію* пролетаріевъ различныхъ культурныхъ странъ явно пріобрѣтаетъ все больше и больше вліяніе, а тенденція къ *національной замкнутости и международной враждѣ* теряетъ въ рядахъ пролетаріата всякое значеніе. Капиталистическій способъ производства оторвалъ рабочаго отъ почвы, сдѣлавъ его неимущимъ. У него нѣтъ прочнаго отеческаго дома, а потому нѣтъ и неразрывной связи съ отечествомъ. Подобно купцу, и онъ усвоиваетъ положеніе: ubi bene, ibi patria — гдѣ наилучшія условія работы, тамъ и отечество. Уже ремесленные подмастерья заходили при своихъ странствіяхъ въ чужія земли, и это положило начало международному объединенію, на которые мы уже указывали. Но какъ ничтожны были эти странствія въ сравненіи съ современными, при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія! Притомъ подмастерье странствовалъ съ намѣреніемъ вернуться назадъ на родину, современный же пролетарій уѣзжаетъ съ женой и дѣтьми, чтобы остаться тамъ, гдѣ условія работы всего выгоднѣе. Онъ не туристъ, а кочевникъ.

Подобно пролетарію, и купецъ — по крайней мѣрѣ занимающійся международной торговлей — уходитъ изъ подъ власти земли и поселяется тамъ, гдѣ выгоднѣе вести дѣла. Но чрезъ это онъ не теряетъ связи съ отечествомъ. Вѣдь его положеніе на чужбинѣ, возможность безъ помѣхи наживаться и побивать чужеземныхъ собратьевъ, въ значительной степени зависитъ отъ вліянія и силы государства, къ которому онъ принадлежитъ, которое его охраняетъ. Такимъ образомъ купецъ остается и заграницей націоналистомъ. Онъ даже въ большинствѣ случаевъ становится шовинистомъ — чувствуя всѣхъ непосредственнѣе все значеніе величія своего отечества для наполненія своего кармана.

Не то съ пролетаріемъ. На родинѣ государство не избаловало его своимъ покровительствомъ, заграницей — по крайней мѣрѣ, въ культурныхъ странахъ — ему незачѣмъ искать защиты у отечества. Отправляясь на чужбину, онъ въ большинствѣ случаевъ выбираетъ страну, гдѣ законы и государственный строй благопріятнѣе рабочимъ, чѣмъ на родинѣ. Новые товарищи его по работѣ не имѣютъ интереса лишать его покровительства закона въ тѣхъ случаяхъ, когда оно нужно особенно настоятельно, а именно, противъ эксплуататоровъ. Вѣдь ихъ же собственный интересъ требуетъ, чтобы онъ давалъ эксплуататору возможно большій отпоръ.

Итакъ, современный пролетарій отрывается отъ отечества гораздо полнѣе, чѣмъ странствующій подмастерье цехового періода или купецъ. Онъ становится истиннымъ космополитомъ, его отечество — весь міръ.

Правда, этотъ космополитизмъ связанъ со многими невыгодами, а порою и опасностями, для рабочихъ тѣхъ странъ, гдѣ жизненный уровень выше и условія труда лучше и гдѣ поэтому наблюдается перевѣсъ иммиграціи надъ эмиграціей. Конкурренція менѣе требовательныхъ и болѣе беззащитныхъ чужестранцевъ безспорно мѣшаетъ этимъ рабочимъ въ ихъ классовой борьбѣ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, эта конкурренція, подобно конкурренціи между капиталистами различныхъ націй, можетъ привести къ обостренію междуплеменной вражды, возбудить въ туземныхъ рабочихъ ненависть къ пришельцамъ. Но національная борьба, которая въ буржуазной средѣ есть постоянное явленіе, въ пролетарской всегда бываетъ лишь преходящей.

Рано или поздно пролетаріямъ приходится убѣдиться — путемъ горькаго опыта, если не инымъ какимъ, что этотъ приливъ дешевыхъ рабочихъ рукъ изъ странъ экономически отсталыхъ въ передовыя стоитъ въ такой же необходимой связи съ капиталистическимъ способомъ производства, какъ и введеніе машинъ или вторженіе женщинъ въ промышленность, и также неустранимъ при немъ, какъ и эти явленія.

Рабочее движеніе въ передовыхъ странахъ терпитъ отъ отсталости рабочихъ заграницей еще и по другой причинѣ: высокая степень эксплуатаціи, допускаемая тамъ рабочими, служитъ капиталистамъ хорошимъ

предлогомъ, а иногда и дѣйствительнымъ основаніемъ, противиться улучшенію условій труда въ законодательномъ порядкѣ или же путемъ „свободнаго“ соглашенія.

Такъ или иначе, а рабочимъ становится ясна зависимость ихъ классовой борьбы отъ успѣховъ рабочаго класса въ другихъ странахъ. Если это порою и возбуждаетъ въ нихъ злобу противъ иностранныхъ рабочихъ, то въ концѣ концовъ все же беретъ верхъ сознаніе, что противъ тормозящаго вліянія заграничной отсталости есть только *одно* дѣйствительное средство, а именно, *устраненіе этой отсталости*. Нѣмецкимъ рабочимъ слѣдуетъ всячески желать, а гдѣ можно, то и содѣйствовать тому, чтобы славянскіе и итальянскіе рабочіе добились дома и на чужбинѣ повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени; подобнымъ же образомъ должны относиться англійскіе рабочіе къ нѣмецкимъ и другимъ, американскіе къ европейскимъ.

Тѣсная зависимость классовой борьбы пролетаріата данной страны отъ классовой борьбы въ другихъ странахъ необходимо ведетъ къ тѣсному сплоченію борющихся слоевъ пролетаріата разныхъ странъ другъ съ другомъ.

Остатки національной замкнутости и національной вражды, унаслѣдованныя пролетаріатомъ отъ буржуазіи, вымираютъ, онъ освобождается отъ національныхъ предразсудковъ, научается видѣть и цѣнить въ рабочихъ, на какомъ бы языкѣ они не говорили, не чужестранцевъ, а друзей и товарищей по борьбѣ.

Международная солидарность, естественно, должна быть особенно тѣсной между тѣми пролетарскими слоями различныхъ націй, которые задались одинаковыми цѣлями и преслѣдуютъ ихъ одинаковыми средствами.

Что международная солидарность пролетаріата безусловно необходима для того, чтобы классовая борьба могла выйти по своимъ цѣлямъ, энергіи и объему за опредѣленные тѣсные предѣлы, это было признано составителями „Коммунистическаго Манифеста“ съ самаго начала. Манифестъ обращается къ *пролетаріямъ всѣхъ странъ* и заканчивается призывомъ: „соединяйтесь!“ И та организація, которую они привлекли на сторону своихъ взглядовъ и отъ имени которой былъ выпущенъ манифестъ, была *международнымъ „Союзомъ коммунистовъ“*.

Пораженіе революціоннаго движенія 1848—49 гг. положило конецъ и этому союзу, но съ пробужденіемъ рабочаго движенія въ началѣ 60-хъ гг. онъ воскресъ снова въ видѣ „Международнаго общества рабочихъ“ (основаннаго въ 1864 г.), душей котораго былъ Марксъ. Задачей общества было не только пробудить въ пролетаріяхъ разныхъ странъ чувство международной солидарности, но также показать имъ общую цѣль, и намѣтить общій путь къ этой цѣли. Первая задача была въ значительной мѣрѣ выполнена, со второй общество потерпѣло отчасти неудачу. Оно стремилось объединить во всѣхъ странахъ борящійся пролетаріатъ съ современнымъ соціализмомъ. Международное общество провозгласило, что освобожденіе рабочихъ можетъ быть завоевано лишь самими рабочими, что политическая борьба является лишь средствомъ для достиженія этой цѣли, и что освобожденіе пролетаріата невозможно, пока продолжается его зависимость отъ монополистовъ средствъ производства, — источниковъ жизни. Эти принципы вызвали оппозицію въ обществѣ, усиливавшуюся по мѣрѣ того, какъ выяснилось, что ихъ послѣдствіемъ должна быть соціаль-демократія. Всѣ приверженцы буржуазнаго, мелкобуржуазнаго и примитивно-пролетарскаго утопизма, сравнительно очень многочисленные 20—30 лѣтъ назадъ, равно какъ и представители чистаго профессіонализма рабочей аристократіи, отпали отъ „Интернаціонала“, какъ только замѣтили, куда онъ идетъ. Разгромъ парижской коммуны 1871 г. и правительственныя преслѣдованія въ разныхъ странахъ европейскаго континента ускорили его паденіе.

Но посѣянное имъ сознаніе международной солидарности не могло быть задавлено.

Идеи „Коммунистическаго Манифеста“ завоевали себѣ съ тѣхъ поръ пролетаріатъ всей Европы (и разныхъ слоевъ пролетаріата внѣ Европы);

повсюду сліяніе классовой борьбы съ современнымъ соціализмомъ или уже совершилось, или быстро подвигается. Принципы, цѣли и средства пролетарской классовой борьбы все болѣе и болѣе становятся тождественными во всѣхъ странахъ. Отсюда само собою родилось чувство близости соціалистическихъ движеній разныхъ странъ другъ къ другу, космополитическое сознаніе пріобрѣтало надъ ними все большую и большую силу, и требовался только внѣшній толчекъ, чтобы дать этому факту внѣшнее выраженіе.

Какъ извѣстно, такимъ толчкомъ послужило празднованіе столѣтней годовщины взятія Бастиліи, поведшее къ международному конгрессу въ Парижѣ (1889 г.). Слѣдующіе конгрессы: брюссельскій (1891 г.), цюрихскій (1893 г.), лондонскій (1896 г.) и парижскій (1900 г.) — укрѣпили международную солидарность борющагося пролетаріата, внѣшнимъ выраженіемъ которой служитъ сверхъ того ежегодный *майскій праздникъ*. На эти конгрессы собираются не единичные мыслители и мечтатели, слывущіе чудаками среди своего собственнаго класса, какъ на буржуазные „конгрессы мира“, а представители и руководители сотенъ тысячъ, милліоновъ работниковъ и работницъ. Каждый майскій праздникъ внушительно свидѣтельствуетъ, что *массы* рабочаго населенія во всѣхъ центрахъ экономической и политической жизни во всѣхъ культурныхъ странахъ сознаютъ международную солидарность пролетаріата, протестуютъ противъ войнъ и ясно показываютъ, что такъ называемыя національныя противорѣчія интересовъ раздѣляютъ теперь уже не народы, а только ихъ эксплуататоровъ.

Такого заполненія пропастей между націями, такого международнаго объединенія самыхъ широкихъ народныхъ слоевъ еще не знала всемірная исторія. Явленіе тѣмъ болѣе величественное, что оно наблюдается несмотря на скопленіе на горизонтѣ грозовыхъ тучъ войны, обѣщающихъ въ свою очередь зрѣлище, еще не виданное во всемірной исторіи и грозящее Европѣ страшнымъ опустошеніемъ. Послѣднее обстоятельство усугубляетъ для соціаль-демократіи обязанность рѣшительно высказывать свою космополитическую точку зрѣнія.

14. Соціаль-демократія и народъ.

Соціаль-демократія по всей своей сущности партія международная. Но въ то же время она имѣетъ тенденцію становиться все болѣе и болѣе *національной*, т. е. народной партіей въ томъ смыслѣ, что дѣлается представительницей не однихъ промышленныхъ рабочихъ, а громаднаго большинства всего населенія, т. е. всѣхъ его трудящихся и эксплуатируемыхъ слоевъ, т. е. всего того, что обыкновенно обозначаютъ словомъ: „народъ“. Мы уже видѣли, что промышленный пролетаріатъ имѣетъ тенденцію стать единственнымъ работающимъ классомъ. Мы уже указывали, что другіе трудящіеся классы по своему быту и условіямъ труда все болѣе и болѣе приближаются къ пролетаріату; наконецъ, намъ извѣстно, что одинъ только рабочій пролетаріатъ среди трудящихся классовъ постоянно увеличиваетъ свою силу, интеллигентность и сознательность, что онъ все болѣе и болѣе становится ядромъ, вокругъ котораго группируются все уменьщающіеся остатки другихъ трудящихся классовъ. Его настроеніе и образъ мыслей становятся рѣшающими для всей массы „простонародья“. По мѣрѣ того, какъ наемные рабочіе становятся руководителями народа, рабочая партія становится народной партіей. Дѣйствительно, какъ только самостоятельный труженикъ мелкой промышленности почувствовалъ себя пролетаріемъ, какъ только онъ призналъ, что если не самъ онъ, то его дѣти неминуемо станутъ пролетаріями, что вся его надежда въ освобожденіи пролетаріата, — съ этого момента онъ долженъ видѣть въ соціаль-демократіи естественную представительницу своихъ интересовъ.

Мы уже разъяснили въ предыдущей главѣ, что ему нечего бояться побѣды соціаль-демократіи, что эта побѣда соотвѣтствуетъ также и его интересамъ, означая введеніе такого общественнаго порядка, который

дастъ всѣмъ трудящимся, — не однимъ наемнымъ рабочимъ, но и самостоятельнымъ труженикамъ мелкаго производства, обезпеченность и благосостояніе, избавитъ ихъ отъ эксплуатаціи и угнетенія.

Но соціаль-демократія защищаетъ интересы всего „мелкаго люда“ не въ *будущемъ* только, а также и въ *современномъ обществѣ*. Пролетаріатъ, какъ самый низшій изъ эксплуатируемыхъ слоевъ, не можетъ избавиться отъ угнетенія и эксплуатаціи, не уничтоживъ всякаго угнетенія, всякой эксплуатаціи. Онъ заклятый врагъ ихъ, въ какой бы формѣ они не проявлялись, онъ передовой боецъ всѣхъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ.

Мы говорили выше объ „интернаціоналѣ“. Замѣчательно, что поводомъ къ его основанію послужило заявленіе пролетаріатомъ сочувствія поднявшейся противъ царскаго ига *Польшѣ;* что первымъ адресомъ, выпущеннымъ только что образовавшемся „Международнымъ обществомъ“, было привѣтствіе президенту Соединенныхъ Штатовъ Линкольну, выражавшее сочувствіе рабочихъ дѣлу *освобожденія негровъ;* замѣчательно, наконецъ, что „Интернаціоналъ“ защищалъ самымъ энергичнымъ образомъ угнетенную англійскими господствующими классами *Ирландію,* чего до тѣхъ поръ не дѣлало ни одно существующее въ Англіи и насчитывающее въ своей средѣ англичанъ, общество. Ни ирландское, ни польское движеніе, ни освобожденіе негровъ не имѣютъ прямого отношенія къ классовымъ интересамъ наемныхъ рабочихъ.

Исторія любого соціалистическаго рабочаго движенія представляетъ десятки подобныхъ же примѣровъ.

Говорятъ, что соціаль-демократія зиждется на поступательномъ ходѣ экономическаго развитія, что предварительное условіе соціалистическаго производства, это — возможно полное вытѣсненіе мелкаго хозяйства крупнымъ; что такимъ образомъ соціаль-демократія заинтересована въ гибели мелкихъ предпріятій, въ гибели мелкихъ ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, мелкихъ крестьянъ, что поэтому она должна способствовать ихъ разоренію и не можетъ дѣйствовать въ ихъ интересахъ.

На это можно отвѣтить слѣдующее: *не* соціаль-демократія дѣлаетъ экономическую эволюцію; вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ совершается самымъ основательнымъ образомъ безъ всякаго ея содѣйствія заботами класса капиталистовъ. Конечно, ей нѣтъ причинъ препятствовать этой эволюціи. Но желать остановить хозяйственное развитіе вовсе не значитъ вступаться за дѣйствительные интересы мелкихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа. Всѣ клонящіяся къ тому усилія обречены на неудачу, и поскольку имѣютъ хоть какое-нибудь дѣйствіе, они только вредятъ, и никому не приносятъ пользы. Рекомендовать ремесленникамъ и крестьянамъ мѣры, съ помощью которыхъ ихъ хозяйство будто-бы можетъ сдѣлаться жизнеспособнымъ, вовсе не значитъ защищать ихъ интересы, а скорѣе возбуждать въ нихъ несбыточныя мечты и заставлять уклоняться отъ дѣйствительной защиты своихъ истинныхъ интересовъ.

Но если гибель мелкаго производства и неизбѣжна, то вовсе не неизбѣжно, чтобы она сопровождалась тѣми ужасными явленіями, какія теперь неразлучно связаны съ нею. Мы видѣли, что исчезновеніе мелкаго производства — только послѣдній актъ долгой драмы, предыдущіе акты которой представляютъ не что иное, какъ долгій и мучительный процессъ паденія и обнищанія мелкаго производителя. Соціаль-демократія ничуть не заинтересована въ этомъ процессѣ. Она, наоборотъ, очень заинтересована въ томъ, чтобы его не было. Чѣмъ глубже опускаются тѣ слои, откуда рекрутируется пролетаріатъ, тѣмъ труднѣе потомъ поднять этихъ рекрутовъ до того уровня, на которомъ они захотятъ и смогутъ вступить въ ряды *борющагося пролетаріата.* А сила и численность соціаль-демократіи зависятъ не отъ увеличенія всей массы пролетаріата, а именно отъ расширенія его борющейся части. Чѣмъ неприхотливѣе крестьянинъ и ремесленникъ, чѣмъ привычнѣе къ безкопечному труду, тѣмъ меньше оказываетъ онъ сопротивленія въ качествѣ пролетарія, тѣмъ больше даетъ себя эксплуатировать, тѣмъ больше вреда наноситъ онъ своей конкурренціей лучше поставленнымъ рабочимъ. Отчасти тѣ же самыя причины,

которыя ведутъ къ международной солидарности пролетаріата, вызываютъ въ немъ солидарность съ тѣми классами, изъ которыхъ онъ вербуется, — правда, эта солидарность до сихъ поръ ощущалась и практиковалась только одной стороной — пролетаріями.

Разумѣется, когда гибнущіе крестьяне и мелкіе буржуа стараются отсрочить свою гибель на счетъ пролетаріевъ, напримѣръ, до крайности эксплуатируя учениковъ или же мѣшая организаціи своихъ наемныхъ рабочихъ, они встрѣчаютъ со стороны пролетаріата и соціаль-демократіи самый энергичный отпоръ. Но соціаль-демократія самая рѣшительная поборница тѣхъ мѣръ, которыя, не вредя, а скорѣе содѣйствуя пролетаріату, могутъ значительно *облегчить* и *улучшить* положеніе мелкихъ крестьянъ и мѣщанъ. Таковыми являются отмѣна косвенныхъ налоговъ, привлеченіе богатыхъ къ несенію возможно бо́льшаго податнаго бремени посредствомъ прогрессивнаго подоходнаго налога, уничтоженіе постояннаго войска, устраненіе тѣснѣйшимъ образомъ связаннаго съ послѣднимъ государственнаго долга, и т. д. Соціаль-демократія хочетъ, одновременно съ этимъ экономическимъ облегченіемъ, поднять мелкій людъ *умственно*, требуя не только дароваго обученія, удовлетворяющаго всѣмъ запросамъ современной культуры, но и дароваго снабженія дѣтей учебными пособіями и пищей за счетъ общества. Одна она требуетъ, чтобы всѣ нуждающіеся могли безплатно пользоваться совѣтами врача и адвоката, могли безплатно лѣчиться и защищаться предъ судомъ.

Только мѣры этого рода могутъ улучшить положеніе самостоятельныхъ мелкихъ производителей, поскольку такое улучшеніе возможно въ современномъ обществѣ. Помочь крестьянамъ и ремесленникамъ въ качествѣ *производителей*, поддержать ихъ отсталые способы производства невозможно, такъ какъ противорѣчитъ направленію экономическаго развитія. Равнымъ образомъ невозможно сдѣлать всѣхъ ихъ или хотя бы значительную ихъ часть капиталистами. Всей *массѣ* этихъ мелкихъ производителей возможно еще оказать нѣкоторую помощь только какъ *потребителямъ*. Но какъ разъ тѣ партіи, которыя выставляютъ себя наибольшими друзьями крестьянъ и ремесленниковъ, наиболѣе обдираютъ ихъ какъ потребителей. Это обдирательство реально и рѣзко даетъ себя знать. Уживающіеся же рядомъ съ нимъ претензіи поднять мелкое хозяйство, являются не больше какъ простымъ лицемѣріемъ.

Подъемъ мелкихъ буржуа и мелкихъ крестьянъ какъ потребителей не только не противорѣчитъ экономическому развитію, но, напротивъ, способствуетъ послѣднему. Уже на одномъ этомъ основаніи такой подъемъ не только возможенъ, но и желателенъ, не говоря о другихъ основаніяхъ, диктуемыхъ частью утилитарными соображеніями, частью простымъ состраданіемъ къ тяжелому положенію разоряющихся крестьянъ и мелкихъ буржуа. Чѣмъ лучше будетъ ихъ положеніе какъ потребителей, чѣмъ выше будетъ ихъ жизненный уровень, чѣмъ шире ихъ матеріальные и умственные запросы, чѣмъ сознательнѣе станутъ они, тѣмъ раньше они разстанутся съ желаніемъ конкуррировать съ крупнымъ производствомъ посредствомъ *голоданія*, тѣмъ раньше оставятъ они безнадежную борьбу и усилятъ собой ряды пролетаріата; — но въ такомъ случаѣ они увеличатъ собою не массу смиренныхъ, неприхотливыхъ и неспособныхъ къ отпору слоевъ пролетаріата, а умножатъ ряды его „требовательныхъ“ и сознательныхъ борцовъ, и тѣмъ самымъ ускорятъ ихъ побѣду.

Не на обнищаніи зиждется эта побѣда, какъ ошибочно думаютъ иные, будетъ ли то обнищаніе пролетаріата или же обнищаніе мелкой буржуазіи и крестьянства. Соціаль-демократія имѣетъ всѣ основанія рѣшительно противодѣйствовать этому обнищанію въ томъ и другомъ случаѣ и противодѣйствуетъ ему, поскольку хватаетъ силъ. Поэтому въ ея усиленіи заинтересованы не одни наемные рабочіе, но и другіе слои населенія, живущіе трудомъ, а не эксплуатаціей.

Пока существуетъ современное государство, мелкой буржуазіи и крестьянству не отстоять своихъ интересовъ противъ другихъ классовъ одними собственными силами. Теперь это возможно менѣе, чѣмъ когда-

либо. Для огражденія своихъ интересовъ они должны вступить въ союзъ съ однимъ или нѣсколькими другими классами. Воспитанные въ нихъ частной собственностью инстинкты влекутъ ихъ къ буржуазнымъ партіямъ, т. е. къ союзу съ одною изъ различныхъ группъ высшихъ имущихъ классовъ. Буржуазныя партіи сами ищутъ этого союза, частью изъ чисто партійныхъ побужденій, видя въ мелкомъ людѣ „голосующее стадо", частью изъ болѣе глубокаго разсчета. Онѣ хорошо знаютъ, что частная собственность мелкихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа составляетъ въ настоящее время самый крѣпкій оплотъ частной собственности вообще, а съ нею и ихъ эксплуатаціи. Къ *благосостоянію* мелкаго люда онѣ равнодушны. Обирать его какъ *потребителя* онѣ всегда готовы. Пусть себѣ нищаетъ, лишь бы его мелкое хозяйство, зачисляющее его въ кругъ собственниковъ, не исчезло окончательно. Въ то же время всѣ эти партіи заинтересованы въ расширеніи капиталистической эксплуатаціи, слѣдовательно, въ прогрессѣ экономическаго развитія. Онѣ *желаютъ* сохранить крестьянина и ремесленника, онѣ *обѣщаютъ* имъ это сохраненіе, но *фактически* прилагаютъ всѣ свои силы къ расширенію господства крупнаго хозяйства и къ вытѣсненію крестьянскаго и ремесленнаго производства.

Совсѣмъ иначе относится къ мелкимъ самостоятельнымъ производителямъ соціаль-демократія. Конечно, она не можетъ вступаться за сохраненіе мелкаго производства, но послѣднему нечего отъ нея бояться. Экспропріируютъ ремесленниковъ и крестьянъ капиталисты и крупные землевладѣльцы, а не пролетаріи. Побѣда пролетаріата, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, является, наоборотъ, единственнымъ средствомъ положить конецъ этой экспропріаціи. А въ качествѣ *потребителей* мелкіе производители имѣютъ одинаковые интересы съ пролетаріями. Поэтому они имѣютъ всѣ основанія защищать свои интересы въ союзѣ съ пролетаріями, т. е. присоединиться къ соціаль-демократіи.

Разумѣется, нельзя ожидать, чтобы подобный взглядъ былъ быстро усвоенъ ими. Но бѣгство мелкихъ буржуа и крестьянъ изъ подъ знаменъ буржуазныхъ партій уже началось, бѣгство довольно оригинальное; потому что первыми бросаютъ оружіе какъ разъ самые дѣятельные, самые мужественные, и бросаютъ они его не для того, чтобы уйти съ поля битвы, а для того, чтобы отъ мелкой борьбы за жалкое прозябаніе перейти къ могучей міровой борьбѣ за введеніе новаго общества, которое допуститъ всѣхъ своихъ членовъ къ пользованію великими пріобрѣтеніями современной культуры, къ борьбѣ за освобожденіе всего цивилизованнаго человѣчества, всего человѣчества вообще изъ подъ гнета строя, грозящаго задавить его.

Чѣмъ невыносимѣе становится существующій способъ производства, чѣмъ очевиднѣе близится онъ къ банкротству и чѣмъ неспособнѣе оказываются господствующія партіи устранить растущіе соціальные безпорядки, чѣмъ безнравственнѣе и безпринципнѣе становятся эти партіи, все болѣе и болѣе вырождаясь въ шайки политикановъ, преслѣдующихъ только личные интересы, тѣмъ бо́льшее число членовъ не-пролетарскихъ классовъ примыкаетъ къ соціаль-демократіи и слѣдуетъ подъ ея знаменемъ рука объ руку съ неудержимо шествующимъ впередъ пролетаріатомъ къ побѣдѣ и торжеству.

БИБЛ.

Поступили въ продажу и продаются въ книжномъ магазинѣ
J. H. W. Dietz Nachfolger, Stuttgart

А. А. Исаевъ:

О соціализмѣ нашихъ дней.

Цѣна 6.50 м. = 8 фр.

А. А. Исаевъ:

Чего ожидать женщинѣ отъ соціализма?

Цѣна 60 пф. = 75 сант.

П. А. Кропоткинъ:

Записки революціонера.

Съ предисловіемъ Георга Брандеса.

Переводъ съ англійскаго подъ редакціей автора. (Съ портретомъ автора.)

Цѣна 6.50 м. = 8 фр.

ЗАРЯ.

Соціаль-демократическій научно-политическій журналъ.

Издается при ближайшемъ участіи

Г. В. Плеханова, В. И. Засуличъ и П. Б. Аксельрода.

№ 1. Апрѣль 1901 г. Цѣна 4 м. = 5 фр.
№ 2/3. Декабрь 1901 г. Цѣна 6 м. = 7.50 фр.
№ 4. Августъ 1902 г. Цѣна 4 м. = 5 фр.

Н. Ленина:

Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія.

Цѣна 2 м. = 2.50 фр.